

Невозможное
Богу возможно

Рассказы о чудесах, исцелениях
и помощи Божией

Невозможное
Богу возможно

Рассказы о чудесах, исцелениях
и помощи Божией

«Ковчег»
Москва
2015

ББК 86.372
Н 40

*Допущено к распространению
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС Р15-504-0231*

Н 40 **Невозможное Богу возможно. Рассказы
о чудесах, исцелениях и помощи Божией.** —
М.: «Ковчег», 2015. — 336 с.

ISBN 978-5-906652-43-0

В книгу вошли современные рассказы и свидетельства очевидцев об удивительных чудесах и помощи Божией в различных жизненных ситуациях.

Избранные из православного женского журнала «Славянка» за последние десять лет эти рассказы, как духовное лекарство способны поддержать и помочь каждому, кто нуждается в утверждении духа, в любви и искреннем сочувствии близких.

СОДЕРЖАНИЕ

Ирина Белоцерковская.	
Господь не оставил	6
Богомолов В. А. Тещино благословение	20
Василий Дворцов. Детская молитва	33
Священник Рустик Вязовский. Урок	42
Светлана Демина. Исповедь сильнее лекарства	47
<i>Несколько слов о пороках</i>	54
<i>Бездна</i>	59
Даже бессловесные славят Бога	64
<i>На краю земли</i>	64
<i>Веруйте как дети</i>	66
<i>Все возможно Богу</i>	69
<i>Второе рождение</i>	72
Первые уроки благочестия	79
<i>Мудрая баба Клаша</i>	79
<i>Строгая баба Катя</i>	85
<i>Добрая баба Маша</i>	90
Сила материнской молитвы	94
<i>Мам, благослови!..</i>	94
<i>Кто-то шибко молился за нас...</i>	98
Монахиня Евфимия (Пащенко).	
Врачебная сказка	107

Борис Зайцев. Сердце Авраамия	120
Людмила Ильюнина. По его молитвам Бог дарует детей	128
Нина Карташева. Обретение веры	139
<i>Бабушки</i>	150
Николай Кокухин. Машутка	152
Николай Коняев. Дальний приход	164
Владимир Крупин. Молитва матери	185
Живый в помощи Вышняго... ..	189
<i>По молитвам матери</i>	190
<i>И вывела по тропочке к своим... ..</i>	195
<i>Плач Богородицы</i>	197
<i>Живой я, живой!</i>	200
<i>Молитва под гусеницами</i>	203
<i>С любовью ради Господа</i>	206
<i>Спасение на краю пропасти</i>	207
<i>Как Николай Чудотворец спас от смерти</i>	211
Подполковник Антоний Маньшин.	
Я искал моего Бога	217
Рассказы митрополита Питирима	224
<i>Спасение из-под земли</i>	226
<i>Святитель Николай помог</i> <i>тезоимениннику</i>	229
Екатерина Савостьянова.	
Вразуми меня и буду жить... ..	232

<i>Не опоздать!</i>	232
<i>Николай-угодник окропил водой</i>	237
<i>Тихое чудо</i>	240
<i>А выход-то есть!</i>	248
Надежда Смирнова. Шаман	255
Диакон Михаил Таганов. Лекарство отца Валерия	270
Ирина Турковская. Дашин кошелек	284
Андрей Фарберов. Женские молитвы Великой Отечественной войны	292
<i>Свет от икон</i>	292
<i>Никола Хлебный</i>	293
<i>Гуси помогли</i>	296
<i>Блокадный храм</i>	298
Отец Харитон	304
Юлия Чертова. Возвращение	315
Священник Михаил Шполянский. <i>Что невозможно человеку,</i> <i>возможно Богу</i>	322
<i>Чистая вода</i>	322
<i>Потухшие пожары</i>	326
<i>Слава Богу!</i>	332
Используемая литература	335

Ирина Белоцерковская

ГОСПОДЬ НЕ ОСТАВИЛ

Я — муж скорбей, изведавший
болезни, Я допустил это, чтобы
ты обратился ко Мне и во Мне
мог найти утешение вечное.

*Преподобный Серафим Вырицкий,
из письма духовному чаду*

С Ирой мы познакомились четверть века назад на вступительных экзаменах в институт. Она приехала из села Евлашево Пензенской области, и была не только очень красивой и умной, но еще и совсем незлобивой. Воспитанная в православной семье любящими родителями, которые в условиях гонений на верующих все же сумели привить дочери главные христианские добродетели — смирение и неистре-

бимое желание творить добро — она была открыта всем. А подружившись со мной, еще и сделала для меня самое главное в моей жизни — привела к вере.

Ирина бабушка была старостой Евлашевского храма, после закрытия которого у нее в доме в сундуках хранились серебряные ризы, иконы, подсвечники и большой напрестольный крест с голубыми камнями. Родители Иры обвенчались сразу после войны, а когда родились дети, семья переехала к бабушке. Однажды ее мама сказала: «Нельзя, чтоб такие иконы хранились у нас в сундуке», — и отвезла их в город в единственный открытый храм.

Иру покрестили, когда ей было шесть лет, но в храме с тех пор она бывала от случая к случаю. А к тому времени, когда мы с ней познакомились, я и крестик-то не помню у нее на шее. И все-таки именно она и привела меня к Богу.

Помню, как мы, студентки, пришли в Крестовоздвиженский храм в Алтуфьево, долго стояли на службе, пытаюсь понять хоть что-то, и ощущая, что нам очень хо-

рошо. Пение хора ложилось на душу необыкновенной благодатью, хотелось придти снова. Ира кое-что понимала, и от души делилась со мной своими знаниями.

А еще она возила с собой кусочек свечи, который ей дали после крещения. Она поделила его и половинку отдала мне. Я отщипывала от него маленький кусочек, прилепляла к зажженной свече и верила, что этот огарочек будет и мне помогать в трудностях.

Ира стала крестной мамой мне и моему сыну. Время шло, у нас было все хоро-

шо, вернее, мы так думали. В храм ходили на Пасху и еще перед Новым годом, чтобы «не тащить с собой старые грехи». После окончания института Ира уехала к себе в Евлашево, и наше воцерковление пошло разными путями. Через какое-то время я определилась с храмом, нашла духовного отца и уже не могла жить без веры. Иру же Господь призвал на несколько лет позже. И обращение ее было через болезнь.

Как гром среди ясного неба прозвучало сообщение из Евлашево, что у подружки обнаружили злокачественную опухоль сразу в обеих молочных железах. Ира рассказала, что после обследования врач пригласила ее на прием с целью назначения даты операции. Ни много ни мало, ей должны были отнять обе груди. Я стала настаивать на приезде подружки в Москву. Лечащий врач была категорически против этого решения, она кричала на Иру: «Ты что, мне не веришь?» Преодолев это давление, подружке с трудом удалось получить на руки результаты хоть

каких-то анализов. С ними она и отправилась в дорогу.

Ира приехала в пятницу утром, я встречала ее у поезда, настраивалась держать себя в руках. Но как только она показала в тамбуре вагона, мы встретились глазами и обе расплакались. Опомнившись, я чуть строго сказала: «Давай договоримся, что пока мы еще живем. Не плакать». Ира очень изменилась. Всегда красивая и веселая, она почернела, глаза ввалились, ее добрую и открытую душу накрыло такое смятение и отчаяние, что при виде ее сердце разрывалось на части.

День ушел на телефонные звонки. Брат помог договориться о консультации со специалистом в онкоцентре на Каширке. Но только на понедельник. Такая отсрочка, как оказалось, была промыслительна, но поняли мы это позже. Приехав на дачу, натопили печку и пошли на всюнощную в «мой» храм.

Познакомившись с моим батюшкой, Ира рассказала о своей горе и попросила ее исповедовать. Отец Ростислав расспро-

сил, постилась ли она и успеет ли прочесть все положенные перед причастием молитвы, а потом посоветовал купить книжечку святителя Игнатия (Брянчанинова) и готовиться по ней. «Чтоб тебе для начала полегче было», — сказал ласково он. Но вечер был длинным, мы решили легкой жизни не искать, поэтому взяли «Опыт построения исповеди» Иоанна Крестьянкина. Надо сказать, что за свою жизнь ей пришлось только однажды исповедоваться, много лет назад, да и было это, в общем-то, формально, без подготовки: батюшка спрашивал, она отвечала.

А в этот вечер Ира читала вслух, мы разбирали грехи по книге, она записывала свои на листок. Что бы она ни читала, все было «про нее». Она обращала ко мне свои огромные удивленные глаза и говорила: «Я что-то очень много пишу», — ждала поддержки. А я ей только одно отвечала: «Было бы удивительно, если бы тебе нечего было писать. Пиши-пиши». Тогда ей казалось, что я не очень оправдывала звание подруги. Она ждала, что поддержку,

оправдаю ее. Это «пиши-пиши» выглядело в ее глазах какой-то вредностью.

Закончили мы далеко за полночь, список оказался на нескольких листах. Вычитали Правило, утром — Последование ко святому причащению, с трепетом отправились в храм. Я потом спрашивала ее, что она чувствовала тогда, она ответила: «Было такое ощущение, что я попала в другую жизнь. Я вошла в этот храм и уцепилась за него с надеждой, как за соломинку. Обливаясь слезами, знала, что я в храме Божиим и теперь все будет хорошо, мне есть у Кого просить».

Перед исповедью Ира была уверена, что прочитает свои листочки быстро, но на первом же слове горло так сдавило, что она еле-еле произносила слова. Батюшка слушал ее внимательно, дал ей возможность сквозь слезы и спазмы прочитать все до конца самой. Ничего не комментировал, объяснять не стал, только сказал: «Ну что ж, ну что ж. С Богом». Может, и говорил что-то еще, но для нее все последние события были таким потрясени-

ем, что она и себя не помнила. Первый раз в жизни она исповедовалась и причастилась, как положено.

После службы мы пригласили батюшку к себе в гости, пили с ним чай, разговаривали о жизни и радовались обновленной душой этому зимнему солнечному дню. Ира все удивлялась, что батюшка может не только служить, но еще и сидеть рядом в нашем домике, мирно беседовать на разные темы и отвечать на вопросы. И все это лично для тебя. В этот момент ужас в душе отступил, было как-то спо-

койно рядом с бабушкой от его тихого, ласкового голоса, от его любви к нам, горемычным. И не то, что происходило в последующие дни, а Божия благодать, осязаемая после причастия, внимание, ласка и любовь бабушки Ростислава, сделали Иру другой, стали той гранью, которая разделила ее жизнь на две части.

А в понедельник утром в душе снова появилась горечь — мы собирались на Каширку. Никогда не забыть, как долго шли от метро. Это огромное, незнакомое здание в перепуганном сознании представляло какой-то фабрикой, если не смерти, то страданий точно. Мы никак не могли войти в него. Только найдем открывающуюся дверь — нас не пускают. На одном из входов, когда вахтерша отвернулась, мы попытались быстро проскочить мимо нее. Но она была слишком бдительна и, не церемонясь, прогнала нас. Я робко пошутила: «Похоже, нас не ждут, нам не сюда».

В конце концов, мы дошли до входа, где нас не выгнали, а даже приняли одеж-

ду в гардероб. Пока шли к лифту, подавленное страхом сознание фиксировало болезненные лица, платки на безволосых головах женщин, какую-то молчаливую угнетающую суету спешащих людей. Казалось, что жизнь в нас медленно замирала.

Врач был слишком бодр для нашего душевного состояния. Иру осмотрели, выдали все направления на обследования и посоветовали быстренько их пройти.

О, эти бесконечные коридоры онкоцентра на Каширке. Мы металась по ним в поисках нужных кабинетов, расходились, чтобы занять очередь сразу в несколько, бегали друг к другу, чтобы не оставаться долго наедине с мрачными мыслями. Через несколько часов после входа в это здание мы имели на руках все результаты анализов, необходимые для операции. Вернулись к врачу, он снова был полон энтузиазма, так как, по его словам, пока мы ходили, он уже «наточил ножи». То есть нашел место и время для операции в ближайшие дни. Мы смиренно отдали ему все бумаги. И вот...

Он долго их рассматривал, по мере изучения результатов, его энтузиазм постепенно уходил. Доктор позвонил заведующему, тот пришел и тоже долго-долго все изучал. Потом начали снова Иру спрашивать, осматривать. Мы понимали, что что-то не так. Это пугало и все-таки немного отвлекло от чувства безысходности. Что нас ждет еще? У нас попросили стекла (на стеклах «высеивают» раковые клетки). Стекол у нас не было, их не отдали в Пензе. Несмотря на это, врачи вынесли свой вердикт: «У вас ничего нет». В одно мгновение мы бросились друг к другу обниматься и запрыгали от радости. Я только повторяла: «Я же говорила, что нам не сюда». Нас попросили все-таки добыть стекла и для лучшей уверенности принести их на проверку врачу, после чего отпустили с Богом.

Мы шли обратно по этим бесконечным коридорам, знали, что они уже не имеют к нам никакого отношения, и мы тут не свои. И все же хотелось поскорее выйти.

Вышли на улицу и первым делом позвонили бабушке, кричали в трубку:

«Представляете? Ничего нет!» Он радовался с нами и все повторял: «Слава Богу! Слава Богу!» Я по греховной своей сущности завела разговор о враче, по чьей вине моя подруга чуть не стала инвалидом, на что Ира спокойно, тихо и уверенно ответила, что разбираться и тем более мстить никому не собирается. Эта тема и до сих пор остается закрытой для разговора.

А Ира с тех пор стала воцерковляться, привела детей в храм, теперь она — большая помощница на своем приходе, регент хора. В Москве удается бывать нечасто, но в каждый приезд она обязательно просит отвезти ее к отцу Ростиславу. Ира говорит: «Хоть я и живу далеко и не бываю, не исповедуюсь здесь, все равно батюшка Ростислав для меня главный батюшка в моей жизни».

Сказать слово «воцерковилась» по отношению к Ире будет мало. Она стала ревностной христианкой. Моя подруга приняла все и сразу, считает, что нельзя немножко верить, а немножко не верить. Если среда или пятница, значит, она не ест

не только мясо, рыбу и молоко, но и растительное масло. А когда видит, что я уже к вечеру среды кладу на хлеб ма-аленький кусочек сыра, у нее от изумления раскрываются и без того огромные глаза и вытягивается лицо: «Как? В этот день Господа предал Иуда. И ты можешь сейчас это есть?» С нетерпением ждет многодневных постов, радуется, когда они, наконец, наступают. Даже перед домашней молитвой она переодевается в юбку и надевает платок на голову. Но больше всего поражает и вдохновляет то, как она реагирует на любое известие. Что бы я ей ни рассказывала, чем бы ни делилась, она тут же выпаливает: «А ты радуйся. Слава Богу! Господь тебя не оставил».

Легко сказать «Благодарю за все!» после того, как всласть обсудил недостатки ближки, и от них же натерпелся искушений. Когда живешь в мире, где есть все, в том числе и скорби, часто забываешь, что все от Бога, что Господь дает все по силам. Научиться смотреть на мир и на себя в нем с радостью и надеждой удаётся не сразу и

далеко не каждому. Ире это удалось. В тот день, когда она после долгого перерыва приняла Тело и Кровь Христовы, она почувствовала сильное желание жить по новому, которое Господь закрепил на следующий день «неожиданным» исцелением и последовавшей за ним легкой и светлой радостью на душе.

Москва-Евлашево.

Богомолов В. А.

ТЕЩИНО БЛАГОСЛОВЕНИЕ

«Пазик» на двадцать с лишним мест проходил через Покровское в восемь часов утра. На нем и уехал директор школы Юрий Никитич. Около одиннадцати он был уже в областном центре. Здесь ему предстояло обойти несколько кабинетов управления образованием, куда его привели дела службы.

Пока обошел нужные ему кабинеты, вымотался за несколько часов так, как у себя в школе и за месяц не уставал.

Когда перевел дух и глянул на часы — стрелки показывали уже 15.10. Еще надо было заехать к теще хотя бы на часок. Иначе жена не поймет его. Да он и обещание дал, что навестит обязательно ее

маму. Обрато «Пазик» отправаляется в 17.40, билет на него лежит в кармане, в за- пасе оставалось два с половиной часа.

От центра города, где Юрий Никитич находился, доехать до тещиноа дома про- ще всего было трамваем, а от тещи до ав- товокзала — автобусом. Едва он подумал о трамвае, как тот, будто по щучьему веле- нию, тут же и подкатил.

Букваально через полчаса Юрий Ники- тич прибыл к теще. Отношения между ними всегда были хорошими, и Тамара Сергеевна зятю обрадовалась. Когда услы- шала, что редкий гость заглянул на часок, заторопилась накрывать на стол, расспра- шивая попутно, как поживают Наташень- ка да внуки.

Пятнадцать лет назад Наташу после вуза направили в село Покровское по рас- пределению отдела народного образова- ния. Здесь она познакомилась с истори- ком Юрием Никитичем, они полюбили друг друга и поженились. Завели свой дом, огород, небольшое хозяйство, дети по- шли — сначала родился мальчик, потом

девочка, и Наташа домой в город почти не приезжала. Зато Тамара Сергеевна, выйдя на пенсию, проводила в Покровском каждое лето по два месяца. Она с удовольствием копалась в огороде, собирала ягоды, сушила травы, возилась с внуками. Возвращаясь в город, говорила всем, что отдохнула, как на курорте.

За супом Юрий Никитич выпил две рюмки водки, слегка разомлел и с куском жареной рыбы управлялся уже не так торопливо, передавая теще сельские новости.

Когда настал черед пить чай, гость, глянув на часы, ахнул и подскочил: до отправления автобуса оставалось 55 минут. Тамара Сергеевна сказала, что без чая она его не отпустит. Но чай был таким горячим, что, хлебнув его, Юрий Никитич отказался чаевничать. Теща принялась уговаривать зятя, что успеется ему, тут до автовокзала ехать каких-то двадцать минут, а если сесть на коммерческий автобус — в два раза подороже, но зато без толкотни и быстрее, — так вообще минут за пятнадцать доберется.

Чтоб не обидеть гостеприимную тещу, Юрий Никитич, нервничая и обжигаясь, выпил все-таки стакан чая и сразу начал одеваться. Тамара Сергеевна собрала гостинцы внукам и дочери, зять сунул все в сумку, поцеловал тещу в щеку и нахлобучил шапку.

— погоди, Юра, — остановила его Тамара Сергеевна. — Дай-ка я тебя благословлю на дорожку. Сними шапочку-то.

Он сделал раздраженный вздох и, скрепя сердце, подчинился. Тамара Сергеевна осенила его крупно трижды крестом, шепча про себя какие-то слова, и закончила вслух: «...даруй, Господи, Ангела хранителя, Ангела сопутешественника. Ну, с Богом!»

Юрий Никитич в ту же секунду выскользнул за дверь и бегом-бегом помчался по лестнице вниз — вызывать лифт на седьмой этаж времени не было. Тамара Сергеевна прошла в кухню к окну, провожая зятя взглядом, готовая помахать ему рукой, но, пересекая двор, он даже не оглянулся, раздраженный тем, что теща сильно задержала его своим назойливым

угощением. Да еще с этим... благословением, когда каждая секунда дорога.

В Бога теща уверовала в последние лет восемь, когда стала появляться в продаже духовная литература. Образованный человек, она постоянно покупала и читала книжки по Православию, начала ходить в церковь, окрестила внуков, и все сокрушалась, что Наташенька с Юрой живут невенчанными. Они и сами уже подумывали обвенчаться, но как-то все оттягивалось это дело, хотя храм в Покровском отдали верующим и теперь не надо было куда-то ехать, чтобы креститься или обвенчаться. Как историк, Юрий Никитич интуитивно угадывал спасительное значение религии в истории народа, но сам — дитя атеизма — себя пока не мог переломить, чтоб стать с женой под венцы: учителя все-таки, думал он, стыдно как-то; скажут: вот в партии когда-то был, теперь в церковь пришел. Смеяться еще начнут. Что в этом приятного?

Не добежал он шагов десяти до остановки, когда нужный ему автобус захлопнул двери и отошел. Не хватило секунд

как раз из той минуты, которую отняла теща своим благословением. Но, на его счастье, тут же подкатил «Пазик» с шашечками. Вспомнив слова тещи про коммерческий автобус и заметив на табличке слово «Автовокзал», он, не раздумывая, вскочил в салон. Пассажиров было всего человек шесть. Юрий Никитич сел и, купив за три рубля билет, немного успокоился: в запасе у него оставалось ровно полчаса: если автобус будет идти даже двадцать пять минут, а не пятнадцать, то должен спокойно успеть. Вот точно на таком же автобусе он приехал утром в город.

Неожиданно «Пазик» свернул в противоположную сторону, Юрий Никитич аж подскочил и спросил у кондуктора, почему автобус пошел в другом направлении? Она успокоила, что доедет, и заметила, не укоряя:

— Разве не видели, в маршруте указано: идет через цирк?

В одном ряду с Юрием Никитичем — через проход — сидел крепкий полный мужчина лет под пятьдесят, одетый в во-

енную цвета хаки форму, лишенную знаков различия. Он был изрядно под хмельком и пытался игривым разговором привлечь к себе внимание молоденькой симпатичной кондукторши. Он уговаривал ее присесть рядышком с ним, поздравлял с праздником, потом стал добиваться, чтоб и она его поздравила, но тщетно.

Девушка ушла от пьяного подальше, и он переключил свое тяжелое внимание на Юрия Никитича.

— С праздником! — сказал он учителю, рассматривая его задирающим взглядом и с подозрительностью.

Юрий Никитич вспомнил — сегодня был День милиции; ему подумалось, что человек в форме имеет какое-то отношение к празднику, видимо, бывший работник милиции или внутренних войск, а сейчас на пенсии; может, работает охранником в каком-нибудь офисе или ларьке.

— С праздником! — повторил пьяный с нажимом и угрожающе засопел.

Юрий Никитич равнодушно ответил, что это не его праздник. Крепышу такой

ответ не понравился, мышцы лица его дрогнули и окаменели, глаза сощурились прицельно.

— Ниче, волки, скоро вас будут стрелять, — пообещал он сквозь зубы. И неизвестно, какой бы оборот принял этот напряженный разговор, но в распахнувшуюся на остановке дверь вошли три женщины respectable вида, две уселись впереди «майора», как Юрий Никитич про себя назвал пьяного, и тот, увидев дам, плотоядно расплылся, сразу сосредоточил все внимание на них.

Тут учитель заметил, что автобус еще раз повернул вправо, удаляясь от автовокзала в противоположную сторону все больше. Это вызвало новый прилив беспокойства. Он еще раз спросил кондуктора, куда они едут, почему не на вокзал и даже не к цирку, как было обещано до этого поворота. Кондуктор на удивление доброжелательно пояснила, что их маршрут проходит по улицам Макаренко, Тургенева и Дружбы. Жалобным тоном он сказал, что у него билет на междугородный автобус на 17.40 и что опаз-

дывает на автовокзал, остается всего двадцать минут до отправления.

— Так вам надо было сесть на «67-Т» или на «1-Т», — подсказала девушка.

Да какая польза была ему теперь от такого совета. Видя, как встревожен пассажир, она прошла к водителю и стала ему что-то говорить; может, просила ехать побыстрее, подумалось Юрию Никитичу. Но ехать быстрее не получалось, рабочий день кончился, улицы были забиты транспортом, от остановки к остановке автобус все больше заполнялся пассажирами и скоро был набит уже битком. Учитель стал подумывать, как ему теперь еще и выбраться отсюда в этакой давке.

Оставались считанные минуты, но автобус на каждом перекрестке, как на беду, попадал под красный сигнал светофора. Юрий Никитич весь кипел внутри и ругал тещу. «Вот благословила, так благословила, — бормотал он раздраженно, — ведь если б я успел на тот автобус, что ушел перед самым носом, то теперь уже давно был на вокзале. — Ну, благословила!»

За семнадцать лет работы в школе нервы его заметно сдали, и в быту выдержки ему порой не хватало. В школе, перед детьми, держался.

С трудом он протиснулся к выходу, на нужной остановке с трудом вырвался на улицу. Осмотрелся и, определив в какую сторону бежать к автовокзалу, помчался. К немалому огорчению, предстояло еще одолеть подземный переход, превращенный в тесный базар.

«Вот благословила, так благословила», — бормотал он, уже играя желваками.

Между тем, стрелка на часах перевалила минуту отправления автобуса, и Юрий Никитич мысленно заклинал водителя задержаться на минуту-другую и очень надеялся на это.

Десятая площадка была пуста, Юрий Никитич сразу смекнул, что автобус ушел. Оно и понятно: ненастный ноябрьский вечер, все торопятся домой, Женя (лихого шофера, много лет колесившего через их село, он знал по имени,) отчалил строго по расписанию.

«Ну, благословила! — простонал Юрий Никитич с досадой, а дальше зло добавил. — Да плюнуть надо было на этот чай!» Теперь вот придется терять сутки. А это в его планы ну никак не входило. Либо утром надо ехать на электричке до Кунгура, а там шестьдесят километров — на автобусе. И все равно раньше часа дня в Покровское не попадешь. А так — в восемь часов сегодня вечером, ну, может, в начале девятого, был бы дома.

Ничего не оставалось огорченному пассажиру, как идти сдавать билет в кассу, изрядно потеряв в деньгах. А дальше что? Возвращаться к теще, чтоб заночевать? «Благослови-и-ла!»

Сдав билет, он подумал-подумал и решил ехать не к теще, встреча с которой была бы теперь неприятной и тягостной, а к давнему институтскому товарищу, с которым они до сих пор поддерживали отношения редкими письмами.

Андрюха встретил так хорошо, что, проведя с ним в разговоре время далеко за полночь, Юрий Никитич уже не жалел, что отстал от автобуса.

Утром он, ни свет, ни заря, засобирався в дорогу. Вначале ехал два часа на электричке, потом на автобусе, и в 13.10 был в своем селе.

Пока шел по улице к дому, встретились несколько односельчан; они останавливались перед ним и замирали, а поздоровавшись, еще долго стояли, провожая его взглядом. Вначале он этому значения не придавал, но когда и второй, и третий человек при встрече с ним повели себя так же странно, его пронзила мысль, от которой екнуло в груди: кажется, что-то недоброе произошло? Сердце заколотилось. В дом он почти вбежал.

Наташа, к его удивлению, была в этот час почему-то не в школе; вся заплаканная, она посмотрела на него, как, наверное, смотрят на привидение.

— Наташа! — воскликнул он, обмирая. — Что случилось?!

Вместо ответа она бросилась к мужу и, рыдая, вцепилась в него. С ней была истерика. Не скоро Юрий Никитич, теряясь в страшных догадках, связанных с сыном и дочерью, добился от жены объяснения.

Оказывается, «Пазик», на котором он должен был вчера приехать домой, столкнулся на мосту с «Камазом», груженным углем; отброшенный ударом, автобус пробил ограждение моста и рухнул в реку. Пассажиров, говорят, было немного, но все ушли под воду, никто не выплыл. Когда утром страшная весть облетела Покровское, Наташа решила, что муж ее погиб, потому и не приехал.

Юрий Никитич был так потрясен услышанным, что долго не мог оправиться от потрясения и только бормотал: «Вот это да! Вот это да!»

Дома же, когда немного успокоился, рассказал Наташе, как опоздал на автобус, сдал билет и заночевал у Андрея.

Василий Дворцов

ДЕТСКАЯ МОЛИТВА

Оленьке было тогда пять лет. Жили они — отец, мать, она и только что родившийся братик — на хуторе, отстоявшем от ближайшей деревни километра на два. Да и деревня та, с громким именем Барское, сама насчитывала всего десятка три скученных меж болотистых перелесков стариковских полузабытых всеми дворов, замечаемых в непроглядность и суровую скудость Русского Севера то белым снегом, то сизыми туманными дождями. Временами непроходимая и непроезжая полевая дорожка подходила к высокому с мезонином и резными ставнями дому, прикрывающему собой стайку, сенник, баню и иные необходимые в самостоятельном хозяйстве

постройки. Далее до самого тальникового болота вытянулся огород.

Хуторная жизнь была не судьбой, не некой роковой случайностью, а личным выбором, гордой крепостью под флагом непреклонной отцовской воли. Как дед в свое время не поддался на коллективизацию, оттрубив за это на Соловках свои четыре года, так и отец, вернувшись с флота и встав на ноги, не захотел знать мира. Жил самобытно не от жадности, а из-за характера. Чтоб никому не кланяться. Работал он на железнодорожной станции в Сокольском, ходил на работу через лес почти пятнадцать верст и не жаловался. Работа была суточной, с трехдневным перерывом. Мать следила за детьми, управляла немалое хозяйство и во всем всегда соглашалась с мужем. Он, когда-то самый лихой гармонист во всей округе, с годами растерял бойкую веселость, зачурался любого общества, стал с чужими молчалив до немоты. Но по субботам обязательно расчехлял зелено-перламутровую, с цветными мехами гармонь и, сев около накрытого стола, начинал с «под-

горной». Застывала в сковороде чуть отклеванная с краю картошка, чернел в эмалированной кружке чаговый чай, а гармонь, вздыхая и эхая, переливалась от «Златых гор» к «Яблочку». С матерью на пару они пели до глубокой ночи то веселые, то жалостливые песни, сами себе смеясь и плача. Оленька так и запомнила их: отец склоняет голову к постукивающим пуговкам-клавишам, черный чуб закрывает лицо, а за спиной у него стоит мать, положив руки ему на плечи, и поет, отстраненно глядя в потолок.

Были ли они верующие? В церковь не ходили, — да и некуда было, — но икона в углу на полочке стояла всегда, украшенная вологодской вышивкой, не взирая ни на какую правящую идеологию. Да еще мама всегда точно помнила, какой когда церковный праздник, и готовила то пирог, то кулич, а то и гуся. Но не постилась и молилась редко, по особому случаю. Как прижмет. Приезжавшая осенью на месяц помогать с новорожденным бабушка Нюра выучила с Оленькой «Отче наш» и «Бого-

родицу», понарасказывала громким шепотом перед сном про Боженьку и Николу-угодника, попугала страшным судом и мытарствами. Но потом отец разворчался, чтобы ребенку «голову не морочили», а то в школе комсомольцы умучают, и на этом все религиозное образование закончилось.

В тот памятный зимний день отец дежурил на станции. Мороз стоял уже с неделю, воздух потерял всякую влажность и в их крытом, по местному обычаю под одну с домом крышу, дворе неожиданно страшно лопались поленья в поленицах. Как бичом кто-то щелкал. И колодец обмерз так, что ведро не опускалось, приходилось растапливать для хозяйства уличный снег. Мама почти круглые сутки топила печь, но все равно в избе было зябко, особенно зло поддувало по полу, так что ходили в валенках. Малыша закутали, положили повыше, привалили тулупом. Оля тоже почти весь день просидела на столе, до темноты играя в две свои облезлые куколочки. Скучный был день. Ничем не запомнился. Дело было посленовогоденное,

стемнело уже в пять, и они ужинали при лампе. Поев, дети легли на постели рядом, а мать, скрипя налипшим на дверь инеем, долго еще то и дело выбегала в стайку покормить и подоить корову, перепроверить свиней, овечек и утеплить кур. Уже почти в полночь, в последний раз подкинув в печь пару здоровенных лесин, поплотнее прикрыла подтопок, чтоб они подольше горели, и осторожно прилегла к малышам с краю. Лунный свет на полу и стене перебивался быстрыми бликами от огненных щелок вокруг печной дверки. Тикали часы...

Оленька уже спала, когда ее словно кто подкинул. Она присела на кровати и, ничего не понимая, смотрела, как мама, захватив в шаль тихонько заплакавшего братишку, в одной рубахе мечется по дому, сбивая табуреты и странно постанывая. Лишь когда она, сильно ударившись о стену, замерла, Оля услышала, как в сенях кто-то чужой сослепу громко шарит по стенам, гремя пустыми ведрами и чугунами. Кто там?

Вор? Разбойник? Мать опять сдавленно застонала. Вот этот «кто-то» нащупал их оббитую снаружи дерматином дверь и стал дергать за ручку. Маленький, самодельный крючок запрыгал в петле, но держал, не поддавался. Убедившись в надежности запора, «кто-то» опять начал яростно шарить по совершенно темным, заставленным хозяйской и скотской посудой и утварью, сеням. И нашарил топор.

Дверь была толстая, а рубить ее из-за низкого потолка было несподручно. Мама уже молча сидела на кровати, одной рукой прижимая младшего, второй гладила головку дочери и смотрела, как в верхнем углу двери появилась трещина, затем рядом косо пошла другая. И тут Оленька вывернулась из-под руки, соскользнула на пол и встала на коленочки перед иконой. Страх у нее никакого не было, просто она знала, что «так нужно». Девочка громко и аккуратно, как научила бабушка, стала читать попеременно «Отче наш» и «Богородицу», каждый раз крестясь и кланяясь лицом в пол. Она молилась, повторяя

молитву за молитвой, а с той стороны двери удары слабели. И в какой-то момент они с мамой услышали, как там раздался звук упавшего топора и этот неизвестный «кто-то» вдруг дико, не по-человечески закричал. Он зверино, с надрывом кричал и отчаянно метался по сням, в кромешной тьме грома все, что ни попадя, пока с визгом не вылетел на улицу.

Оленька встала с колен, продолжая молиться, подошла к окну, протаяла ладошкой ледок, и они с мамой увидели, что от их дома к далекому лесу, прямо по глубоко, почти в пояс, заснеженному белому полю бежит черный человек. Человек все время падал, проваливался, оглядываясь и отмахиваясь от чего-то невидимого руками, но крика уже не было слышно. На щедро сияющем под высокой полной лунной, переливисто мигающем всеми цветами ледяной радуги, ровном как покрывало поле, он был совершенно черным-черным. И лицо тоже. От него оставался неровный, глубоко развороченный след. Человек все взмахивал и взмахивал руками, словно его

преследовал целый рой пчел, пока не слился с такой же, как сам, чернотой мелкого колючего ельника. Так и остался один след под сияющей в ледяном небе луной.

Теперь уже мама стояла на коленях и молилась. Молилась до утра, иногда поднимаясь, чтобы подойти и мокро-солено поцеловать детей. А Оленька крепко спала, обнимая и согревая собой братика, подоткнутая со всех сторон толстым перовым одеялом. Она даже не особо испугалась, так и не восприняв произошедшего всерьез. Да и что могло значить это «всерьез» для пятилетней девочки? — Разбой? Убийство? — Этого в ее возрасте еще не понять. Чувство отчаянья? Бессилия перед неотвратимым злом? — Тоже не для детей. Чего, вообще, было так пугаться?

Просто кто-то чужой ломился в дверь.

Просто бабушка велела, если что такое, молиться.

И Боженька всегда защитит.

г. Новосибирск

УРОК

Как-то, на заре своего беззаботного и почти сказочного периода, называемого неофитством, ехал я в троллейбусе, кажется, в собор на службу. Шла Светлая седмица.

Денек был солнечный и жаркий. Другими словами, типичный для города Николаева майский день. Еду я себе, еду, да преспокойненько так мысленно осуждаю всех и вся вокруг.

Почти каждый вошедший молодой человек поражал меня неаккуратностью своего «прикида», грубой манерой держаться на людях, громкой болтовней с приятелем и прочими нюансами поведения. Можете вообразить, как я оценивал

наряды девушек и их манеру держаться? «Какой стыд и срам», «где культура?!», «ну, конечно, где уж у них найти веру в Бога?» Это далеко не полный набор фраз, пронесшихся в моем мозгу. Напомню, на дворе был конец девяностых, а это значит, что короткие юбки — были далеко не самой «неблагочестивой» одеждой. Так называемые «лосины» еще не отжили свое, и отравляя взор кричаще ядовитыми красками, они словно сами просились под колкое словцо. И, конечно же, посреди этого «Соддома и Гоморры» восседал я — чистый, добрый и верующий христианин...

И тут мой неофитский взор нашел нечто такое, что сразу заставило позабыть обо всех непристойностях пассажиров сразу. Что волнует едва пришедших в Церковь людей больше, чем сравнительная характеристика стиля одежды «своих» и «не своих»? Правильно — яростное, почти фанатичное, доказывание правоты своей веры всяким, посмевающим не верить во Христа, верить неправильно, смея под-

вергать православное учение критике, или просто проповедовать разного рода оккультные практики. Надо сказать, что в определенной степени это имело оправдание, потому что еще была свежа память о так называемом «Белом братстве», листовками которого были оклеены все трамваи, троллейбусы и заборы, оставившая неприятное послевкусие в обществе.

Итак, привлекла мое внимание аккуратно наклеенная на стенку салона листовка с приглашением посетить какое-то собрание для разговоров на «духовные» темы. В общем, без особого труда можно было понять, что это объявление — приглашение с секту.

Совесть мне подсказала, что эту листовку нужно сорвать, дабы она не смущала души доверчивых пассажиров, и не стала бы причинной гибели чьей-то души.

Однако тут же заговорил иной голос моей «чистой души» — ложный стыд, который, как оказалось, неплохо уживался в моем сознании с яростным неофитством. Еще пару мгновений назад я смотрел на

этих людей, как на личностей, мнение которых мне безразлично. Но это было до тех пор, пока бесплодные и бесполезные философствования не подошли к тому пределу, за которым нужно было совершить реальный полезный поступок. И этот-то поступок я сделать все никак не решался. Мало ли, как прокомментируют мое поведение окружающие. Да и не хочется, чтобы все эти девушки узнали, что я — их сверстник — еду в храм. В общем, я благополучно ехал себе да ехал, а листовка не менее благополучно висела на стене салона.

На какой-то остановке в салон вошла дама, сразу же привлекшая мое внимание. Ради нее я даже оторвался от созерцания этого объявления.

Дама. Иного слова для описания ее облика я подобрать бы не смог. Это была женщина лет тридцати, модно, но со вкусом одетая, в крупных солнцезащитных очках. Что-то мне и в ней показалось «неправославным», возможно, так называемое в народе модничанье и яркая демонстрация того, что сегодня зовется словом «гламур».

Я повернул голову в ее сторону. Между тем, она купила билет и спокойно села на свободное место неподалеку от двери троллейбуса. Трудно было сказать, куда смотрят затемненные солнцезащитными стеклами ее глаза, но вдруг она встала, уверенной походкой прошла между рядами, уверенным жестом сорвала эту злополучную листовку, смяла ее и запихнула в не менее модную дамскую сумочку. Затем подошла к своему месту и, сев, повернула голову в мою сторону. Улыбнулась и, видимо, узнав меня, громко и приветливо произнесла: «Христос Воскресе!».

В это мгновение в моей душе произошел переворот, и в полном изумлении я тогда подумал: вот оно — настоящее Православие.

г. Николаев, Украина

ИСПОВЕДЬ СИЛЬНЕЕ ЛЕКАРСТВА

В древней Руси причащались часто — даже лица, обремененные общественными попечениями. Про святого благоверного князя Романа Угличского известно, что он ежедневно слушал Божественную службу, святой благоверный великий князь Киевский Ростислав-Михаил Мстиславович, внук Владимира Мономаха, приобщался Святых Таин каждое воскресенье...

При подготовке к Святому Причащению существуют определенные правила, без соблюдения которых принятие таинства недопустимо. В житийном описании святого праведного Иоанна Кронштадтского, при жизни удостоившегося от Господа дара прозорливости, есть любопытный пример. Бывало, иногда батюшка

выходил на амвон со Святой Чашей, но, внимательно оглядев паству, уносил ее обратно в алтарь. И, вернувшись к народу, начинал проповедь. Он говорил: «Родные мои! Никто из вас не готов к принятию Святых и Страшных Христовых Таин!.. Загляните-ка в свои сердца: какими же мы считаем себя хорошими! А на самом деле все черствые, жестокие или бессердечные, даже равнодушные... Мысли наши пропитаны земным и тленным. Мы не простили своих обидчиков, переполнены суетой и гордостью до краев. И раскаяния нет в наших сердцах. Мы не чувствуем, куда пришли и зачем...» После огненных слов истинного пастыря Христова прихожане начинали горько плакать и по-настоящему скорбеть о грехах своих. Только тогда начиналось причащение...

В своих дневниках святой Иоанн Кронштадтский постоянно и восторженно отзывается о спасительности частого причащения. К тому же призывал своих чад преподобный Серафим Саровский и многие святые. Радостно: сегодня восстановлен-

ные и вновь построенные храмы полны народом. Причастников очень много, и у каждого — сугубо личные переживания, собственный духовный опыт. Но иногда происходят настоящие чудеса, способные послужить примером для всех нас.

О том, что здоровье — дар Божий, Ирина знала хорошо. Только беречь его не успевала. Утром — бегом на клирос, потом на работу, а ведь надо и бабушке помочь. Жила она в небольшом городке. При маленьком храме была и певчей, и уставщицей, и завхозом, и секретарем настоятеля, и преподавателем воскресной школы. По-другому не могла, что ж делать, если больше некому?! От послушания к послушанию едва успевала...

И вот однажды Ирина угодила в больницу — сильно заболела грудь. Временами казалось, вот-вот вконец перехватит спазмом дыхание. От болевого шока даже сознание несколько раз теряла. Ох, и намаялась! Каких только врачей не прошла, сколько обследований: одно за другим!

Увы, специалисты никак не могли установить диагноз. А боль не отпускала. Ирина едва не плакала от беспомощности. Спала плохо. От мрачных дум и дурных предчувствий совсем приуныла. В душу закралась безысходность...

Когда ей удалось наконец добраться до родного храма, она с обреченным видом спросила отца настоятеля, который был ее духовником:

— Батюшка, может быть мне надо пособороваться? — Ирина, как многие, заблуждалась тогда, думая, что собороваться можно только перед смертью.

Но священник принял иное решение:

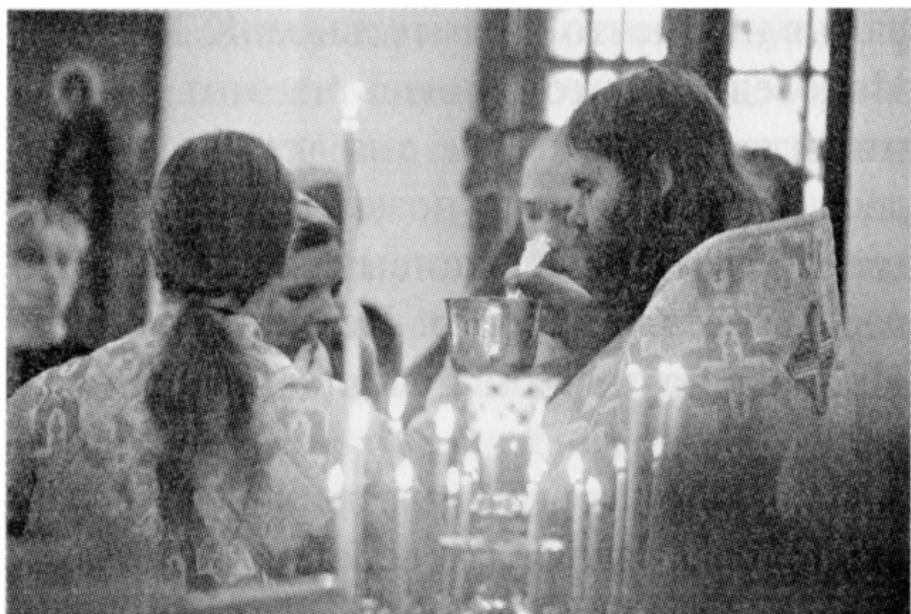
— Тебе надо попоститься дня три. И лучше без рыбы. А в воскресенье благословляю причаститься. Не горюй! Воля на все Божия. Но я верю, пошлет Господь милость. Подготовься к исповеди... как следует.

За эти два слова — *как следует* — Ирина схватилась, будто за палочку-выручалочку. Может быть, произнес их батюшка как-то по-особому, но Ирина почувство-

вала в них нечто спасительное. К Таинству Исповеди она готовилась на этот раз как никогда раньше. Три дня усердно молилась, чтобы Господь помог вспомнить все грехи. Тщательно записывала их. Постилась предельно строго. После Всенощной Ирина с волнением подошла под епитрахиль...

И боль отпустила: тяжесть в груди ослабла. Больная вздохнула свободнее. «Вот ведь, дуреха так дуреха, — подумала она, — мне бы давным-давно батюшку спросить! Да кто же мог вообразить, что исповедь сильней лекарства!» Теперь уж Ирина не сомневалась в этом, почувствовав облегчение сразу после разрешительной молитвы духовника. Домой она добиралась с радостной надеждой, что завтра будет еще лучше.

Наступило завтра. В храме началась Божественная литургия. Конечно, ощущение сдавленности в груди еще давало знать о себе, но не так остро. Ирина всецело отдалась молитве. «Господи, помоги! — молила она всем сердцем, всем существом. — Прости меня за все, пожа-

луйста, прости! — уговаривала она Создателя. — Помилуй меня, Владыко, неблагодарную!» — плакало измученное сердце... Казалось, что служба совершается необычно стремительно. Вот уж и молитвы перед Причастием читают. От сильного переживания даже вся напряглась, когда распахнулись Царские врата и раздалось: «Со страхом Божиим и верою приступите!»

Именно так Ирина и приступила к Святой Чаше. Не разжевывая, проглотила частичку и запила теплотой. Сделала не-

сколько шагов и вдруг содрогнулась: будто разорвался толстый канат, тугим обручем стягивающий грудь. Она явственно услышала, как что-то тяжело упало на пол... И еще раз... И еще...

И тут она, наконец, легко вздохнула полной грудью: боль исчезла совсем. «Господи! Да неужели?! Слава Тебе за все!» Она осторожно опустилась на скамью. От сильного потрясения едва держалась на ногах. Из глаз хлынул поток. Он заливал лицо, шею, грудь. Причастница счастливо улыбалась сквозь слезы в ответ на вопросы встревоженных прихожан и загадочно молчала. То, что произошло с нею, объяснить было трудно, по крайней мере, тогда слов не нашлось.

А что же случилось на самом деле? Сила Божества разрушила цепи греха. Ведь именно это Ирина ощутила так явственно. Не увидела, но услышала, почувствовала. И поняла, какое величайшее чудо кроется в Святом Причащении, когда Сам Врач душ и телес наших входит в сердце человека.

Несколько слов о пороках

Порок бывает от пороков?! — Полина забавно морщит лоб и весело подмигивает. — Порок — это навсегда или как?!

— Ну, наверное, пороки разных видов по-разному действуют, — недоумеваю я, — или как?!

— Или как!!! Вот именно! *Пороки греховные* могут усиливаться или исчезать в ходе нашего попущения или духовной с ними борьбы. А вот *порок сердца* (заметь, какой интересный термин медицинский!) врачи считают болезнью неизлечимой.

— Ты о чем?

— О чудесах! Мир переполнен чудесами Божиими, но сам мир так погряз в пороках, что не замечает удивительное и невероятное. Понимаешь, если бороться с пороками-страстями, может исчезнуть и порок-болезнь...

История, которую мне пришлось выслушать вслед за серией шуточных каламбуров, и впрямь удивительна.

Несколько лет назад Полина почувствовала себя весьма неважно и начала

сильно страдать от неприятных ощущений в теле. После долгих «хождений по мукам» она попала на ультразвуковое обследование. Врач, женщина милая и предупредительная, внимательно исследовав больную, попыталась ее утешить:

— Порок сердца бывает врожденный и крайне редко — приобретенный. Во втором случае сказываются неблагоприятные условия жизни. У вас как раз приобретенный. Взгляните на снимок, вот эти два клапана должны быть расположены как крыша домика для равномерной пульсации крови. У вас один клапан опущен вниз. Пугаться не стоит. Но здоровье необходимо поберечь. Прежде всего, надо категорически избегать физических нагрузок и тем более перегрузок... Кстати, у вас есть сын?

— Даже двое!

— Их бы тоже не мешало проверить на нашем аппарате. Дело в том, что при пороке сердца дается освобождение от службы в армии...

Какое-то время Полина всем окружающим с увлечением рассказывала, как от тя-

желой жизни она приобрела порок сердца. Показывала снимок со «сломанной крышей», подробно объясняла, ища в окружающих элементарного сочувствия и сострадания. Впрочем, недолго. Закрутилась, завертелась, замоталась... и все забыла. Пока снова не почувствовала сильное недомогание и физическое бессилие.

Опять она страдала, лечилась, обследовалась. Только УЗИ сердца назначили аж через два месяца. На 4 декабря. Для православных это день особый, двенадесятый праздник — Введение во храм Пресвятой Богородицы. А Полина человек глубоко верующий. И перед праздником говела, просила у родных и знакомых прощения, тщательно исповедовала свои сердечные грехи-пороки духовнику. За ранней Литургией в храме Божиим с трепетом душевным приобщилась Святых Христовых Таин.

Богородичные праздники она любила по-особому. Обязательно готовилась и причащалась. Бывало, в такие дни в сердце появлялось необыкновенное умиротворение и тишина. Случались и слезы умиления.

Обычно старалась поскорее спрятаться от шумного мира, его обыденной суеты. Но на этот раз Полину переполняло необычное ликование. Хотелось петь, обнять весь мир и всем-всем подарить радость! Вполголоса напевая «Богородице Дево», она, не торопясь, шла домой, улыбаясь всем встречным и поперечным. По дороге вдруг вспомнила: «А ведь в 16.00 мне надо на УЗИ! Может, ну его, это обследование?! Хотя, пожалуй, нехорошо, талон пропадет, а ведь другой человек уже не сходит».

И в 16.00 Полина вошла в тот же кабинет, как и несколько лет назад. Врачом опять оказалась женщина, правда, моложе и строже:

— По какому поводу обследуетесь?

— Несколько лет назад у меня признали порок сердца.

— Ну что ж, ложитесь на кушетку, будем смотреть.

Полину слегка замучили, просвечивая больше часа, несколько раз переворачивая из одного положения в другое. В конце концов, врач заявила:

— Как хотите, но порока я у вас не нахожу! Может быть, вы что-то перепутали?

— Как перепутала?! Изменение в клапанах зафиксировано на прошлом снимке. Вот, посмотрите!

Врач развела руками.

— Странно как-то. Ни разу не слышала, чтобы порок сердца прошел бесследно. Посмотрите на этот снимок — здесь же ничего нет!..

На снимке запечатлелось еще одно чудо Божие — сердце без порока!

Чуть погодя Полина вспомнила слова своего духовника (уважаемого архимандрита Свято-Троице-Сергиевой Лавры), который однажды сказал ей, что почти все болезни человеческие происходят от греха. Борется кто-то с грехом, побеждает его — и болезнь исчезает. Насовсем! На исповеди сердце раз за разом очищается. А причастие исцеляет от греха и нередко от болезней. Тайна этого чуда кроется в неизреченной любви Господа к грешному человеку.

Бездна

Алевтина суетилась. Мужа надо непременно чем-то на ужин удивить. И с внучком-трехлетком море хлопот: то помыть, то накормить, то погулять с ним... Дите малое — тут глаз, да глаз. Невестку уж освободила на время от Антоши, той с новорожденной забот невпроворот. Как белка в колесе Алевтина с утра до ночи...

— Аля, — то муж зовет, — да где ж ты? Куда мои очки запропастились, никак не найду. А мне тут срочно надо кое-что дописать...

— Баушка-а-а! — то Антоша чашку с киселем опрокинул и кричит истошно, весь заляпанный...

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку!.. — то кукушка на кухонных ходиках уж восемь вечера накуковала, пора Алевтине на ночную смену собираться, а в доме все вверх дном как всегда. И нет той суете ни конца, ни края...

На дежурстве лишь и утихнут немного страсти житейские. Да сердечко ровнее забьется. Алевтина по ночам-то сторожем подрабатывала. Тут и начинается она меч-

тать. А мечта ее все об одном и том же: как бы достойно к причастию подготовиться! Вот как бы все-все вычитать, поговорить, на службу вечернюю время выкроить... За домашними хлопотами никак не успевает, а не причащалась уж с полгода поди — давненько. Только Антошу водит по воскресеньям в храм ко Святым Тайнам, сама никак не сподобится. То правило не успевает вычитать, то на службу вечернюю припозднится, к полиелею-то едва поспеет, или вдруг Антоша закапризничает, или муж разболеется... А причаститься Алевтина хотела достойно, только достойно, по-другому не мыслила. Да и как иначе?!..

Обходя свой сторожевой объект по кругу, Алевтина, наконец, приняла твердое решение и даже палкой строго по земле постучала: «Хватит откладывать! А то вовсе безобразие — полгода без причастия! Нет сил больше никаких. На этой же неделе буду причащаться и точка. Господи, благослови!» Решила и отрезала. Есть такое у нее в характере. Терпит, терпит, а потом как взорвется, уж ничем не удержишь.

На удивление обстоятельства складывались очень благоприятно. Даже внучек притих в последние дни. И муж чем-то сильно увлекся, не требует ежеминутно Алевтину. На дежурстве она и правило большое, не торопясь, вычитала. Старалась, как могла. А в Бога Алевтина свято верила, и молитвы Ему со слезами приносила... Вот, слава Богу, и вечернюю службу по расписанию, «от и до» отстояла, дома, странное дело, спокойно без нее обошлись.

В ночь перед причастием Алевтина заснула довольная: «Благодарю Тебя, Господи! Все-все успела. Благослови завтра ко Святым Тайнам приступить!»

А завтра началось у Алевтины еще до свету. Проснулась часа в четыре, быстро собралась и пешком через весь город в монастырь. Перед самой ранней службой поисповедалась у старенького монаха. Тщательно свою душу от грехов очистила. А батюшка ласково так спросил:

— Готовилась ко причастию-то?

— Уж как следует, батюшка, постаралась!

— Ну, с Богом иди, чадо!

На службе Алевтина молилась истово. Крестное знамение на себя часто-часто накладывала. Изо всех сил старалась Богу угодить своей ревностью...

Вот уж и пора. Царские врата открыли, Чашу со Святыми Дарами выносят. Алевтина с трепетом сердечным подошла ко причастию. С благоговением приняла частичку. И в мыслях своих произнесла:

— Наконец-то, Господи, хорошо подготовилась и достойно причастилась! — повернулась, чтобы к запивке пойти... и застыла.

Под ногами у Алевтины разверзлась бездна. Края той бездны — огромная хищная пасть чудовища, в утробе жуткой адский огонь полыхает. Еще полшажка и — вниз головой на лютые мучения!.. Окаменела от страха, а сзади причастники подходят: «Что случилось, сударыня? Проходите!» И обходят ее. Глядит Алевтина, как другие по этой бездне спокойно идут, будто и нет ее совсем, и еще больше холодеет от ужаса. «Значит только для меня

одной эти муки приготовлены?!.. Господи, пощади, помилуй! Сжался надо мной!» — вдруг вырвался вопль из самой глубины сердца Алевтины, она зажмурилась до черноты в глазах и слабо простонала: «Пожалуйста, пощади меня, Милостивый Боже!» В сильном душевном смятении приоткрыла глаза и... облегченно выдохнула. Бездна пропала. Впереди был просто пол, по которому и прошла, наконец, Алевтина к заливке...

После службы тотчас поторопилась найти батюшку. Бросилась к нему, захлебываясь слезами, потому что сама ничего не понимала и сильно дрожала от пережитого кошмара. Батюшка внимательно выслушал, расспросил и проговорил:

— Это за гордый помысел твой Господь вразумил. Что дерзнула подумать, будто достойно причастилась. Так-то думать негоже вовсе! Ведь сами мы, без Господа, разве можем что хорошее сотворить, погремушки пустые, а все-то надмеемся да кичимся. Достойно причащаются как раз те, кто очень сильно осознает свое недо-

стоинство и ничтожество. Ты лучше со смирением ко Святой Чаше приступай, и с такими словами: «Прости, Господи, за все и не отвратись от меня скверной!» Тако оно верней будет для спасения души.

ДАЖЕ БЕССЛОВЕСНЫЕ СЛАВЯТ БОГА

На краю земли

Матушка Татьяна не входит, а врывается в квартиру, большая, шумная, деятельная и ... любвеобильная:

— Шибко Преподобному захотелось поклониться, батюшке Сергию родненькому. Светик, ты уж прости, что мы без предупреждения.

Только не надо думать, что матушка Татьяна и на самом деле извиняется или чувствует нечто похожее на угрызения совести. Она всего лишь выполняет принятый среди людей ритуал. Рядом с нею неизвестный мне молодой человек.

— Познакомься, это Володя, не переживай, он меня провожает и сейчас же об-

ратно в Москву. Мы со службы из Лавры. С электрички на службу попали. Мне только ночку переночевать. Не прогонишь?!

Совершенно не интересуясь ответом, матушка Татьяна уже разворачивает свертки с подарками и требует чай. Матушка Татьяна не умеет и не любит притворяться, оставаясь всегда неизменной: искренней и добродушной...

Несколько лет назад мы жили с нею (еще просто Татьяной) в одном городке Заполярья, который «невелик и не мал» и расположился «у Печоры у реки, где живут оленеводы и рыбачат рыбаки». Заполярье — край суровый: с вечной мерзлотой, белыми ночами, северным сиянием... и удивительно добрыми людьми, простыми, нелицемерными и бесхитростными. Матушка Татьяна и я — обе уроженки Севера. А познакомил нас отец Владимир, первый настоятель нового православного прихода. Человек самый обыкновенный, вернее, даже слегка неказистый: низкорослый, щуплый, с реденькой бородкой и о-о-очень уж молодой! Про него некото-

рые неверующие в городе так и говорили: «Да что это за батюшка, батюшки такие не бывают! Священник должен быть представительный, с большой бородой, уважение должен внушать, одним словом!» А городок наш тоже молодой, построился и вырос неподалеку от Пустозерска в крутые по безбожности времена. О Господе многие впервые узнавали из атеистических книжонок. Скептиков и ухмылок по поводу нового церковнослужителя хватало с избытком. Тем не менее, непостижимым образом отец Владимир собрал и объединил нас в небольшой, но крепкой церковной общине. Мы часто встречались в его гостеприимном доме за трапезами и богословскими беседами...

Веруйте как дети

За чаем впервые узнаю, что Татьяна уже матушка, потому что недавно стала насельницей Новодевичьего женского монастыря в Москве.

— Вот поразбросало-то как нас. Ты в Посаде, я в Москве... Вы тут, у Преподобного, лучше за батюшку молитесь, всем семейством. Трудно ему сейчас, весь актив наш почти разъехался (активом мы называли тех, кто помогал отцу Владимиру в нелегкие годы становления общины). Много он для всех нас сделал. Сама знаешь! Ведь по его молитвам наши мечты сбывались. Ты хоть знаешь ли какая у него молитва-то?!

На крошечную кухню втиснулось уже все мое многочисленное семейство. Чада «растопырили» уши и притаились в ожидании чудесного рассказа. Матушка Татьяна не замедлила. Правда, на минутку крепко задумалась.

— Весной это приключилось. Мы уж с батюшкой уходить собирались из храма после службы, как в дверь ввалились ненцы-оленоводы. Пастухи. Им стадо оленье надо было перегонять через Печору. Вот и давай уговаривать батюшку, чтобы благословил их на переправу. Ледоход-то был на подходе. Распутица уж началась.

Шутка ли, огромное стадо всем весом по льду поперет разом. Отец Владимир очень долго с ними переговаривался, все головой качал. Никак не хотел соглашаться. А ненцы же народ упрямый, заладили одно: «Тока молись, бачка, и будет карашо. Бог поможет тебе. Он все может, ты сам говорил». Батюшка этих оленеводов незадолго до того окрестил, многое разъясняя и рассказывая им о православной вере. Вот ненцы, словно дети малые, и придумали: если им надо, значит, Бог, Который Отец им, должен дать и все тут! Вишь ты, опоздали они почему-то с переправой и переживали по-своему. И никаких доводов разума слышать не желали. Все разом шумят, руками машут, спорят. Им, видать, на другой берег позарез надо. У батюшки вид тогда строгий стал. Он велел всем ждать и ушел в алтарь на долгое время.

Вышел весь в себя углубленный, но решительный. Велел всем девчонкам с клироса собираться и идти вместе с ним за оленеводами. Мы и пошли.

Солнышко в тот день непривычно играло, на речном льду сверху-то вместо снежка лужи стали большущие. Ледоход уж в нескольких километрах от нас. А на берегу олени сгрудились. Тут же, на берегу Печоры, отец Владимир и отслужил молебен перед началом благого дела, благословил каждого оленевода и сказал только: «Ну, с Богом!»

И погнали они олешек. Знай, хорями помахивают, да шибко кричат по-своему. Олешки-то умницы, копытцами аккуратно перебирают, не торопятся, будто чего-то опасаются. А представь, под лужами — лед сплошной, скользко... Мы с батюшкой так на берегу и стоим, замерли в ожидании конца переправы. Видим: первые уж на тот берег стали выбираться.

Все возможно Богу

Только батюшка крестное знамение на себя наложил: «Слава, Тебе, Господи!», как... будто, стон протяжный раздался. Гляжу,

заметались последние ряды, падают олени, в нескольких местах только рога изо льда торчат... Господи! Да что же это?! Как разглядела, аж, в груди похолодело: лед треснул, ломается, раздвигается... пастухи последних рядов в панике кричат, оленей кое-как вытаскивают да и сами неустойчивы на льдинах... А лед под тяжестью стада еще больше корежит... Мы с девчонками как-то враз и в один голос заорали: «Батюшка!!!»... А батюшка, где стоял, там и сполз на коленки, руки к небу воздел и застыл в немой мольбе, только слез крупные горошины из глаз покатались. Успела заметить я, что губы у отца Владимира задрожали, а в глазах сильная боль и страдание застыли. Вокруг батюшки и мы все на коленки попадали... Мне показалось, долго молились. Потом-то будто и время замерло. И вдруг тишина такая необычная настала. А на льду... Трещин и расколов на льду-то уже нет совсем, ровно его как пластилин склеило, да крепко-накрепко. Олешки и давай — бегом, к тому берегу. Вскоре все и переправились. Почему-то пастухов не слышно

было, молчали они как-то странно. Думаешь, тут чудо и кончилось? Не-ет!

Последние олешки как на тот берег выбрались, вдруг в один ряд все выстроились вдоль берега, да как по команде повернулись в нашу сторону. Веришь, нет, а все-все передние копытца преклонили, рогами до земли стукнулись и замерли! Все стадо разом поклонилось! Ты понимаешь, они так батюшку за молитву благодарили. Эти бессловесные твари быстрее людей все поняли и нам пример показали. Мы-то батюшку бросились обнимать-целовать. А отец Владимир, знаешь, каким он строгим бывает, и сказал нам без тени улыбки:

— Чудесное спасение Господь явил за соборную молитву и по детской вере пастухов в Его Всемогущество. Сказано же в Священном Писании: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». Видели, даже олени поблагодарили Творца своего за милость. Нам с вами тоже надо поторопиться благодарственный молебен отслужить Всемилостивому Спасу.

Мы уж с батюшкой спорить не стали.

Второе рождение

...В тот день все в маленьком полярном городке шло своим чередом. Закончилось утреннее богослужение в недавно восстановленном соборе Святых первоверховных апостолов Петра и Павла. Отец Вадим, молодой настоятель, заглянул в церковную лавку, чтобы узнать, есть ли какие-то нужды. Вдруг громко ухнула дверь в притворе — матушка за свечным ящиком недовольно поморщилась:

— Ох, православные, все так будем хлопотать, скоро снова храм придется ремонтировать. И куда спешат, не пожар, чай!

Но дело оказалось серьезнее пожара. В храм буквально не вошла, а влетела бабушка Лида.

— Где тут священник? Кто? Срочно мне его надо!

— Да я и есть. Что же приключилось у вас? — спокойным голосом произнес за ее спиной отец Вадим.

— Ой, батюшка, скорей собирайся, все, что надо, бери и бегом в больницу!

— Да что случилось в больнице, скажите толком! Умер кто?

Бабушка Лида, рыдая, крепко вцепилась обеими руками в подрясник настоятеля.

— Внук у меня умирает. Внучок первый, долгожданный. Врачи приговорили: до утра не доживет. Родился вчера, семи-месячный, слабенький. Окрести его, ради Бога! Не хочу, чтобы первый внучок да нехристом помирал.

Отец Вадим решительно освободился из рук бабушки Лиды, но ответил мягко:

— Сейчас в алтаре возьму все, что необходимо, и едем. Машина у вас есть?

— Да вот же, такси рядом с церковью стоит. Я на нем из больницы и прямо за тобой. Спасай, родимый!

Пока батюшка собирался в алтаре, бабушка Лида истово крестилась, кланялась до земли почти перед каждой иконой и громко причитала на весь храм.

— Господи, убереги внучонка, уж как ждали мы его с дочкой, Сам знаешь! Господи, пошли великую милость, не дай ди-

тыя умереть нехристом! Ты прости меня, бабушку старую, только невинную душеньку не отпусти в ад за грехи мои! Матушка Богородица, спаси мальчика родимого, кроvinочку мою, от всякой нечисти, заступись, Преблагословенная!..

В машине бабушка Лида поведала отцу Вадиму всю свою жизнь.

Судьба ее не баловала. Трудно жилось, порой даже тяжело, когда одна, без мужа, с детьми осталась. Но в сердце, как живой родничок, билась мысль о Боге: есть Он, видит мои мытарства, все знает про меня. Только вот за старшей дочерью не доглядела — а ей уже и крестик стыдно надеть, и в церковь-то ни-ни! Как замуж собралась, не послушалась матери — не захотела венчаться в храме. Сказала: «Стыдно, люди засмеют!» и как припечатала. Живут-то с мужем вроде ладно, да вот же какое горе приспело. Так ребеночка ждали, мальчика очень хотели, Мишенькой назвать думали...

— Ведь как тяжело мне, батюшка милый, как внука-то я ждала. Мечтала: в храм его стану носить, причащать, на ножки

встанет, молиться начнем вместе. Ох, горе мне! Дочка, как узнала, что не жилец, сама-то в истерике. Плачет, зря меня не послушалась, сейчас бы и бегом под венец, да сыночек уж помирает, синюшный стал, под колпаком лежит. Сама согласилась, надо батюшку, чтобы ребеночка окрестил.

Отец Вадим не мог даже слова вставить — речь бабушки Лиды лилась шумным потоком.

— Матушка! Мы ведь уж несколько минут у больницы стоим, вам, думаю, торопиться надо, — прервал вдруг ее пожилой таксист, давно внимательно прислушивавшийся к необычным речам.

— Сколько с меня? — очнулась наконец бабушка Лида.

— Ни копейки не возьму, идите, спасайте мальчика! Мы тоже, вроде не из обезьяны произошли. Бог-то вам да в помощь!

В приемном больничном покое молодая медсестра решительно загородила дверь на лестницу, ведущую в реанимационное отделение:

— Ку-уда? Никаких визитов! Не пущу!

Однако перепалка с бабушкой Лидой оказалась девчужке не по силам. Через несколько минут «охрана» сдала позиции:

— Ну, идите-идите! Да все равно вас никто в реанимацию не пустит, вот увидите!

Убедились, точно так. Порядками и инструкциями запрещено — и кончен разговор. Только не для бабушки Лиды! Она с жаром набросилась на врача:

— Ты от моего внука сам отказался! Говорил, что не жилец?.. Говорил, что шансов нет?... Не хочешь пустить в палату, тогда выдай нам его! Ты что, хочешь весь век в аду гореть, родимый?.. Ребенка надо окрестить, понимаешь, не позволю, чтобы первый внучок да нехристом помер. Человек ты или кто? — в громком голосе бабушки Лиды что-то неожиданно дрогнуло. — Ну, хочешь, на колени перед тобой стану?! Хочешь!?

Врач от неожиданности растерялся и как-то обреченно махнул рукой, подзывая медсестру:

— Подберите для священнослужителя белый халат, и колпак пусть наденет непременно. По-другому нельзя. А вы сейчас же замолчите, здесь больница и шуметь нельзя.

Врач нервно передернул плечами, а бабушка Лида от радости даже рот свой рукой прихлопнула.

— Если хотите, за обрядом будете отсюда наблюдать, из-за стекла. А в палату войдут только священник с медсестрой. Все понятно?!

Батюшка молча кивнул. Также молча натянул поверх епитрахили медицинский халат и безропотно позволил медсестре затянуть тесемки на белом колпаке.

В палате отец Вадим приготовил все к Таинству Крещения. Разложил на столике рядом с медицинскими инструментами чашу с Богоявленской водой, кропило, зажег свечи и попросил медсестру приоткрыть барокамеру, в которой лежало си-нюшное бездвижное тельце младенца. Только медицинские приборы еще показывали, что жизнь в нем все же теплится.

— Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков!.. — отец Вадим ровным голосом начал привычный обряд.

Бабушка Лида как-то остро почувствовала, что до предела напряглась в ней каждая жилка. Поняла, что больно ей потерять малую кровиночку, что не хочет она расставаться с умирающим внуком... И беззвучно заплакала, сотрясаясь всем телом.

Батюшка уже обошел с кадилом всю палату и читал положенные по чину молитвы. Особо внушительно прозвучали его слова: «Отрицаюсь тебе, сатана!» И в тот же миг медсестра вскрикнула: «Все, кончается!», — и скорбно застыла. Ребенок несколько раз судорожно вздрогнул и вдруг застыл совсем неподвижно. Отец Вадим, будто ничего не расслышал, не останавливаясь, ровным голосом продолжал молитву. Наконец взял кропило, опустил его в чашу и, не жалея святой воды, трижды окропил изнутри барокамеру:

— Крещается раб Божий Михаил во Имя Отца. Аминь. И Сына. Аминь. И Святаго Духа! Аминь...

Бабушке Лиде сначала показалось, что Мишенька слегка пошевелился. Решив, что это наваждение от слез, она вытерла глаза носовым платком. Но после второго окропления малыш на самом деле глубоко вздохнул, а после третьего неожиданно громко заплакал.

— Не может быть! Это невероятно! — медсестра бросилась за врачом.

И вдвоем они долго изумленно смотрели на ребенка — порозовевшего и заливающегося требовательным криком. Потом перевели вопросительные взгляды на отца Вадима, завершавшего таинство благодарственными молитвами Господу...

ПЕРВЫЕ УРОКИ БЛАГОЧЕСТИЯ

Мудрая баба Клаша

Маленькая Валя жила на Урале (в Свердловске). Шла Великая Отечественная война. Мама ее много работала и часто из садика малышку забирала бабушка.

Баба Клаша, маленькая, но шустрая в трудах, сама воспитанная в строгости и благочестии, имела у Валюши высокий авторитет. И по крупицам вкладывала в свою внучку то, чем дышала сама: милосердие ко всем окружающим, стремление к жертвенности, страх Божий... Домик бабушкин был небольшой, но уютный. Имелся крохотный огородик. По его территории важно прогуливался кот Барсик, Валя играла с ним, но больше всего она любила слушать рассказы бабушки. Ох, сколько же необычного она узнавала из них!..

...В их городе в Ипатьевском доме томилась под арестом Царская Семья. Возле высокого забора за домом всегда стоял часовой. Дед с бабушкой, как и многие горожане, проходя мимо, крестились на дом, зная, что там находится в заточении сам государь. Дедушка всегда снимал шапку и низко кланялся мученикам. Возле дома никому не разрешали останавливаться. А народ все ходил и ходил, будто мимо, а на самом деле государю поклониться. После цареубийства этот дом и ворота были

наглухо заколочены. Валя узнала от бабушки, что по ночам мальчишки и некоторые взрослые люди украдкой протискивались под ворота и забирались в дом. Там, в подвале, выколачивали плиточки, забрызганные кровью, со стен и пола, веруя, что царская кровь священна. Многих из этих ребят-школьников потом вылавливали и клеймили в школе позором за почитание «кровавого» царя. Учителя тогда объясняли, будто царя убили потому, что его хотели похитить белогвардейцы, а Вале бабушка рассказывала совсем по-другому.

...В те годы страшно издевались над репрессированными. Валин папа как раз попал в их число. Особенно изощренно мучили священников. Раздевали, опускали за волосы в прорубь, поднимали, опять опускали и поднимали, пока не умрет... Страшное было время на Руси. Бабушка Вале объясняла, что всем святым мученикам за Бога и святое Отечество царь Николай II проложил путь страданий. И тех, кто тайно хранит веру Божию в сердце своем, Господь крепко любит.

После бабушкиных рассказов Валюшка дерзнула на отчаянный поступок. Центральный телеграф, где работала ее мама, был рядом с Ипатьевским домом. Однажды на прогулке Валя прибежала к этому дому, забор засыпали землей, не пролезть. И громко крикнула она тогда, глядя на небо: «Царь, государь мой, я одна на всем белом свете верю, что ты святой мученик!» — и приложила к огромному замку на воротах. А мороз был крепкий, влажные губы девочки прилипли к металлу, там и осталась нежная кожица... Валюшка не заплакала, сдержалась. Она по-детски радовалась, что за дорогого царя потерпела маленькое мучение...

Однажды Валя проснулась необычно рано. Запах чего-то печеного приятно щекотал в носу. На столе дымился горячий самовар, и лежала целая гора ватрушек. Ай да баба Клаша! Валюшка быстро спрыгнула с кровати, тщательно умылась, помолилась на святые образа и радостно уселась за стол. Бабушка разливала чай и колочила щипчиками сахар.

— Бабушка, а вот батюшка вчера на проповеди назвал грех жестокосердия. Ведь я-то в нем не грешна, правда? Я же всех жалею!

Бабушка отпила глоточек чаю и печально посмотрела на Валю.

— Ох, Егоза Патрикеевна. Все хорошей хочешь быть. Это похвально. Но вот если бы ты была внимательнее, то заметила, что только ты одна пьешь дома чай с сахаром, а мы с мамой твоей все «вприглядку»: поглядим на сахарок, да и пьем пустой чак, — баба Клаша весело засмеялась.

А Валя вспыхнула от стыда и быстро отодвинула от себя мелко наколотый сахар. Но бабушка продолжала.

— Раз уж сама ты начала этот разговор, то еще добавлю. Вот давеча ты выпросила у мамы пирожное, и она отдала за него последние деньги. А ведь знаешь, Валюшка, сейчас многие люди даже от голода умирают. Вот и думай-гадай своей головкой, есть ли в тебе жестокосердие.

Вале сильно захотелось, чтобы бабушка все же отметила в ней что-то хорошее и она, приласкавшись к старушке, снова спросила:

— Бабушка, а еще батюшка говорил про грех прелюбодеяния. Ведь такой только у взрослых бывает, правда?!

Баба Клаша прижала Валину головку к своей груди и задумалась. А глаза внучки хитренько смотрели на бабушку, ну вот, сейчас-то она Валю похвалит наконец.

— Грех-то такой у всех есть, — вздохнула неожиданно бабушка. — Тебе хочется знать, как он в тебе действует. Ну, вот пошла ты недавно с мамой в кино. В косички заплела два банта, да наверх еще третий прилепила. А зачем? Для красоты, верно? Значит, тебе хочется всем нравиться, чтобы про тебя говорили: «Ах, какая нарядная девочка!» А ноготочки ты красным карандашиком подкрасила, да ручкой так и эдак вертела. О чем думала твоя головка, Бог весть, а ведь грех-то и есть грех.

Валя с удивлением смотрела на бабу Клашу, как она все видит, откуда все знает.

— Выходит, я великая грешница, — заплакала внучка. — Что же я на исповеди батюшке скажу?

— А так и скажешь, что грешница. Да расскажешь батюшке про себя всю правду.

И впредь постарайся исправлять свое поведение, — твердо сказала бабушка. — Тогда Бог и Ангелы будут любить и охранять тебя...

Мудрые уроки благочестивой бабы Клаши не пропали даром. Валюша стала глубоко верующим человеком, и на протяжении всей жизни ее всегда сопровождало Божие благоволение.

*Воспоминания рабы Божией Валентины.
40-е годы XX века*

Строгая баба Катя

Баба Катя строгая-престрогая. В войну Отечественную ее муж Платон, Полинкин дедушка, погиб в первом же бою. Сильно заплакало тогда бабушкино сердце, но деваться некуда: пришлось одной поднимать четверых, не до веселья было. Очень она внучку жалеет, потому что Поля сирота — осталась без отца с трех лет. В глухой северной деревушке стоит дом большой, двухэтажный, в нем много разной живно-

сти и всяких разных «страхов» по темным углам, от них семью охраняет Север, красивая породистая лайка, пес дружелюбный и ласковый к своим, но придирчивый к незнакомым.

В избе в красном углу в красивой блестящей ризе большая икона Богородицы «Владимирская». Рядом с иконой все «страхи» улетучиваются — Божия Матерь внучку жалеет еще больше, чем бабушка, Ее взгляд утешает и радует. Поля с бабой Катей спят в избе. Семилетняя внучка уже как мышонок притаилась в ложбинке громадной пуховой перины, изображая спящую, а из-под ресниц подглядывает за бабушкой. Та не торопится, ждет, когда малышка уснет. Плотнo занавешивает окна. Не спеша, переодевается в ночную юбку с рубахой, аккуратно переплетает косицы и укладывает их вокруг головы, покрывая голову платком... У самой Полинки стрижка короткая, но ей тоже хочется иметь косу и заплетать ее в честь Пресвятой Троицы.

— Коса из трех частей в Ее честь, — объясняла бабушка, показывая на иконо-

стасе маленькую икону Троицы, — кто косу плетет, у того никогда-никогда головка не болит...

Наконец, баба Катя подходит к иконе и зажигает лампадку.

— Господи Иисусе, бла-аслови! — это бабушка опустила на колени, крестится и едва слышно шепчет совсем непонятные внучке слова.

— Господи Иисусе, помилуй нас! — Полинка боится, как бы бабушка не обнаружила ее бдение и почти перестает дышать. «Интересно, Кто Такой Этот таинственный Господин, Которого бабушка так боится, что даже встает перед Ним на колени и бьет в поклонах лбом об пол?.. И почему я-то никак не разгляжу Его?..» Поля размышляет, стараясь незаметно от бабушки высмотреть неумолимого Незнакомца, но уже которую ночь подряд снова засыпает, так и не дождавшись Его встречи с бабушкой...

Назавтра бабушка стрижет овец. Это очень смешно. Она связывает им ноги, чтобы сильно не дергались, а они жалобно блеют, но бабушка, не обращая на то ни-

какого внимания, быстро и ловко орудует большими ножницами. А вечером: цап-цап — между острыми цапками шерсть становится мягкой, пушистой, чистой. Наконец, она садится за прялку — красивая прялка быстро крутит большое колесо, вдруг из-под ловких пальцев бабушки побежала шерстяная ниточка. Прясть и вязать — это любимое ее занятие, в эти минуты сердце бабушки тает, и Поинка смело спрашивает:

— Бабушка, а Кто Такой Господи Иисусе?

— Бог Господь Иисус Христос (четко выговаривает бабушка) — Божий Сын, вон вишь, у Богородицы на руках. Спаситель мира.

— А учителя говорят, что Бога нет.

— Очумели без Бога, дак и мелют, чего не понимают, прости, Господи! А Он ишо у каждого спросит апосля: как жизнь прожил...

— А ты Его часто выдаешь?

— Он Сам-то на всех глядит, а людям Себя не кажет, окаянны головешки боль-

но. Нехристи-то, церкву закрыли, а попа вместе с свекром моим и угнали невесть куда, так и сгинул, сердешный (бабушка тяжело вздыхает)... Уж потом сама бабка Настасья, свекровь-дьяконица, прабабка твоя, детей моих всех в корыте окрестила, все как положено, пока не померла. Царство ей Небесно!

— А в Царстве том хорошо?

— Уж куды лучше-то: там вовсе слез нет, все там ладно, мирно... Вот будешь Бога любить, и тебя Христос приголубит да апосля на Небо возьмет. Господи Исусе, бла-аслови!..

Бабушка продолжает мерно крутить колесо, а детское воображение Полинки рисует самыми яркими красками прекрасное Царство радости и огромного счастья, где никто не обзывается, не задирается, не обижает, не отнимает... Потому что все люди там живут добрые и всем там очень хорошо! Но пройдет еще много долгих и безбожных лет, прежде чем повзрослевшая Полина поставит свечу в церкви за родных, закажет панихиду и прошепчет из

сердца: «Упокой их, Господи, в обителях Твоих!»...

*Воспоминания рабы Божией Пелагии.
60-е годы XX века*

Добрая баба Маша

Родной дом отца моего в малой деревушке Кашке Екатеринбургской области. Сегодня и нет уж той деревеньки ни на карте, ни на земле. Только память хранит ее в сердце, там остались дорогие могилки.

...У бабы Маши порядок все соблюдают строго. Корова Зорька дает молоко. Куры высиживают цыплят. Кошка Мурка каждое утро складывает в бабушкины тапки пойманных мышей — так она отчитывается о проделанной работе. Только я иногда шалю.

Пока бабушка загоняет корову и доит ее, шустро забираюсь под крышу дома, здесь много сена и большое куриное царство. Куры меня мало волнуют, потому что я дружу с цыплятами, этими мягкими и пушистыми желтыми и черными комоч-

ками. С ними я провожу почти целый день и мне весело.

— Где ты, озорница, опять кур гоняешь?! Спускайся скорее, пошли молоко парное пить, тебе дед к молочку и малинки собрал, — слышу веселый голос бабы Маши и лихо скатываюсь по сенному катку прямо к бабушкиным ногам.

— Вот неугомон-то, ты ж мне все молоко прольешь. То-то тебе дед хворостинкой поддаст! — я знаю, она шутит и дедушке про мои проказы не расскажет. — Сейчас рататуй будем есть.

Мы с бабушкой входим в избу и она, усаживая меня за стол под святыми образами, наливает полную миску молока, засыпав ее доверху спелой малиной, сама начинает готовить рататуй — это такое что-то необычайно вкусное из парного молока, картошки и масла с зеленью; перед тем, как попасть на стол, оно долго томится в самой сердцевине огромной печки.

— Ты про молитовку Деве Богородице опять забыла, а про нее нельзя забывать! Она нас от всякой беды спасает, — мимо-

ходом вразумляет меня бабушка. — Вон дед твой Петр, небось, потому и с войны живым пришел, что всю войну я Богородице проплакала. А то: какво одной семерых-то подымать?! Матерь Божия, Она всем помогает, ты уж внучушка, не забывай того никогда, ты ж сиротинка, Она сироток больно жалеет, никому в обиду не даст..

— Так меня никто и не обижает, бабушка.

— Ну, чего еще тебя поджидает, неизвестно. А как плохо станет, так Ей, Царице Небесной, и поклонись: «Помоги, Матерь Божия, в скорби моей!» Еще узнаешь, в жизни-то не все рататуй да малина, бывает и беда от вражины!..

Баба Маша — большая шутница, часто говорит прибаутками. А дед, заходя в избу, слышит последние слова ее и мягко корит:

— Что ты, Маш, птенчика нашего пугаешь?! Нет никаких вражин у нас, только коровы, да куры с цыплятами, их-то чего бояться? Мышей страшных Мурка всех истребила, правда, Ланушка?! Ишь, бабуля, страшает, а вражины-то все в вой-

ну померли. Я воевал, знаю, небось, чем страх-то пахнет, а ты только с ухватами воюешь, опыта военного по сусекам мало наскребла, чтоб других пугать-поучать...

Дедушка с бабушкой ласковы со мной, и только друг над другом с любовью подтрунивают, стараясь меня уберечь от чего-то неизвестного и сурового, стремятся обязательно обрадовать сиротинку, соперничая в этом друг с другом. Под густыми бровями дед прячет непрошенную слезинку. Бабушка с ласковой улыбкой подает на стол большую миску с рататуем и крупно нарезанные ломти хлеба:

— На, кушайте-ка вот во славу Божию, да смотрите, чтоб за столом у меня — молчок, а то Ангел улетит, он болтливых не любит!..

Нет давным-давно на земле ни деда Петра, ни бабы Маши. Есть лишь ласковая память сердца о любимых, дорогих и родных, и повторяют уста молитву: «Даруй им, Господи, вечный покой!»

*Воспоминания рабы Божией Светланы,
70-е годы XX века*

СИЛА МАТЕРИНСКОЙ МОЛИТВЫ

Мам, благослови!..

— Мам, благослови! — старшенький вытянулся перед ней в «струнку», мать медленно поднимала голову, сынок-то выше маменьки на полголовы.

— Далеко ли без хлеба? — в материнском голосе еще звучали ледяные нотки, только что она сердилась на него и кричала.

— Я на секцию, к десяти вернусь, благослови! — сын смотрел виновато, но умоляюще.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь. — Благословила мать сына, который поспешил быстрее выскользнуть за дверь. Присев на диванчик, она остановила задумчивый взгляд на фотографии, где дети ее выглядели еще малышами, и вспоминала...

— Мам, благослови! — почти хором прозвенели радостные голосочки, дети оделись для прогулки. Она неторопливо и

с глубоким упованием запечатлела на каждом крестное знамение, малышня с шумом и смехом вывалилась за дверь и с топотом помчалась по лестнице...

За массой домашних дел мать не скоро спохватилась, что на часах уже ого сколько (!) и дети сегодня слишком загулялись. Материнское сердце встрепенулось, и с тревожным вздохом мать глянула в Красный угол:

— Господи, благослови неразумных озорников, не оставь Ты их, как я забыла!..

Теперь она уже не могла ничего делать. Тревога заползла в сердце и не уходила: из окна дома детей не было видно...

— Господи, помоги!

Наконец, не выдержав, она набросила на себя пальто и распахнула дверь: на пороге стояли ее дети — чумазые, грязные, сильно пропахшие дымом, но, слава Богу, живые и невредимые!

Малышня, с такими же умоляющими взглядами, какие недавно были у старшего сына, винулась перед матерью, надеясь на прощение. Только нервы у матери сда-

ли: она накричала на них и каждому крепко наподдавала. После скорого ужина всех рано отослала спать.

Поздним вечером квартиру посетил милиционер. Оказывается, тревога матери не была напрасной: во время игры мальчик Саша из 14-й квартиры получил сильные ожоги лица и тела. Дежурный оперативник собирал информацию о происшествии. Увы, мать ему ничем не помогла. Оставшись в ночной тишине одна, заплотдало разрыдалась: «Господи, благодарю Тебя!..»

Наутро она учинила непослушникам допрос. Изрядно напуганные, дети и не пытались скрыть от матери подробности случившейся беды.

Дело в том, что строители возле нового дома, где играли дети, оставили бочку с остатками солярки. Кому-то из мальчишек пришло в голову устроить живой фейерверк. Лихо опрокинули бочку. Намотав на палки тряпья, макали их в лужицу возле бочки и зажигали... Весело же! Можно с незатухающим огнем и по-

бедными воплями носиться по темной стройке...

Факельная забава добром не кончилась. Факел еще тлел, но Саша не заметил этого, снова подбежал к горячему веществу, ткнул палкой в лужу и почти в ту же секунду вспыхнул сам. От боли и ужаса он сильно закричал, забегал и завертелся волчком. Перепуганные ребята побросали свои страшные игрушки и оцепенели. Слава Богу, один мальчик не растерялся.

— Скорее брось куртку, сними куртку немедленно и ляг на землю!.. — истошно закричал он. Саша, как робот, выполнил приказание. Мальчишка стремительно подскочил и накрыл Сашу своей ветровкой. Наконец, очнулись другие. Все быстро закидали несчастного собственной одеждой... Уже потом они посадили пострадавшего на скамеечку возле первого подъезда и позвали Сашину маму. Сами же все разбежались от страха...

— Теперь-то вы понимаете, почему обязательно надо просить благословение у ма-

тери? — на материнский вопрос глаза у детей испуганно округлились. — Что притихли, как мыши? Страшно стало, наконец?! Любой из вас вот так же мог вспыхнуть, только Божие благословение вас спасло от беды! Ведь если мать благословит дитя с верой, Господь его от всего убережет. Никогда, слышите, никогда не забывайте это!

Кто-то шибко молился за нас...

Думы матери невеселы. Давным-давно от семьи сына нет весточки. Не звонят. Не пишут. Сама не вытерпела мать. Позвонила...

Сердце ее металось как встревоженная ласточка. Всем нутром своим чуяла она беду. Хотя голос невестки в телефонной трубке показался спокойным:

— Мам, вы зря не переживайте, он отправился в дальний рейс и вернется не скоро. Все нормально.

Да как же «нормально», если сердце ее выпрыгивает из груди от сильной трево-

ги?! Сердце ведаёт: с сыном беда. «Беда... беда... беда...» — набатом стучит в висках. Что-то случилось с родимым. И снова думы, одна тяжелей другой, обступают со всех сторон... Дальний рейс куда-то в сторону Грузии или Абхазии?! А там дороги горные, тяжелые перевалы, непривычные даже и для хорошего шофера. А народ-то, Боже мой, народ какой горячий да воинственный!

— Господи! Буди на все Твоя святая воля! Вызволи из беды сыночка моего! Боже милостивый, услышь молитву мою, спаси чадо неразумное, прости и помилуй!

А чаду неразумному уже под сорок. Жена хорошая. Сын подрастает. Все как у людей. Образ любимого сыночка всплыл в памяти: красавец, выправка спортивная. В соревнованиях по картингу не раз призовые места занимал. В армии честно отслужил. Образование хорошее получил, кораблестроитель. Только кому оно нужно нынче — образование?! Сын в последнее время шоферит на дальних маршрутах, зарабатывает неплохо. Живут, конечно, да-

лековато от матери, в Екатеринбурге. Но куда же сейчас-то его занесло?! Ох, бе-долага!

— Господи! Сердцем беду чую. Милостивый Спасе, огради сыночка от всякого зла! Мать Божия, убереги под кровом Твоим! Меня, меня накажи за его грехи, Господи!

Под глазами у матери мешки. От бессонных ночей. От гнетущей душевной тягости. От беспокойства, которое прочно поселилось в сердце. Всегда такая сноровистая и спорая, сейчас она даже в работе нет-нет, да и ошибется...

Знать бы, где он, что с ним? Так бы и полетела на подмогу.

— Господи! Огради его от всяких житейских бурь и невзгод! Спаси от лихоимцев и нечистей! Только на Твою милость вся моя надежда...

Счет дней потеряла мать, пока лютая скорбь терзала ее сердце. Похудела совсем, щеки впали. В глазах печаль застыла. А сердце мольбы не оставляло ни на миг:

— Боже мой, Боже мой! Пощади создание Твое! Сын-то единственный. Уми-лосердись над матерью, милостивый Господи! Прости меня грешную и помилуй чадо неразумное!..

Сама мать с детства к Богу яркой свечечкой горела. Последние годы и трудилась при храме. Заботилась непрестанно о бессмертной душе своей, говела, причащалась Святых Христовых Таин. Не забывала душу свою полагать и в молитве за чад своих. Особенно умоляла Всевышнего за сына. А сын долгие годы жил вдали от нее и ... без Бога. Не то, чтобы совсем безбожник, все же с крестом на груди, а вот в храм ни ногой, все, дескать, недосуг.

Ведало сердце матери, не ошибалось нисколечко, что не напрасна ее тревога. Со страхом догадывалась, что по ее же собственным молитвам послал Господь испытание сыночку, ради спасения души заблудшей.

— Господи! Прости, что не сумела воспитать его в благочестии! Вразумляя, не

оставь его совсем, помоги выбраться из беды где бы он ни был и что бы с ним ни приключилось!..

И вымолила!!! Однажды в позднее, совсем неурочное время раздался звонок в передней. Гулко застучало сердце матери от волнения. Дрожащими руками с трудом открыла дверной замок.

— Егорушка! — только и выдохнула, упав на руки высокому, худющему, поседевшему и косматому, изменившемуся до неузнаваемости... но живому сыну.

— Жив! Жив! Жив! Слава Тебе, Боже мой! — запело исстрадавшееся сердце. И вдруг что-то словно оборвалось в груди. Такую печаль вытерпела мать, а на радость силенок не хватило. Отпаивал сын ее сердечными средствами, слезы на глазах вытирал, успокаивал, как мог. Но на все расспросы молчал по-партизански.

— Не надо, мам, ни к чему ворошить. Что было, то прошло!

Много позже рассказал сын, да и не матери, отчиму, кое-что из жуткой истории, в которую влип.

...Транспортная организация, где сын неплохо зарабатывал, внезапно обанкротилась. Как-то вышел утром на работу, а там азербайджанец незнакомый командует.

— Вы теперь все мне принадлежите. Хотите зарплату получить, работайте на меня.

Сразу не расположилась душа к новому «хозяину», да семью на что-то содержать надо. Вскоре вместе с шофером-напарником отправился сын в дальний рейс на восток. Повез «хозяина» и полную машину картофеля. Вроде, в Кабардино-Балкарию. Таможни мелькали часто. С досмотрщиками «хозяин» договаривался сам. Дорога показалась непривычно тяжелой и изматывающей. «Хозяин» торопил изрядно, суля за скорость «золотые горы». За рулем устали так, что плохо замечали окружающее. Как в Чечню угодили, проворонили. Заметили, что «хозяин» внезапно по-другому заговорил. Уже не просил, приказывал.

— Хотите обратно вернуться, продавайте картошку, мне торговцы нужны. Заработаете на дорогу и валяйте обратно.

Без машины... — азербайджанец ехидно ослабился, поблескивая золотыми коронками. — Если в рабство не пожелаете!

Егорушка слова о рабстве то ли не слышал, то ли недооценил, но в ситуации явно не разобрался. Потому от такой наглости и проснулся в нем перворазрядный спортсмен. Вспылил. Сморчка «хозяина» за грудки приподнял, а кто его самого по ногам подсек сзади и сколько их вмиг налетело, навалилось, скрутило и било, уже не учуял. Очнулся в грязной, мокрой и вонючей яме. Хорошо, хоть вместе с напарником. Высоко над головой решетка. Сколько ужасов перетерпели, пока в яме сидели, рассказывать не захотел. Но обмолвился, что от сильных страданий сам почти ослеп, а друг потерял дар речи.

Потом «хозяева», которые менялись каждый день и изощрялись в издевательствах, вдруг подобрали:

— Эй, урус, жрать хочешь?

Вниз швырнули пару лепешек. Нескольких человек, сняли решетку и, наклонившись над ямой, светили фонарями,

разглядывая пленников. Долго кричали по-своему, похоже, спорили о чем-то.

— Эй, урус, на свободу хочешь?.. Э-э, видно твоя звезда взошла.

На веревках несчастных страдальцев выволокли на свет Божий. Мысленно оба уже готовились к смерти и глазами прощались друг с другом. Но то, что произошло дальше, долго не укладывалось у них потом в головах. Их помыли, попытались даже подлечить и чуть-чуть откормить, наверное, чтобы лишних подозрений не вызывали. Потом сказали:

— Паспорта вам вернем. В Москву лететь надо. Груз повезете. Таможню пройдете, ваше счастье, не пройдете, ваши проблемы... Там знают, ждут, встретят. Сдадите груз и дуйте на все четыре стороны! Свободны. Если прорветесь...

На этих словах Егорушка рассказ свой прекратил. Как прошли, как прорвались, какой ценой свободу достали, то одному Богу ведомо. Не секрет, что нынче по России людей много пропадает без вести. Возвращался ли кто назад, неизвестно.

Понятно, что для этого нужно чудо. Настоящее Божие чудо. Оно и произошло по молитве матери.

Перед самым отъездом в Екатеринбург сын глубоко вздохнул на пороге: «Я тебе одно скажу, мам, — видно кто-то шибко молился за нас» — и нежно прижал к груди старушку-мать.

Монахиня Евфимия (Пащенко)

ВРАЧЕБНАЯ СКАЗКА

По окончании воскресной Литургии и молебнов, когда прихожане Свято-Лазаревского храма стали расходиться по домам, настоятель отец Феодор пришел на клирос и объявил певчим:

— Чтецы мои дорогие, певцы мои золотые, не забудьте, что в пятницу у нас престольный праздник. Сам владыка служить будет. Приходите, пожалуйста, все. Антон, — обратился он к ведущему басу, — ты непременно приходи. Ты же знаешь, что у владыки любимая «Херувимская» — с басовым соло... Без тебя никак не обойтись.

— Батюшка, — вздохнул молодой певчий. — В том-то и беда, что я никак не

смогу прийти. Я уже заведующего просил, чтобы перенести прием на вечернее время, да он не разрешил. А вдруг, говорит, больные утром придут, а врача на приеме не окажется... И велел выдать талоны на прием как раз на утро пятницы. Так что, батюшка, простите...

— А подмениться тебе нельзя? — спросил сразу же погрустневший настоятель.

— Да кем же меня заменить, батюшка, если на всю поликлинику нас всего-то два невролога — заведующий да я, — посетовал певчий. — Кто же за меня больных принимать станет?

Настоятель призадумался. И вдруг неожиданно просиял. Потом приоткрыл дверь в алтарь и позвал:

— Отец Виктор! Поди-ка сюда!

На эти слова из алтаря вышел отец Виктор, недавно рукоположенный третий священник храма. Несмотря на свою молодость, он слыл мастером на все руки, так что мог, если надо, и баньку срубить, и вырезать из свежих огурцов забавных зверушек для своих троих детишек, когда

те начинали капризничать. Вдобавок отец Виктор был студентом Богословского института. А студенты, как известно, люди не только умные, но еще и находчивые. У отца Виктора был только один недостаток — он был лишен музыкального слуха, так что все попытки научить его петь или хотя бы держать тон оказывались безрезультатными.

— Вот что, отец Виктор, — сказал настоятель третьему священнику. Тут у нас проблема возникла — нужно, чтобы к приезду владыки Антон непременно был на Литургии. А с работы ему никак нельзя отлучиться. Разве что его кто-нибудь заменит. Так вот, отец Виктор, замени-ка ты Антона на его работе. Такое тебе от меня будет послушание.

Если бы в эту минуту над головой отца Виктора разверзлось небо и грянул гром, он ужаснулся бы меньше. Легко настоятелю сказать: «замени Антона». Да как же это сделать, если в медицине отец Виктор смыслил не больше, чем в пении? «Откажусь, непременно откажусь», — решил

про себя священник. Но тут он вспомнил, что воле настоятеля нельзя перечить, и что «послушание превыше поста и молитвы». Поэтому он склонил голову перед отцом Феодором:

— Хорошо, отец Феодор. Сделаю, как вы благословите.

Оставшиеся до пятницы дни отец Виктор провел в смятении и страхе. Утешало его только то, что до пятницы еще многое может случиться. Например, он заболит, простудится или подвернет ногу... Он даже принялся было молиться, чтобы Господь совершил чудо, и ему бы не пришлось оказаться «врачом поневоле». Но чуда не произошло, и отец Виктор в полном здравии дожил до пятницы.

Надо сказать, что певчий Антон, или врач-невролог Антон Сергеевич, со своей стороны приложил все усилия, чтобы обезопасить отца Виктора от возможных неприятностей во время приема. Приехав вместе с ним в поликлинику за час до начала приема пациентов, он лично облачил священника в белый халат и даже попы-

тался объяснить ему, как с помощью специального молоточка с резиновой головкой вызывать у больного рефлекс. Но самое главное, — он поручил отца Виктора заботам своей медсестры, Марии Ивановны, одной из лучших медсестер во всей поликлинике. При этом все трое договорились, что отец Виктор будет только спрашивать больных. Когда же дело дойдет до назначений, он с важным видом кивнет головой медсестре, а та сама выпишет необходимые лекарства и процедуры. Проведя всю эту подготовку, Антон Сергеевич отправился в храм, оставив отца Виктора, как говорится, на волю Божию.

Минут двадцать после его ухода на приеме было затишье. Больные то ли не шли, то ли задерживались где-то. Пока Мария Ивановна что-то молча писала, отец Виктор, томясь ожиданием, успел разобрать и снова собрать неврологический молоток, обнаружив внутри его головки иголку, а внутри ручки — жесткую кисточку. Он уже было хотел спросить медсестру о назначении этих предметов,

но тут в дверь кабинета постучали, и на пороге появился первый пациент, мужчина лет пятидесяти. «Господи, помоги!» — отчаянно взмолился батюшка.

— Здравствуйте, доктор, — сказал вошедший.

— Здравствуйте... как вас зовут?

— Иван Иванович...

— Присаживайтесь, пожалуйста. Что у вас болит?

— Доктор, меня поясница замучила. Пью-пью таблетки, а все без толку. Посоветуйте, вдруг ученые от радикулита придумали что-нибудь новенькое...

И тут произошло непредвиденное. Вероятно от волнения отец Виктор забыл наставления, данные ему Антоном Сергеевичем, и вместо того, чтобы важно кивнуть медсестре, уже державшей наготове бумагу и ручку, заговорил с больным:

— Новенькое, говорите? А вы пост соблюдаете? Нет? Напрасно. Я недавно читал в одном журнале, что если пост не соблюдать, сильное отложение солей в костях начинается. От этого и все про-

блемы. А вот скоро Рождественский пост будет. Попробуйте попоститься. Сразу намного легче станет... А поклоны вы делаете? Нет, не гимнастику, а поклоны с молитвой Богу. Вот, например, так (при этом увлекшийся отец Виктор встал и показал больному, как делается поясной поклон, наклонившись и достав пол рукой). Попробуйте каждый день хотя бы по десять поклонов делать. И непременно молитву при этом читайте. Какую именно молитву? Любую. Например, «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Эта молитва называется Иисусовой молитвой. Или молитву Богородице...

— Доктор, а записать эти молитвы можно? — Спросил заметно оживившийся больной. — Сестричка, — обратился он к Марии Ивановне, — запишите мне, пожалуйста, слова...

Получив бумажку с текстами молитв, а также совет отца Виктора купить в церкви молитвослов, улыбающийся больной покинул кабинет. При расставании «док-

тор» благословил его иерейским благословением:

— Ну, с Богом, лечитесь на здоровье душевное и телесное.

Итак, вопреки поговорке, что «первый блин — комом», первый опыт отца Виктора на врачебном поприще оказался успешным. Но не успел уже осмелевший «доктор» сполна пережить радость от первой своей удачи, как в кабинет вошла пожилая женщина с бледным, измученным лицом:

— Доктор, выпишите мне, пожалуйста, таблетки от страха... Страх меня замутил, сил нет.

— А чего вы боитесь? — спросил отец Виктор.

— Да, понимаете, доктор, соседка у меня такая вредная, такая злая. Уж мы с ней ругались-ругались, чуть до суда не дошло. А потом мне стало казаться, что у меня по квартире кошка черная бегаёт. Видно, это соседка мне сделала. Я уж и к бабке ходила, и она мне тоже сказала, что это на меня сделано, да что толку? Деньги взяла, а кошка как бегала, так и бегаёт. Тогда к врачам

пошла, они таблетки прописывали-прописывали, а толку никакого. Слабые, видно, таблетки — не помогают... Может, вы чего посильнее пропишете?

— Не помогут тут таблетки — тут другое надо. А вы молиться перед сном не пробовали? Нет? А вы вот как сделайте — перед сном помолитесь, а потом перекрестите себя и углы квартиры. Не умеете молиться? Да хотя бы той молитвой, что на нательном крестике написана: «Господи, спаси и сохрани». Нет у вас крестика? Да как же так — крещены, а креста на вас нет? Крест обязательно носить надо, раз

вы крещеная. Ведь бесы больше всего на свете как раз креста-то и боятся... А квартира у вас освящена? Тоже нет? Пригласите батюшку, пускай освятит. А иконы в доме есть? Да что вы, разве так можно, чтобы дом без святыни был? Купите непременно, в любом храме сейчас иконы продают. А к бабке больше не ходите. Грех это, в этом покаяться надо. И с соседкой помириться непременно — это тоже грех, когда люди враждуют. А на исповеди давно были? Никогда? Так как же после этого не будет казаться всякая нечисть? Непременно исповедайтесь, и чем раньше — тем лучше. А перед этим три дня попоститесь, припомните грехи, которые совершили, чтобы на исповеди в них покаяться. Что значит: «стыдно рассказывать»? Врачу ведь про свою болезнь говорить не стыдно. А батюшка тоже врач, только духовный. Ну, спаси вас Господь...

— Ох, доктор, мне от ваших слов сразу легче стало, — оживилась женщина, — вы такой утешительный. Прямо как батюшка...

Да я и есть батюшка, — хотел было признаться отец Виктор, но женщина уже вышла из кабинета.

Дальнейший прием больных продолжался в том же духе. Священник-врач выслушивал людей, утешал, назначал лечение и благословлял на него. И вот что удивительно — в тот день медсестре Марии Ивановне так и не пришлось выписать ни одного рецепта на лекарства. Лечение назначал сам отец Виктор. Кому — пост, кому — усиленная молитва, кому — раздача милостыни, кому — поклоны... А всем и каждому — покаяние в содеянных грехах.

Лечение, которое отец Виктор назначил своим пациентам, оказалось настолько эффективным, что за выходные по всему району разнеслась весть о том, что в поликлинике ведет прием некий знаменитый столичный профессор по неврологии, который помогает даже безнадежно больным. Так что в понедельник у дверей кабинета невролога собралась целая толпа страждущих. Увы, к их немалому разоча-

рованию, за столом, в белом халате, с молоточком в руках, сидел хорошо знакомый им Антон Сергеевич.

— Доктор, — решились спросить его пациенты, — скажите, пожалуйста, а где можно найти того профессора с бородой, который тут в пятницу вел прием? Пусть он и нас вылечит. Скажите, пожалуйста, где он принимает?

И тогда Антон Сергеевич назвал им адрес «лечебного учреждения», где принимал тот «врач», которого они искали. «Поликлинику», в которой лечат и исцеляют человеческие души...

СЕРДЦЕ АВРААМИЯ

Авраамий был крестьянином земли Ростовской. Смолоду силен, с рогатиной ходил на медведя, подымал четверть овса, вел хозяйство горячо, успешно — жил зажиточно. Но не легко давалась жизнь, и мало радости в ней видел — по причине тяжести души. Казалось ему все не так. Изба лучше у соседа, урожай богаче, а работает меньше. Другим мельник мелет правильно, его обвешивает. У других жены статные, красивые, а его Мария и худа, и бледна, и лицом не вышла. Он силен, а она слаба. «Все только норовит как бы на мне выехать». И ему казалось, что жена ленива и мотовка, на его черных, волосатых руках зашибает свое счастье.

И ел он ее поедом. Никакой оплошности не прошал, пока от горькой жизни не

слегла она совсем. И когда приблизилась смерть, то заплакала Мария и сказала мужу:

— Больше на меня не злобься. Ухожу от тебя. Если чем досаждала, то прости. А я тебе была верная жена и самого тебя любила и люблю и, если Бог не отринет, буду молить Его, чтобы облегчил твое тяжелое сердце.

С тем и померла.

Авраамий очень пожалел ее и тосковал, и хотя видел, что другие женщины красивее, но не женился вновь. Ему стало еще труднее. «Вот у других не умирают жены, а у меня умерла. Как мне теперь бобылем жить?»

Был он благочестив, молился и просил знамения. Но оно не являлось. Когда вконец опостылел дом, хозяйство, земледелие, то пошел к старцу-пустыннику, жившему в келейке, в лесах: старец ел одни ягоды, пил из ручья, имел длинную седую бороду.

Посмотрел он на Авраамия, подумал и сказал:

— Сила твоя великая, как у медведя, руки в волосе, а сердце косматое. Тяжкое у тебя сердце, на все завистливое и недовольное. Пока сердца не смелешь, счастлив не будешь.

— Что же мне делать, старче?

— Походи по миру, послужи Богу, коли даст тебе размолоть сердце, то найдешь себя.

Авраамий продал дом и землю, взял котомку, палку и пошел по миру.

Собирал на церкви, служил батраком, пошел, наконец, послушником в монастырь, заброшенный в лесах, у озера Чудского. Но, собирая на церковь, все гневался, как люди скупы. В батраках сердился, что на нем все счастье себе зарабатывают. Даже и в монастыре, где хлебы пек, служил в поварне и рубил дрова, — все не мог успокоиться: не нравились ему монахи. Этот толст, другой только и думает, как бы посытнее поесть, а третий притворяется, что молится.

И удалился Авраамий из монастыря.

Скитался он довольно долго и молился Богу, чтобы размолот ему сердце, чтобы

отошли гнев и зависть, вспоминал умершую жену и теперь думал, что тогда, когда с ней жил, — тогда-то вот и был счастлив, вот тогда и было хорошо.

И стал сесть Авраамий. А покоя ему не было.

— Господи, — взмолился он в лесу, однажды, на берегу озера в диком Галичском краю. — За что гонишь меня, бесприютного?

Пал на землю под кустом высоким, можжевеловым, и зарыдал. Поднялся — видит: в десяти шагах от него зайчик — серенький, стоит на задних лапках и ушами прядает, как будто кланяется ему. И Авраамий пошел к зайчику, а зайчик легонько запрыгал по тропинке, все на Авраамия оглядывается и ушком знак подает: за мной, мол, иди. Так шли они ни много ни мало — вдруг полянка и на ней часовенка. Зайчик оба уха накрест наклонил, сказал:

— Вот, Авраамий!

И сверкнул, в лесу исчез.

Авраамий прошел к часовенке, и жутко ему стало, дух захватило. Никого в ней не

было. Зброшена, пустынна. Ласточка легко стрекнула из-под кровли. Сырость, тишина. Войдя, увидел Авраамий потемневшую икону Богоматери. Стал на колена, помолился. Точно бы полегчало.

— Что за странность, — думал, — что за зайчик и что за часовня, чья икона?

Но понравилось ему тут. Вынул из котомки хлеб, попил водицы из соседнего ручья и не заметил, как наступил вечер. До жилья людского было далеко. И Авраамий решил тут заночевать. Положил котомку под голову, лег у входа и заснул. Сон его был мирен. Увидал покойную жену, в чертах лица ее что-то напоминало лицо на иконе. Так что Авраамий и не разобрал, то ли это Мария, которую он так теснил и упрекал при жизни, то ли иная. Но она ему сказала:

— Утром ты возьмешь икону, спустишься с ней к озеру, найдешь там лодку и переплывешь чрез озеро с иконой. Снесешь ее в монастырь, где жил послушником. Довольно ей находиться здесь.

Утро было туманное и теплое. Авраамий взял икону и двинулся, но не знал,

где озеро, куда идти. Вдруг из-под кровли вылетела ласточка и все вилась над Авраамием. Тогда он понял, что надлежит следовать за ней. Действительно, в том месте была лодка. Авраамий сел на корму, взял весло и оттолкнулся. Икону же поставил впереди, ликом к себе. На крошечной дощечке на носу сидела ласточка.

Так плыли они по зеркальной глади. Легонький туман стелился над водой и мягко, будто кисеей, завешивал леса по берегам. Авраамий слабо греб, хотя был силен. И серебряная, нежно лепетавшая струя, как риза Богоматери, тянулась за кормою лодки.

Когда выплыли на середину, Авраамию представилось, что мир уже кончается: ушла земля, осталась только гладь воды, туман да тишина. Он испытал волнение и умиление; положил весло, склонился пред иконой.

— Не бойся, Авраамий, — он услышал голос, столь напоминавший покойную жену. — Я Богородица Умиление Сердец. По неким молитвам и по собственному

твоему томлению Я сжалилась над тобой. Беру у тебя сердце.

Сладость, но и ужас охватили Авраамия. Он еще ниже опустился пред иконою. Ласточка щебетала. Авраамий же чувствовал, как медленно, огненно перетлеваает его сердце, точно невидимая мельница размалывает его. И чем меньше оставалось прежнего, тем обильнее текли слезы.

Когда тайное кончилось, он поднялся. Икона все стояла, как и прежде. Но с величайшим изумлением увидел Авраамий, что теперь она сияла красками и чистыми, и нежными. Лодка же плыла сама собой. Ласточка взвилась и подлетела к Авраамию.

— Здравствуй, блаженный Авраамие, новорожденный к любви и кротости, отныне дан тебе крест проповеди слова Божия и славы Богоматери среди неверующих и язычников. Неси икону в монастырь.

Авраамий перевез икону и отнес в тот монастырь, где был уже. И снова принят был послушником, затем пострижен и в монахи. Но теперь ничто не гневало его, не вызывало зависти и тоски. Смирненным и последним он себе казался и на все ра-

довался, за все благодарил Бога. Ежедневно на молитве он просил прощения за тяжелые преследования смиренной жены своей Марии.

Пробыв некоторое время в монастыре, он с благословения игумена удалился с чудотворной иконой в глубь лесов и там основал монастырь Богородицы Умиления Сердец. А когда собралось довольно братьев, ушел далее в леса и опять заложил монастырь имени Пресвятой Девы. Позже построил еще монастырь, все во славу Пречистой. И куда бы ни являлся он с иконой, таинственно обретенной вблизи озера, всюду шло дуновение милости и чистоты. Во всем диком крае, населенном тогда язычниками, стал Авраамий провозвестником и проповедником светлейшей истины Христовой.

Так по томлению, молитвам и по состраданию умер прежний Авраамий и явился новый.

А на озере до наших дней осталась светло-серебристая струя, проведенная таинственной лодкой, где родилось новое сердце Авраамия.

Людмила Ильюнина

ПО ЕГО МОЛИТВАМ БОГ ДАРУЕТ ДЕТЕЙ

Русские православные люди, являя особую любовь к своим святым, внимательно вникали в историю их жизни, и верили, что угодники Божии, и перейдя предел земной, не забывают о пережитом в «юдоли скорбей». И потому имеют как бы «специализацию» в своем небесном служении — помогают людям в затруднениях, которые знали по собственному опыту. Предание и письменные свидетельства сохранили многочисленные рассказы о том, что вера народная в особое предстательство святых на протяжении веков подкреплялась многочисленными чудесными исцелениями и помощью в житей-

ских нуждах. И в наше время мы имеем такие свидетельства.

Появились даже молитвословы с указаниями, какому святому в каком случае надо молиться. В разделе «Молитвы о детях» вы непременно найдете имя преподобного Александра Свирского — ему веками молились бесплодные родители и получали желаемое разрешение неплодства.

Связана такая сугубая забота преподобного Александра о детях с тем, что сам он был сыном долгие годы бесплодных родителей и появился на свет по их горячим молитвам ко Господу. Родители Преподобного также прославлены в лике святых. Но не только за то, что родили и воспитали такого великого сына, но и за то, что сами стали монахами-подвижниками.

Прежде, чем начать повествование об известных случаях помощи преподобного Александра Свирского, великого аскета, единственного новозаветного святого, который удостоился видеть Святую Троицу, расскажу историю его родителей. Тем бо-

лее, что сам преподобный Александр заповедовал перед тем, как обращаться к нему, помянуть его отца Сергия и мать Варвару.

В «Житии преподобного и богоносного отца нашего Александра Свирского чудо-

творца», памятнике XVI века, составленном ближайшим учеником святого игуменом Иродионом, о Сергии и Варваре рассказывается подробно — в этом древнейшем тексте дан пример для подражания неплодным родителям на многие века.

Неплодие родителей преподобного Александра не было полным, и по нашим временам трудно понять, о чем же они сокрушались. В житии сказано, что от юности «родились у них сыновья и дочери, но прошло много времени, как у них не рождалось более детей. И оба они много скорбели об этом и, печалясь, молились ко Господу». Предки наши были многочадны, не взирая на трудности, а конец XV столетия, о котором речь идет в Житии, так же, как и предыдущие века в русской истории, был временем, как бы мы теперь сказали «нестабильным» и суровым. Но люди той далекой эпохи не считали это препятствием к рождению детей. И скорбели, если их было мало (двое или трое).

Дети на Руси всегда считались самым большим сокровищем и богатством — и в

простой, и в боярской, и в царской семье. Почему? Ответ на этот вопрос мы находим в Житии святого Александра: дети даруются «во утешение душ наших, и в наследие достояния, и в жезл старости нашей, на него же руки возложше (благодаря) почетом, и обещанные Богу обеты воздадим».

Через многочадие простые миряне (не монахи) служили Богу, увеличивая Божие достояние на земле. А в ответ получали «утешение и жезл старости», достойное погребение и молитвенное поминовение после смерти. Потому так стремились наши праотцы к обильному продолжению рода и знали, что дарует детей Бог и неплодие разрешается только Им.

Родители преподобного Александра, желая разрешиться от неплодства, наложили на себя пост и вместе отправились в монастырь, чтобы провести там время в молитвенном прощении о даровании сына. В Житии сказано, что услышана была именно сугубая, ночная молитва Сергия и Варвары в монастыре, и был им дан ответ: «Радуйтесь, доброе супружество, се бо

услыша Господь молитву вашу и имаши родити сына утешения».

Житие преподобного Александра дает нам и удивительный пример того, как плотское сыновство может перерасти в духовное отцовство. И как непросто родителям придти к осознанию того, что их ребенок стал духовно выше и мудрее породивших его. Именно по слову Преподобного, когда он уже стал монахом Валаамского монастыря (правда, после несогласия и даже бурного возмущения отца), родители его тоже избрали монашескую стезю и увенчали свою жизнь подвигом. Потому преподобный Александр считается не только покровителем неплодных родителей, но и покровителем «жаждущих иноческого жития» — ему молятся и те, кто хочет стать монахом.

Вот такая широта служения у наших небесных ходатаев — забота о счастливом супружестве и честном монашестве одновременно!

В 1998 году в Санкт-Петербурге произошло чудесное второе обретение мощей преподобного Александра Свирского (по-

сле того, как мощи были увезены из монастыря в 1918 году). Эти мощи — уникальная в истории всего христианского мира святыня. Они полностью нетленны, даже лицо сохранилось. Так что святого «можно узнать» по древнейшим иконам, написанным его «самовидцами» — преподобный Александр был канонизирован почти сразу же после кончины, и иконы писали люди, видевшие его лично. В древности, когда мощи через сто лет после смерти святого извлекли из земли, то для достоверности сравнили лицо с ликом на иконах. В наше время подлинность мощей святого Александра Свирского была также доказана и в результате научных исследований специалистов Военно-медицинской Академии (где мощи пребывали долгие годы), Областной судебно-медицинской экспертизы, Института этнографии и антропологии.

После того, как мощи были открыты для поклонения верующих, по молитвам к святому начали происходить чудеса. В *Летописи чудес*, которую стали составлять в Александро-Свирском монастыре, а так-

же в благодарственных письмах в обитель особо выделяется то, что одним из самых часто повторяющихся чудес от мощей является именно разрешение от бесплодия. Об одном из таких случаев 25 мая 1999 года было рассказано в петербургской газете «Час пик»: корреспондент Анна Бобрович «провела расследование» — нашла тех людей, которые, свидетельствуя о происшедших чудесах, оставили на подворье монастыря свои адреса. Вот что она написала: «Елене Злобиной после многих обследований и длительного, но безуспешного лечения, поставили страшный диагноз — бесплодие. В августе 1998 года она с тайной надеждой на чудо поехала в храм, где находились мощи преподобного Александра Свирского и приложилась к святыне. А через некоторое время со страхом и надеждой поняла, что беременна. В положенное время родилась девочка, которую окрестили на подворье Спасо-Преображенского Валаамского монастыря».

Из свидетельств счастливых родителей приведу одно, которое кажется наиболее

трогательным, даже в мелочах: «В 1998 году были обретены мощи преподобного Александра Свирского. Я со своей дочерью приложилась к мощам святого с одной и той же просьбой, чтобы Бог даровал ей ребенка. Дочь рано вышла замуж — в 18 лет. Сейчас ей 38. Все годы замужества были годами напрасного ожидания ребенка. И вот чудо свершилось: в сентябре дочь приложилась к мощам, а в октябре, как выяснилось позже, забеременела. В положенный срок родилась прекрасная девочка. Это чудо, дарованное Богом по молитвам у мощей преподобного Александра, свершилось после 19 лет ожидания. Нам была явлена и заботливость преподобного Александра о благополучном рождении этого ребенка. Дело в том, что существование ребенка в утробе матери было сокрыто от всех, даже сама мать узнала о своей беременности незадолго до родов. На протяжении нескольких лет она находилась на учете эндокринолога. В период беременности, обращаясь к врачу, она говорила ему, что ее живот становится

все больше и больше. Врач посоветовала ей сесть на диету и похудеть, объясняя это дисбактериозом. Все были как слепые — дочь, ее муж (люди с высшим образованием, которым в голову не приходило, что это беременность). Если бы она пошла к гинекологу, то, скорее всего, ее залечили бы, закололи лекарствами, так как беременность поздняя, а это, по мнению врачей, означает существенную угрозу и для ребенка и для матери.

Стало быть, преподобный Александр Свирский сокрыл этого младенца до родов. Я каждый день благодарю святого Александра за рождение малышки Марии. Это он просил Бога, а Бог нам дал такую радость. Это настоящее чудо».

Мне известны пять супружеских пар, которые получили радость материнства и отцовства после долгого бесплодия по молитвам к Преподобному. Не буду называть имен, скажу только, что это очень разные по своему роду занятий люди. И открою секрет: благолепие Свято-Троицкого Александро-Свирского монастыря, его быстрое

возрождение после десятилетий разрухи, стало возможно благодаря людям, которые постарались щедро отблагодарить святого за посланное им земное счастье — быть родителями. Иногда даже трепет объемлет, когда смотришь на этих детей, которые родились благодаря молитвенному представительству преподобного Александра Свирского. Какими они вырастут? Не забудут ли о своем небесном покровителе? Донесут ли благодарность и до своих детей и внуков?

Время покажет. А к «вымоленным детям» святого Александра с каждым годом прибавляются все новые и новые. Поток паломников к раке с мощами не ослабевает вот уже восемь лет. Люди едут отовсюду: со всех концов России, из Украины, Беларуси, Прибалтики, Финляндии. И звучит под сводами древнего Преображенского собора радостное пение:

Радуйся, благочестивых родителей плод богодарованный.

*Радуйся, неплодие родших ты разреши-
вый.*

Радуйся, сетование их на радость преложивый!

Нина Карташева

ОБРЕТЕНИЕ ВЕРЫ

Мне вспоминаются дни моего детства на далеком Северном Урале в Верхотурье, куда были высланы в 30-е годы обе мои бабушки с детьми, ставшими потом моими родителями. Я появилась на свет в уже более позднее спокойное время, репрессий явных уже не было, ссыльными бабушек уже никто не считал, но к вере во времена Хрущева отношение стало опять, мягко говоря, хулительное, а если сказать жестче и правдивей, то нетерпимое. Однако в старинных русских семьях, несмотря ни на что, сохранялись и традиции, и обряды, и сама вера. Православные старики поселка спецпереселенцев стояли крепко: дальше Верхотурья не зашлют!

Я была воистину бабушкина внучка, очень ее любила, поэтому огорчить ее в чем-либо просто не могла, это было противоестественно, а быть послушной казалось легко и просто. И так до 7-го класса. А потом наступил самый бездарный возраст, когда мне уже оказывали внимание мальчики и очень заинтересовали меня наряды, танцы, фильмы и книги на взрослые темы. Да еще, как говорили, террор среды! А школьная среда смотрела на мою бабушку как на «пережиток темного прошлого». Одноклассницы уже носили челки и юбки выше колена, краситься тогда еще никто не смел в 8-м классе, но брюки уже носить пробовали. Я же носила платья «вечного» фасона и косу с черным, тоже вечным бантом. Ведь для бабушки моды не существовало, платье ее длиной до щиколотки было черное шерстяное зимой и штапельное черное летом с кремовым воротничком, застегнутым брошью. Но она — бабушка, а я-то — девочка, мне хотелось разноцветных платьев.

Это было 18 декабря, под Николу зимнего. Бабушка собиралась в церковь, мы

должны были ехать вместе автобусом до города, там я отправлялась в музыкальную школу, а бабушка — к монашкам, они жили рядом с храмом в деревянном домике. Монашество их было тайное, в миру, как и у бабушки. После урока в музыкальной школе мне велено было тоже прийти к ним, чтобы постоять в церкви на службе, а после бабушка решит, оставить меня ночевать или отправить домой. Возле школы бабушка рассталась со мной со словами: «Ну, детка, приходи помолиться!»

В тот день преподаватель музыкальной литературы, практикант из Свердловской консерватории, мне сказал: «Подожди, я тебя провожу до автобуса». Я испугалась: «Не надо. Я к бабушке». — «А где твоя бабушка? Разве она не с вами живет?» — «Она сегодня у знакомых». Мне было неловко посвящать его. Но молодой учитель не убоился и бабушки, намерения его были самые честные, и мы вместе вышли из школы.

Мы шли старинным ветхим городом. Прошли Троицкий собор, где засели банк

и другие какие-то важные учреждения. Прошли Воздвиженский собор мужского монастыря, в котором была детская трудовая колония. Когда-то здесь стояли мощи святого праведного Симеона Верхотурского. Сюда приезжала в 1914 году великая княгиня Елизавета Феодоровна, она здесь говела и причащалась. Здесь, в Верхотурье, был крепкий духовный центр Сибири и Урала. Из Киева пешком приходили сюда паломники поклониться верхотурскому праведнику.

Мы с учителем приближались к окраине города, где почивало под снегом кладбище и теплилась единственная действующая церковка. Рядом два домика. В одном жил вдовый батюшка, а в другом — монашки. Бабушка увидела меня из окошка и вышла к воротам. Она была в своем черном клобучке, и я ужаснулась, что теперь узнают, что она монашка. Бабушка узнала учителя, она всех моих педагогов и одноклассников знала. Она поздоровалась и спросила: «И вы пришли помолиться, Валерий Николаевич?»

Бедный Валерий Николаевич запламенел, я чувствовала, как ему стыдно за себя и за меня, что я такая отсталая, хожу с бабушкой в церковь. Он что-то пробормотал и неуклюже простился. А мне среди милых богомольных старушек вдруг стало жалостно и скучно. Я видела себя глазами Валерия Николаевича несовременной и не понимающей ни Вознесенского, ни Пикассо. «Бабушка, я не пойду в церковь. Я поеду домой». Бабушка сделалась недовольна, я видела это, но не упорствовала. Меня отпустили.

Дома без бабушки папа и мачеха чувствовали себя как дети. Телевизор гремел, папина охотничья собака Бурька прыгала по кухне — при бабушке она дальше крыльца и не заглядывала. Я встала перед зеркалом. «Отсталая... Старомодная...» — думала я. Из зеркала испуганно смотрела на меня тоненькая девочка, не такая уж и старомодная, но мне казалось... И вдруг разом во мне как что-то оторвалось и переменилось. До этого часа я всегда ощущала тяготение вверх, к горнему, как буд-

то я держалась за сияющий большой воздушный шар, на котором было написано ИИСУС ХРИСТОС и БОЖИЯ МАТЕРЬ. Этот большой невидимый шар меня приподымал над землей, мне все было радостно и легко! Я даже писала тогда о себе стихи:

*На праздник было это чудо:
Стопами не задев земли,
Я шла, куда меня вели,
Не возвращаются откуда.*

И вот теперь я как будто выпустила из рук этот шар, и меня тяжело потянуло вниз, к дольному.

Я отпросилась покататься на коньках. Меня, конечно, отпустили. Но в тот день на катке были соревнования, и я решила покататься на поселковом, самодельном катке, он был тоже на речке Актай, на нем катались мальчишки, мне туда ходить не разрешалось, потому что там были проруби. Но в этот день я уже не помнила, что мне не разрешали. Я очень «современно»

каталась, воображала себя похожей на чемпионку-фигуристку, которую не раз видела по телевидению. Я разбежалась, перевернулась в прыжке и очень ловко, казалось мне, понеслась спиной вперед — и бухнулась в прорубь! Испуг и ужас? Не знаю. Как внезапный ожог, но в воде! Меня вытащили. Побежали в рядом стоящий клуб. Ума хватило только на то, что надо сушиться у круглой печки-голландки. Потом пришла сторожиха, ахнула и послала девочек к нам домой. Родители испугались больше меня. Переодели, укутали. Дома дали чаю с малиной. Но под утро я расхворалась.

Бабушка была в церкви. А без нее мне было вдвойне плохо, и пока она не пришла, я бредила и просила дать мне воздушный шар, на котором написано ИИСУС ХРИСТОС и БОЖИЯ МАТЕРЬ. Только вечером, взяв бабушкину руку, словно нитку моего сияющего шара, я успокоилась.

Поболев, я выздоровела. Но, как следствие и напоминание, раз в год непременно хворала пневмонией, хотя и в уже

более легкой форме. И чаще это было в декабре, на Николу зимнего. Хорошего мало. И так продолжалось не год, не два, а лет десять. Я уже была замужем, моей дорогой незабвенной бабушки уже не было на этом свете.

Попав в очередной раз на сквозняк, на сей раз весной, я сильно расхворалась, но долго переносила недуг на ногах, пока не свалилась. Был день рождения Императора новомученика, 19 мая (в моем дневнике этот день подчеркнут). К несчастью, дома я была совершенно одна, муж в командировке, родные далеко, помочь никому. А помощь была нужна, потому что я даже не могла встать на звонок в дверях. На меня наваливалось что-то неживое, смертное и страшное. Я слабела духом и сдавалась, знобило. Хотелось пить. Утром мне стало полегче, я очнулась, пахло сиренью, за окном распевали птицы, жара почти не было. Поверх одеяла я была накрыта чем-то — офицерская старинная шинель с орлами! Господи! Откуда?! В кресле сидела девочка лет 17-ти и читала тихонько чуд-

ным грудным голосом акафист святителю Николаю по тетрадке, которую я тотчас узнала — когда-то 7-летней девочкой я переписывала этот акафист по просьбе моей бабушки в отдельную тетрадку для какой-то болящей женщины. «Брежу!» — испугалась я. Девочки этой не знаю. И никто, даже ленинградская племянница, если бы и приехала, читать бы акафист, да еще вслух с распевом, не сумела бы. И произношение у этой незнакомки несовременное, а как у бабушки, «ч» и «щ» произносит по-петербургски. Конечно, это я брежу! Но почему-то спрашиваю: «Откуда такая странная шинель?» «Папина» — ответила она. «А ты кто?» — «Мария. Сестра милосердия».

Я смотрела на круглое лицо с большими серыми глазами — что-то достойное и кроткое в облике. Платье простое, светло-голубое. И ветка сирени в вазе свежая. «Дай мне попить», попросила я. Она подошла ко мне с чашкой теплого молока. Я спросила: «Это что, мой бред?» Девушка ответила так: «Достоевский сказал, что

нет бреда и нет безумия. Просто иногда в чрезвычайных обстоятельствах люди видят и другой мир». Я выпила молоко, теплое и вкусное.

«Ты сегодня выздоровеешь окончательно. Папа сказал. Сегодня у него день рождения, а послезавтра именины. Это тебе от него в подарок. А я посижу с тобой. Хочешь, еще почитаю службу?» — «Нет! Почитай что-нибудь другое, светское, веселое, а потом службу...»

Чудный голос, переливаясь с низких воркующих нот в хрустальную высоту, читал мне смешной рассказ о молоденькой дамочке с кружевным зонтиком и юбке с оборочками. Чехов? Я никак не могла вспомнить такого рассказа. И вот только уже в 90-е годы, когда появились книги Тэффи, я узнала этот рассказ! Рассказ закончился. Просить читать еще я почему-то больше не смела, я как-то поверила в свою милосердную гостью. Она встала. У меня в изголовье всегда висели и висят бабушкины иконы Спасителя и Матери Божией. Девочка встала перед иконами,

встала и я на колени в постели: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, спаси и помилуй нас, грешных. Пресвятая Богородице, спаси нас».

Потом я уснула и проснулась здоровой и свежей. В комнате я была одна. Но ветка сирени, которой у меня до болезни не было, благоухала. И лампадка горела, хотя я ее не зажигала.

Но самое невероятное и драгоценное доказательство, что я, худая и грешная, удостоилась посещения из иного, лучшего, чем наш, мира, были бабушкины четки, которые оказались висящими на иконе Спасителя. Те самые четки, с которыми бабушка была положена в гроб и похоронена. Кисточка на кресте четок из зеленого гаруса была истлевшая, но сами четки даже не рассыпались. С четками с тех пор я не расстаюсь. Рассказывать тогда об этом я никому не стала, меня бы сочли сумасшедшей, но все мои близкие и батюшка мне поверили и помолились со мной. Болезнь же моя прошла бесследно. И я свято верю, что это по молитвам моей бабушки

я была исцелена таким чудесным образом. Она всегда чтит святого Николая Чудотворца и царственных новомучеников. Дважды мы ездили с ней в паломничество в Свердловск к дому Ипатьевых.

Да поможет нам Бог. Простите мне дерзость моего рассказа, который я только записала, как было, ничего не приукрашая и не придумывая. Так было. Истинно и искренно я сказала о малом, в котором явилось Великое. Спаси Вас Господь, дорогой читатель!

Бабушки

Не откажусь от бабушки-крестьянки,
Не постыжусь посконной и сермяжной —
Горжусь красой иконной, непродажной,
Прямой в словах, поступках и осанке.

За веру и за верность отсидевшей,
Не постаревшей — только поседевшей.
Мне от нее неленостные руки,
Терпение на горе да муки.

Не отрекусь от бабушки-княгини,
Благую честь у Господа избравшей,
В ней не было ни спеси, ни гордыни,
Был Свет, в грязи и ссылках просиявший.

В миру, в семье носила тайный постриг,
Для Господа свершила тихий подвиг.
Мне до нее идти еще далече,
Мне от нее — мои стихи да речи.

Обеим бабушкам поклон за воспитанье,
За руки, за науки, за любовь.
За светлое о них воспоминанье,
За слившуюся в сердце моем кровь.
Как сестры Лазаревы Марфа и Мария,
Такие разные. Но вместе — вся Россия.

Николай Кокухин

МАШУТКА

Больше всего на свете я люблю ездить с мамой в паломнические путешествия. Каждый год, когда у меня наступают летние каникулы, мы едем к какому-нибудь святому. Мы побывали уже у Митрофания Воронежского, у Тихона Задонского, у Иова Почаевского.

— Мама, — спросила я в одно прекрасное летнее утро, — к кому мы поедем в этом году?

— Не знаю, моя доченька, — ответила мама. — Куда батюшка благословит, туда и поедем.

— А когда он благословит?

— Да в ближайшее воскресенье и благословит.

«Как хорошо, — подумала я, — до воскресенья осталось всего три дня».

Они пролетели очень быстро, я и не заметила, как они пролетели. В воскресный день мы с мамой, как обычно, пришли в храм, и после богослужения батюшка объявил:

— Едем к преподобному Феодосию Кавказскому.

Через несколько дней мы с мамой пришли на соборную площадь, где уже стоял новый микроавтобус для паломников. На переднем стекле, справа, я увидела несколько бумажных икон: Спасителя, Божией Матери и Святителя Николая, а рядом — заметная, красными печатными буквами, надпись: «Паломники». В салоне были удобные, с высокими спинками, сиденья, мы, с шутками и смехом, разместились (нас было несколько человек) и поехали.

Я сидела у окна, и мне было все видно: сначала был город, потом пошли поля, перелески, овраги, мосты через маленькие и большие речки, села, деревни, козы, ко-

торых пасла маленькая старушка, аисты на водонапорной башне — это был наглядный урок географии, и учебника раскрывать не надо.

Руководитель нашей группы Виталий Борисович (мы всегда ездим с ним) прочитал акафист преподобному Феодосию Кавказскому, затем Серафима, бывшая актриса, а теперь регент нашего храма, запела:

Житейское мо-оре
Играет волна-ами,
В нем радость и го-оре
Всегда перед на-ами.

Никто не ручи-ится,
Никто не узнае-ет,
Что может случи-иться,
Что завтра с ним ста-анет...

Все паломники подхватили, в том числе и я. Я знаю все песни, которые мы исполняем в пути — и народные, и покаянные, а также песни на слова известных и неизвестных поэтов. Когда поешь, на душе

становится радостно, и никогда не устанешь.

— Через полтора часа — Минеральные Воды! — объявил Виталий Борисович. — Там нас ждет преподобный Феодосий!

Радость охватила мою душу: еще один святой войдет в мою жизнь, я буду ему молиться, а он будет помогать мне в учебе, укрепит мою веру, поможет еще больше любить маму и других людей. Я была почему-то уверена, что он и сейчас молится обо мне — ведь он знает, что я еду к нему, чтобы поклониться его святым мощам.

Вдруг наш микроавтобус замедлил ход и остановился. Непонятно, почему он остановился, так как до города было еще далеко. Водитель открыл дверь, и в салон вошел смуглый кавказец в защитной военной форме, в руках у него был автомат.

— Выхадыте! — грубо, с заметным акцентом закричал он. — Бистро!

— В чем дело? — поднявшись с переднего места, спросил Виталий Борисович. — Зачем выходить?

— Не разговаривать! — рывкнул солдат. — Бистро выхадыть!

Паломники один за другим потянулись из автобуса, досадуя за непредвиденную остановку.

Трое солдат с грубыми невежественными лицами, заросшими жесткой щетиной, цепкими злыми глазами осматривали выходящих людей, каждый из них держал автомат на изготовку.

— Что это значит? — обратился к ним Виталий Борисович. — Разве сейчас военное время?

Все три кавказца, как по команде, навели на него свои автоматы, показывая, что не намерены разговаривать с ним и выяснять отношения. Один из кавказцев, тот, что заходил в автобус, был выше на голову своих сообщников, с хищным, как у беркута, носом; видимо, он был главарем. Он заорал на Виталия Борисовича, сделав шаг по направлению к нему:

— Малчать! Прыстрелю, как собаку!

Виталий Борисович побледнел, сильно сжав кулаки опущенных вдоль тела рук;

видимо, ему стоило больших усилий сдержаться и не прекословить бандитам.

Паломники притихли, увидев, что дело принимает нешуточный оборот.

— Стройся в одну шырэнгу! — вновь заорал главарь. — Бистро!

Он, а следом за ним и его сообщники, ринулись на нас, ударяя кого кулаком, кого дулом автомата, а кого и пиная тяжелым солдатским ботинком. Мама схватила меня за руку и стремительно оттащила в сторону.

— Шырэнга! Шырэнга! — во всю глотку орали бандиты.

За какие-то мгновенья они выстроили нас в одну цепочку, растянувшуюся по безлюдному шоссе на небольшое расстояние.

У паломников были испуганные, бледные лица, никто не знал, для чего их выстроили и что их ожидает.

Кроме Виталия Борисовича, в нашей группе было еще двое мужчин, но чем они могли помочь женщинам, если сами находились в сильнейшем шоке, под дулами автоматов.

Мама крепко держала меня за руку, ее рука изредка вздрагивала, и тогда я еще крепче сжимала ее ладонь.

Вдруг произошло то, чего никто не ожидал.

— Сымай кресты! — заорал главарь.

— Сымай кресты! — еще громче заорал его сообщник.

— Сымай кресты! — подхватил третий бандит.

Они ринулись на шеренгу, как волки на ягнят. «Беркут» понимал, что главное лицо в нашей группе — Виталий Борисович, который, во-первых, отвечает за всех нас, а во-вторых, является для нас примером. «Беркут» приблизился к нему, лязгнул затвором автомата и прицелился прямо в лицо; глаза его горели лютой злобой.

— Сымай — пристрелю! — зарычал он.

Лицо Виталия Борисовича напряглось, как будто ему предстояло прыгнуть с большой высоты.

— Я христианин и не могу без креста, — преодолевая отвращение к бандиту, сказал он.

— Можешь! — пролаял кавказец. —
Сымай!

— Зачем он тебе?

— Я хочу его рас-топ-тать! — напирая
на каждое слово и стараясь как можно силь-
нее ранить мужчину, прорычал бандит.

— Он предназначен не для этого!

— Нет, как раз для этого! Сымай! —
вновь заорал он.

— Не сниму! — дрожащим голосом
сказал Виталий Борисович.

— Тогда прашайся с жизнью! — про-
кричал бандит; он вскинул автомат и вы-
стрелил в него; очередь прошла в одном

сантиметре над его головой, опалив волосы.

Виталий Борисович от неожиданности и от страха присел, его лицо сильно побледнело.

— Считаю до трех! — рявкнул бандит. — И стреляю прамо в лоб! Раз! — Он чуть помедлил. — Два! — После краткой паузы он поднял дуло автомата, целясь в лоб Виталия Борисовича.

Тот не выдержал и дрожащими руками снял с себя крест.

— Бросай на зэмлю! — приказал бандит.

Виталий Борисович бросил.

— Топчи!

Виталий Борисович наступил на крест ботинком.

— Вот так! Хороший пример!

Лицо кавказца исказила злая улыбка.

— Все, все сымайте свои кресты! — пуше прежнего заорал он. — Иначе всех пэрэстрэляем!

Он дал длинную очередь поверху наших голов.

Два его сообщника между тем терзали других паломников, угрозой и грубой силой принуждая их снимать с себя нательные кресты. Сняли все женщины, сняли двое мужчин, сняли подростки. И все по приказу бандитов растоптали их. Это произошло в течение каких-нибудь двух-трех минут.

Остались только три человека, которые не сняли кресты: моя мама, я и Сережа, юноша лет пятнадцати, которого я давно знаю, так как мы часто встречались в храме — мы стояли в самом конце шеренги и до нас еще не дошла очередь.

В этот момент один из бандитов, расправившись с очередным паломником, подошел к маме.

— Сымай крест! — рявкнул он.

— Ни за что!

В словах мамы слышалась такая уверенность, такая сила, такая убежденность в своей правоте, такая непоколебимая вера истинной христианки, что бандит опешил. Он сделал шаг назад и внимательно посмотрел на маму. Мама, не дрогнув, встретила его взгляд. В нем бандит не уви-

дел ни слабости, ни растерянности, ни животного страха, которые встречал на лицах других паломников.

Он секунду помедлил, продолжая изучать мамино лицо, крепче сжал цевье автомата, а потом шагнул ко мне:

— Ну, а ты? Сымешь?

— Нет! — смело ответила я, глядя прямо в глаза бандита. — Я не отрекусь от Христа! Потому что я люблю Его!

Бандит был поражен, услышав мой ответ. Он даже не нашелся, что сказать, только хмыкнул и, сделав еще один шаг, обратился к Сереже:

— А ты?

— Как Машутка, так и я! — звонким голосом воскликнул Сережа.

Свидетелями этой сцены были не только паломники, но и другие два бандита, которые приблизились к концу шеренги.

«Беркут» закинул автомат на ремне за спину, то же самое сделали и его сообщники.

— Дураки! — громко крикнул главарь. — Дураки! Ха-ха-ха!

Он грубо захохотал, загоготали и его сообщники.

— А эти — маладцы!

Главарь кивнул в нашу сторону.

— Маладцы! — повторил он.

Кавказцы, громко стуча ботинками по асфальту, галопом понеслись прочь. Недалеке на обочине дороги стоял их джип. Они быстро сели в машину, джип взревел, выпустив синеватое облако дыма, сорвался с места и помчался по шоссе. Через двести-триста метров он свернул на проселочную дорогу, волоча за собой густой сизый шлейф пыли. Вскоре пыль исчезла, но джипа уже не было видно.

ДАЛЬНИЙ ПРИХОД

Вагон, набитый тревожными дорожными снами и темнотой, шатало всю ночь. Только в пять утра выбрался отец Игнатий на своей станции. Уже проступали из рассветных сумерек серые терриконы, тусклая заводская вода, черные трубы, грязноватые пятна жилых массивов вдалеке... От этого безрадостного пейзажа тоскливо сжималось сердце. Но другого пути не было, и, подхватив нагруженную свечами и книгами тележку, отец Игнатий зашагал к автостанции.

Шел мокрый снег. Колеса тележки застревали в снежной каше, и тележку приходилось не катить, а волочить за собой. Отец Игнатий взмок, пока добрался до тонущего в грязи пяточка автостанции, где возле похожего на сарай здания теснились

разноцветные кооперативные ларьки. Некоторые из них уже работали. Купив билет на Петровское, отец Игнатий устроился в уголке зала ожидания. Перебирая четки, повторял слова молитвы, стараясь не смотреть на замусоренный пол, на стены, покрытые грязными разводами подтеков. И на компанию молодых людей, что сидела напротив, он тоже старался не обращать внимания.

Нехорошая была компания... Все трое были одеты, как в униформу, в черные кожаные куртки и яркие, заляпанные снизу штаны. На ногах — покрытые слоем грязи сапоги-«луноходы» с проступающими на них из-под грязи иностранными лейблами... Бутылки с разноцветными наклейками бродили по рукам. Похоже было на проводы.

Провожали Мишуху — светловолосого паренька с искривленным, сломанным, наверное, в драке носом. Был он пожиже своих приятелей. Кожаная куртка болталась на плечах, как чужая. Чужими были и жесты, чужой и кривящая губы усмешка...

Отвлечшись от молитвы, отец Игнатий подумал, что, наверное, поэтому и производит Мишуха такое неприятное впечатление. Он весь был как-то опасно непредсказуем...

Отец Игнатий пожалел, что не устроился в стороне от компании, надо было сесть у дверей, где толкались у кассы пассажиры... Но пересаживаться сейчас? Нет... Перебирая четки, священник опустил голову, стараясь не смотреть на молодых людей.

Он снова представил, как приедет наконец на приход, где зима, как зима, и река настоящая, и лес, а главное — видимый отовсюду парит над округой храм, собирая и наполняя смыслом и красотой окрестность...

— А я подойду! — перебил его мысли голос. — Сам у попа спрошу!

Отец Игнатий поднял голову и увидел, как, оттолкнув черноволосого, более трезвого на вид приятеля, встал со скамейки напротив Мишуха.

— Батюшка... — обдавая священника тяжелым запахом перегара, сказал он. — Я с тобой потолковать хочу...

— В храм приезжай... — ответил отец Игнатий. — В порядок себя приведи и приезжай. Там и поговоришь.

— Нет... Я сейчас хочу.

— Кончай барахлить, Мишуха! — сказал черноволосый парень. — Чего к попу лезешь?! Тут же народ!

— Отвали, моя черешня! — по искривленному Мишухиному лицу блуждала пьяная ухмылка, и всё никак не приклеивалась к кривящимся губам. — Мы сейчас вась-вась с батюшкой потолкуем... Чего ты смотришь так на меня? Может, я исповедаться желаю...

— Рассказывай... — смиренно вздохнул отец Игнатий — Чего у тебя?

— Ага... — сказал Мишуха. — Я скажу, а ты меня в ментовку потянешь... Что? Не так?

— Тогда и не говори, если боишься...

— Я боюсь? Я ничего не боюсь, понял? Просто мне узнать надо... Если Бог есть, то грех это — иконы в церкви украсть?

— Бог-то есть... А ты сам кто, крещеный?

— Крещеный, конечно... — даже обиделся Мишуха. — Чего я, не русский, что ли? Бабка меня крестила...

— А раз крещеный, да еще русский, то знай, Михаил, что больше этого греха и не бывает, наверное.

— Не бывает?

— Не бывает...

Захрипел динамик. Объявили посадку. Пассажиры, что толпились у двери, затолкались у выхода. Приятели Мишухи тоже встали.

Отец Игнатий остался сидеть — это был не его рейс.

— Мишуха! — сказал черноволосый парень. — Кончай козлить. Пошли, на улице покурим.

— Нет! — покачал головой Мишуха. — Вы идите, а я потолкую еще маленько. Что же это у тебя, батюшка, получается? — глумливо усмехаясь, спросил он. — Значит, на заводе, к примеру, украсть можно, у соседа тоже, а у вас, у попов, нельзя? Интересная, скажу я тебе, альтернатива получается.

— Красть вообще грех... — проговорил спокойно отец Игнатий, перебирая четки. — Но в церкви ты не у попа крадешь, не у прихожан, а у тех святых, в честь которых храм поставлен. Ведь всё, что есть в храме, им принадлежит... Вот и думай теперь, почему у святых красть самым страшным грехом считается... А ты много украл-то икон?

— Да четыре доски взяли всего... Мы... — Мишуха не договорил. Глумливая улыбка сползла с его губ. Лицо побледнело.

Отец Игнатий оглянулся — в зал ожидания вошли двое милиционеров. Они остановились возле печки, внимательно оглядывая опустевший зал.

— И где же вы кражу совершили? — строго спросил отец Игнатий.

— Какую кражу?

— Испугался, значит?

— Я?! — Мишуха с вызовом взглянул на отца Игнатия. — Вот еще! Ну и что? Если я скажу, что у вас, в Петровском, иконы украл, сразу и сдашь ментам? Всё равно ведь ничего не докажешь!

Отец Игнатий опустил голову. Пальцы, перебиравшие четки, замерли.

— Не буду я тебя никуда сдавать, — с печалью сказал он. — От той милиции, перед которой тебе предстоит отвечать, еще никому не удавалось скрыться.

Он почувствовал, что задыхается здесь, в этом помещении. Встал. Подхватив тележку, покатил ее к выходу мимо милиционеров.

Стало светлее. Снег перестал идти, и на небе бледно-желтым пятном проглянуло солнце, высветливая серую воду, скрашивая унылый пейзаж. Автобус, что шел через Петровское, уже подали. Обходя лужи, отец Игнатий направился к нему. Мишуха догнал его возле автобуса. Он подбежал, разбрызгивая своими «луноходами» лужи, и, подхватив тележку, помог поднять ее.

— Что же мне делать теперь, батюшка? — спросил он.

Отец Игнатий даже удивился — весь хмель, вся дурашливость сошли с парня.

— Не продал еще иконы?

— Н-нет...

— Тогда верни назад, откуда взял, а потом исповедаться приходи...

— И простят?!

— Бог милостив...

А в Петровском, как и думал отец Игнатий, еще стояла глубокая зима. Снег, большой и чистый, покрывал поля, излуку реки. Дома в этом искрящемся на солнце снегу казались совсем низенькими. Надвинув на крыши снеговые шапки, они стояли, словно на рождественской открытке.

Кое-где уже начали топить печи, и белый дым поднимался из труб. Возле магазина в цветастых, сделанных из старых кушаков ошейниках крутились поселковые собаки. Они смотрели на священника, катившего мимо груженную свечами тележку, и не лаяли, а, узнавая как своего, приветливо крутили хвостами...

И так хорошо, так радостно было вокруг, что привидевшимся в дурном сне вспомнился райцентровский пейзаж, разговор на автостанции. Главное же — на взгорке возвышался храм. Легко парил он над округой. Туда и держал путь отец Игнатий...

В доме, хотя он отсутствовал всю неделю, было тепло. Видно, накануне Марья-алтарница протопила печь. Кирпичи еще хранили тепло...

Разоблачившись, отец Игнатий затеплил лампадку перед иконами, помолился, а потом, накинув поверх рясы фуфайку, взял посошок и с ведром направился на колодец. С наслаждением вдыхал он свежий и чистый утренний воздух...

Марью-алтарницу отец Игнатий увидел, когда уже подходил к колодцу. Она

вышла откуда-то из-за заборов, и отец Игнатий удивился: чего она делала там, в нехоженных снегах...

Мария даже не поздоровалась. Заливаясь слезами, припала к руке священника.

— Батюшка-а, беда-то у нас кака-а-я! Обокрали ведь нас... Горе-то какое...

— Обокрали?

— Ага... Обокрали... Ночью свет на подстанции выключили, а утром я в церковь пришла, смотрю — окошко выдавлено. Иконы из летнего придела унесли... И Заступницу нашу Небесную, Тихвинскую...

— Четыре иконы взяли или больше? — спросил отец Игнатий, чувствуя, как тускнеет вокруг солнечный день.

— Четыре... Четыре, батюшка... Самые старые и унесли образа. А ты откуль знаешь, сколько?

— Знаю, Марья... — вздохнул отец Игнатий. Опустил в обледеневший сруб ведро и чуть тронул рукоятку ворота. — Знаю...

Загремела цепь. Ведро полетело в студеную глубину сруба.

— Неужто почувствовал?! — Марья смотрела на священника, и глаза ее расширились, вбирая его всего, как чудо.

— Нет! — коротко ответил он, поворачивая ручку ворота. — Ко мне на станции парень подошел. Он и рассказал, что украл иконы...

— Подошел?! Сам?!

— Сам... — подхватив колодезное ведро, отец Игнатий перелил в свое студеную воду. — Спросил, грех ли это?

— А вы?!

— Так чего же я... Велел иконы назад принести...

— И что? — Марья помотала головой. — И в милицию не заявили?

— Не заявил... — держа в одной руке ведро, а в другой — батожок, отец Игнатий зашагал по протоптанной в снегу тропинке.

Уже из калитки оглянулся. Марья-алтарница так и стояла у колодца и смотрела на него.

День выдался хлопотливый, долгий.

И, вроде бы, обычные всё дела, но никогда не утомляли они, а сегодня... Только

к вечеру отец Игнатий догадался, что не от хлопот эта усталость, а от того разговора на автостанции.

— Нешто и сегодня служить будем, батюшка? — спросила топившая печи в церкви Марья. — Может, не надо?

— Как же не надо? — с неудовольствием, что не сумел скрыть усталость, ответил отец Игнатий. — Народ даже приезжий есть.

Марья вздохнула, и лицо ее приняло то скорбное выражение, которое появлялось всегда, когда она хотела показать, что и слова, и убеждения — всё у нее кончилось, и раз не хотят исправить дело, как она советует, то пусть как будет, так и будет... Марья выросла и состарилась при храме, и к молодому, по возрасту годящемуся ей в сыновья священнику относилась сложно. В духовной жизни во всем полагалась на него, доверяя сану, но что касается церковного хозяйства, старалась всё делать по-своему. Не перечила, конечно, когда отец Игнатий поправлял ее, но тотчас же как бы вся заливалась скорбью, показывая,

что только и остается ей теперь молить Царицу Небесную, чтобы образумила Та своего вольного батюшку. Сейчас Марья тоже скорбела, должно быть, о робости и нерешительности отца Игнатия, у которого в руках, можно сказать, был преступник, но он не сдал в милицию, а отпустил...

— Да уж есть того народу... — Марья поджала губы. — Двое человек всего приехавши...

— Нет... — вздохнул отец Игнатий. — Надо служить.

Разговор этот состоялся, когда отец Игнатий, уже приготовив всё к вечерне, шел на колокольню. И, поднимаясь вверх по темной лестнице, подумал, что, может, и зря признался, от кого узнал о краже, пускай бы Марья считала, что во сне он украденное увидел...

— Прости, Господи! — поймав себя на этой мысли, пробормотал он и перекрестился.

Наверху, на колокольне, дул холодный, пронизывающий ветер. Отсюда было видно всё село — белые прямоугольники огородов, серую паутину садов, крыши до-

мов, излуку реки, обрамленную темно-зеленым ельником... Еще видно было дорогу, по которой двигались к магазину люди. Натянув рукавицы, отец Игнатий взял в одну руку железную палку, на другую намотал веревки от колоколов. Колокола загудели звонко и слаженно. Застигнутый колокольным звоном, споткнулся мужичок на дороге, взглянул на церковь и заспешил дальше — в магазин.

А колокола гудели. Далеко вдоль по реке растекался между лесистыми взгорками, тревожа пугливых зайцев и сторожких лисиц, колокольный звон. Впрочем, там ничего, кроме снега, кроме замерзших болот, уже не было...

Снова светловолосого Мишуху отец Игнатий увидел в воскресенье, на службе. Мишуха только что — снег еще не растаял на одежде — вошел в церковь и, смущенно теребя руками шапку, стоял возле колонны напротив иконы «Сошествие Христа во ад»...

Отец Игнатий как раз вышел из Царских врат с кадиллом.

Кадило (похоже, вместе с угольками Марья-алтарница нагребла и головешечек) чадило. Мысль об этой неисправности отвлекала от службы. Пытаясь сосредоточиться, отец Игнатий и заметил Мишуху. И, увидев его, как бы и не увидел... Махнул кадилом в его сторону. Мишуха отшатнулся, а потом — отец Игнатий уже кадил на другой стороне храма — вдруг бухнулся на колени, неумело осеняя себя крестом.

Потом он подошел к исповеди.

— Это я иконы украл... — остановившись у аналоя с лежащим на нем Евангелием, сказал он. — Ну, в общем, я привез их назад.

— Все? — спросил отец Игнатий.

— Все... В машине они. Я у брата машину взял, чтобы привезти...

— И давно воровством промышляешь?

— Не-е... Вообще-то мы бизнесом занимаемся, ну, купить-продать, в общем... А иконы — это так, подвернулись под руку...

Отец Игнатий долго говорил с ним. А в конце исповеди вспомнил, как бухнулся

Мишуха на колени, и, не удержавшись, спросил об этом.

— Почудилось... — смущенно ответил Мишуха.

— Чего почудилось?

— Ну, этого... Ну, в общем, показалось, что у Христа на иконе прямо в руке настоящий огонек горит...

Накрыв Мишухину голову епитрахилью, отец Игнатий прочитал разрешительную молитву. Но когда выпрямился Мишуха, снова скользнула змейкой по губам нехорошая ухмылочка.

— А если я теперь домой уеду? — сказал он. — И иконы увезу, батюшка? Грехи-то вы мне отпустили уже...

— Дурак ты... — с сожалением сказал отец Игнатий. — Ты что? У меня прощение выпрашивал? Неси иконы и не глупи. Ты не обо мне думай, а о своей душе, которую погубить хочешь.

И так сурово прозвучал его голос, что оробел сразу Мишуха. Сбежав с губ, пропала ухмылочка, а лицо сделалось каким-то испуганно-торжественным.

— Пошутил я, пошутил просто... — то-ропливо сказал он и перекрестился. — В общем, принесу сейчас...

Он, действительно, через несколько минут притащил завернутые в мешковину иконы. Марья-алтарница проводила парня в летний храм и там показала, куда какую икону повесить.

Отец Игнатий уже причащал прихожан, когда вернулись они в зимний придел. Мишуха хотел было уйти, но Марья цепко держала его за рукав.

— Сюда-сюда... — сказала она.

— Куда еще? — пытаюсь высвободить руку, спросил Мишуха. — Я же исправил уже всё...

— К батюшке подойди... — коротко сказала Марья и, отпустив парня, отошла.

Часам к трем — а были еще и крестины — служба закончилась. Храм опустел. Только Марья-алтарница ходила по церкви и тушила лампадки у икон.

Отец Игнатий уже снял в алтаре епитрахиль и подрясник и собирался идти домой. Но у колонны он задержался. Огля-

нулся на икону, о которой говорил на исповеди Мишуха. Облаченный в белые одежды, Христос сходил в черноту ада, из бездны которого тянулись к Нему руки грешников. Вытянутая вперед рука Спасителя почти сливалась с лампадой, и казалось, что живой лампадный огонек мерцает прямо в руке Иисуса. Этого эффекта не добивался ни художник, ни сам отец Игнатий, когда перевешивал лампаду.

Просто когда он привез из города икону Царя-мученика и решил повесить рядом с Серафимом Саровским, преподобного пришлось сдвинуть в сторону. А чтобы цепочка от лампы, висевшей перед «Сошествием», не отбрасывала тени на лик святого, лампаду пришлось тоже чуть сдвинуть — вот и получилось, что живой огонек ее, если смотреть на икону от колонны, бился прямо в руке Спасителя.

— Видела? — спросил отец Игнатий у подошедшей к нему Марии.

— Ишь как... — сказала та, посмотрев на икону. — И ведь прямо тут и встал грешник-то...

— Ты не рассказывай никому об этом...

— Не буду...

Но скоро о чудесном обретении выкраденных икон заговорили. И не только на селе, но и в округе.

И уже не так рассказывали, как было.

Из рассказов тех исчезли и Мишуха, и сам отец Игнатий, и возвращались иконы в храм наичудеснейшим способом, по воле Самой Небесной Заступницы и святых апостолов Петра и Павла, в честь которых и был выстроен Петровский храм.

Отец Игнатий внимал этим рассказам спокойно и в глубине души соглашался с ними, ему самому казалось, что всё было именно так, как рассказывают.

А в самом начале Великого поста приехала к отцу Игнатию незнакомая пожилая женщина и, обливаясь слезами, попросила отслужить панихиду по убитому в драке сыну.

— Звали-то как сына?

— Михаилом, батюшка...

И, сбиваясь, путаясь в слезах, женщина рассказала, что связался Мишенька,

занимаясь своим бизнесом, с плохой компанией, чего-то они, икон каких-то не поделили, требовали поделники свою долю, а Мишеньке — слезы снова хлынули из глаз матери — не с чего было вернуть, вот на разборке и зарезали парня дружки окаянные...

Проводив женщину, отец Игнатий сразу прошел в летний придел. Отворив дверь, зажег паникадила и замер, уже в который раз поражаясь какой-то непостижимой чудесности храма.

Покрытые белой изморозью фрески на куполе и на стенах мерцали в его звенящей тишине большими ледяными крупинками. И казалось, это не с купола, а откуда-то из-за звезд склоняются над тобою милосердные лики...

Подойдя к Тихвинской иконе, так чудесно вернувшейся в свой храм, отец Игнатий опустился на холодный пол на колени.

— Заступись, Владычице! — тихо произнес он. — Помяни, Господи Боже наш, в вере и надежде живота вечного, преста-

вившегося раба Твоего, брата нашего Михаила... И яко Благ и Человеколюбец, отпускай грехи и потребляяй неправды, ослаби, остави и прости вся вольная его согрешения и невольная...

Слова молитвы плыли между холодных, выстуженных за зиму стен, а перед иконой Богородицы трепетал огонек лампадки, которую, как хорошо помнил отец Игнатий, он не возжигал сегодня...

Горела лампада и перед иконой Христа, сходящего во ад.

Но, покидая церковь, отец Игнатий вдруг подумал, что даже и не удивился этому чуду. Вернее, подивился, конечно, но как-то тихо, словно именно так всё и должно было произойти...

Он запер церковь и пошел домой.

Уже совсем стемнело. Темная поземка струилась над землей, замечая расчищенную дорожку. Но вот из-за туч, окруженная щедро высыпавшими звездочками, выплыла луна, и светло-светло стало на земле...

Владимир Крупин

МОЛИТВА МАТЕРИ

«Материнская молитва со дна моря до-станет» — эту пословицу, конечно, знают все. Но многие ли верят, что пословица эта сказана не для красного словца, а совершенно истинна и за многие века подтверждена бесчисленными примерами. Отец Павел, монах, рассказал мне случай, произошедший с ним недавно. Он рассказал его как само собой разумеющееся, как будто все так и должно было быть. Меня же этот случай поразил, и я его перескажу. Думаю, что он удивителен не только для меня.

На улице к отцу Павлу подошла женщина и попросила его сходить к ее сыну, исповедать. Назвала адрес.

«А я очень торопился, — сказал отец Павел, — и в тот день не успел. Да, признаться, и адрес забыл. А еще через день рано утром она мне снова встретилась, очень взволнованная и настоятельно просила, прямо умоляла пойти к сыну. Я даже

не спросил, почему она со мной не пошла, поднялся по лестнице, позвонил. Открыл мужчина, очень неопрятный, молодой, видно сразу, что сильно пьющий. Смотрел на меня дерзко, я был в облачении. Поздоровался, говорю: ваша мама просила меня к вам зайти. Он вскинулся: «Ладно врать, у меня мать пять лет как умерла». А на стене ее фотография среди других. Я показываю фото, говорю: «Вот именно эта женщина просила вас навестить». Он с таким вызовом: «Значит, вы с того света за мной пришли?» — «Нет, — говорю, — пока с этого. А вот то, что я тебе скажу, ты выполни: завтра с утра приходи в храм». — «А если я не приду?» — «Придешь, мать просит. Это грех — родительские слова не исполнять». И он пришел. И на исповеди его прямо трясло от рыданий, говорил, что мать выгнал из дома, она жила по чужим людям и вскоре умерла. Он и узнал-то потом, даже не хоронил.

Он причастился в тот день. А вечером я последний раз встретил его мать. Она была очень радостной, платок на ней был

белый, а до этого темный. Очень благодарил и сказала, что сын ее прощен, так как раскаялся и исповедался, и что она уже с ним виделась. Тут я уже сам с утра пошел по его адресу. Соседи сказали, что вчера он умер, увезли в морг».

Вот такой рассказ отца Павла. Я же, грешный, думаю: значит, матери было дано видеть своего сына с того места, где она была после своей земной кончины, значит, ей было дано знать время смерти сына. Значит, и там ее молитвы были так горячи, что ей было дано воплотиться и попросить священника исповедать и причастить несчастного раба Божия. Ведь это же так страшно — умереть без покаяния, без причастия.

И главное: значит, она любила его, любила своего сына, даже такого, пьяного, изгнавшего родную мать. Значит, она не сердилась, жалела и, уже зная больше всех нас об участи грешников, сделала все, чтобы участь эта миновала сына. Она достала его со дна греховного. Именно она и только она силой своей любви и молитвы.

ЖИВЫЙ В ПОМОЩИ ВЫШНЯГО...

Надежда Николаевна несколько раз рассказывала мне один и тот же случай: «Однажды в часть привезли тяжело раненного солдата, на обеих ногах была гангрена, персонал понимал, что ампутация неизбежна. А солдатик был такой молодой, и глаза у него были голубые-голубые! Вот, понимаешь, — говорила она мне, — я стою над ним с инструментом, а слезы как-будто внутрь текут, ничего с собой поделать не могу, ни рукой, ни ногой пошевелить не в силах. Он на меня смотрит, а глаза спрашивают: «Когда же меня выпишут? Скоро?» А как я ему скажу, что выпишут, да только без ног?!» Она рассказывала об этом снова и снова, и я совершенно уверена, что каждый раз она возвращалась в ту блокаду, к той койке за ситцевой шторкой, к тем голубым глазам... А когда она вновь продолжала беседу со мной, говорила мне:

«Как хорошо, что вы не знаете войны, но многие из вас не знают и Бога...»

Господь в войну был в сердце многих. Кто-то держался за край Его ризы, боясь отпустить, ежеминутно моля о помощи, а кто-то узнавал о незримом присутствии Божиим уже в двух шагах от смерти.

По молитвам матери

Эту историю о своем дедушке Алексее Ивановиче Филимонове рассказали его внуки, а им, в свою очередь, — их родители. События, пережитые их дедушкой, являются в этой семье своеобразной проповедью. Из уст в уста передается она и свидетельствует о том, что Господь приходит в каждую семью, Он стучит в каждую дверь, но не каждый слышит Его.

В июне 1941 года дедушку призвали в армию. Но только одна мирная ночь выпала девятнадцатилетнему военному служащему — ранним утром 22 июня началась самая кровопролитная в истории нашего Отечества война. А зимой 1941-го после

страшного боя Алексей Филимонов со своими однополчанами попал в плен.

Невыносимый холод пронизывал пленных насквозь, ветер обжигал, триста советских солдат шли под дулами автоматов по заснеженным дорогам через леса и украинские деревни. Следом за конвоирами тянулся обоз из тридцати лошадей с ездовыми и провиантом. Алексей Филимонов был в четвертой от края шеренге пленных. На голове его была пилотка, легкая шинелишка, прикрывающая спину, а на ногах кирзовые сапоги без подметок. Уставший, изможденный, голодный так и шел он, пока не почувствовал резкий жгучий холод в ногах. Алексей посмотрел на свои ноги и увидел, что тряпичные обмотки совсем размотались. Он начал судорожно соображать: «Если присяду перемотать обувь, — заметят... и пулю в спину, а не замотаю — обморожение, дойдет до ампутации». Решился. И, отдав свою сумку товарищу, присел на обочине мастерить себе обувь. Тем временем колонна с военнопленными уже прошла, и следом за ней

потянулся обоз. Дедушка вырвет клоч сена с проезжающей телеги и прилаживает к подошве сапога, вытянет соломы с другой — ко второму сапогу привязывает. Мотает тряпицу, а сам ждет, вот-вот его прикладом по голове стукнут, а может и... пулю в спину. Да вот только чудо: вроде бы он на глазах у немцев, а никто его не толкнет, не окликнет: «шнель, шнель». А сам видел, как конвоир втолкнул в строй одного солдата, когда тот на мгновение выбился из строя. Его же, словно, и не видит никто — пешие конвоиры, чтобы согреться, играючи пихают друг друга, ездовые кутаются в тулупы. Алексей Иванович подумал, что, возможно, его прикрыла лошадь в момент, когда немец подгонял солдата. Еле приподнявшись, Алексей встал на ноги, и тихонько побрел за обозами, а повозки его обгоняют, вот уже обошла последняя, и, вроде бы, отбился от идущих впереди, бежать можно, но нет сил. Настолько ослабел, что необходим был внутренний толчок, порыв, что-то такое, что могло бы мобилизовать его силы

в тот момент и спасти. Внезапно услышал голос матери. Он машинально повернул назад, и, словно в забытьи, побрел, а потом и побежал, даже не оглядываясь. Бежит он, и вдруг, прямо перед ним из снега встает человек. Дедушка остановился как вкопанный, а тот тоже испуганный, говорит, мол, удалось ускользнуть из первых рядов и закопаться в снегу. Так они и по-

бежали вместе что есть силы до первой деревни. Сквозь ставни на окнах хаты увидели они свет, постучали. Им открыла женщина,пустила, накормила. Женщина посоветовала им податься в другую деревню, где немцев еще не видели. Она вывела их за околицу и показала дорогу. Так Алексей Иванович и его попутчик шли вдвоем, пока километра через полтора не показались домики. Солдаты решили разделиться, дедушка пошел во второй от края дом, а его товарищ в первый. Постучавшись и объяснив хозяевам свое появление, дедушка признался, что он не один, его спутник направился в крайнюю избу. Любопытная хозяйка вскоре побежала к соседям, чтобы разузнать о его попутчике, но вернулась изумленная — в крайнюю избу никто на постой не просился. Его никто не видел. Куда делся его товарищ, и кем он был? Это осталось загадкой. После всего случившегося, выйдя к своим, дедушка вновь был направлен на фронт в составе 333-й стрелковой дивизии. Позже Алексей наладил связь со своей матерью,

и она писала в письмах, что днями и ночами молилась за него Богу. Да и сам он никогда не подносил ложку ко рту без молитвы, пусть даже прочитанной мысленно. Благочестивая мама уверила своего сына, что Сам Господь сделал его невидимым и послал помощь в лице того незнакомца, чтобы Алексей не струсил и не вернулся обратно в шеренгу пленных.

Алексей Иванович Филимонов всю жизнь был человеком благочестивым, трудился при храме и золотил купола. Воспитал шестерых детей, сейчас он уже на том свете, но род его продолжается. Вот подрастут правнуки, и родители расскажут им о том, что, если бы не молитва матери и помощь Божия, то не было бы их.

И вывела по тропочке к своим...

Среди солдат, прошедших войну, немало тех, кто впоследствии посвятил свою жизнь Богу. Многих к вере чудесным образом привел Промысл Божий. В молодости наместник Псково-Печерского мона-

стыря архимандрит Алипий (Воронов) был неверующим человеком. Когда началась Великая Отечественная война, его, офицера, призвали на фронт. На прощание мать дала ему иконку Божией Матери и завещала: «Сынок, когда тебе будет трудно, достань иконку, помолись Богородице — Она тебе поможет!»

Однажды с группой своих солдат он попал в окружение в лесу, был ранен. С трех сторон немцы, с четвертой — вязкое болото. Тут-то и вспомнил он материнский наказ. Поотстал немного от своих, достал иконку и, как умел, стал молиться: «Богородица Дева, если Ты есть — помоги!» Помолился и вернулся к своей группе. Видит, что рядом с ними стоит Женщина, подеревенски одетая, и обращается к ним: «Что, заплутали, сынки? Пойдемте, Я вам тропочку покажу!» И вывела всех по тропочке к своим. Отец Алипий отстал опять и говорит Ей: «Ну, мать, не знаю, как тебя и отблагодарить!» А Она ему отвечает: «А ты Мне еще всю жизнь свою служить будешь!» — и пропала, как будто и не было.

Тут-то и вспомнил он прощальное материнское напутствие, тут только и понял он, Кто им помог!

И действительно, служил он потом всю жизнь Божией Матерью — долгие годы был наместником Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря.

Плач Богородицы

Рассказ фронтовика П. С. Плынова

Место, где мы сидели в окопах, казалось каким-то особенным. Словно кто-то

помогал нам: немцы атаковали нас превосходящими силами, а мы их отбрасывали, и потери у нас были на удивление небольшими.

А в тот день бой был особенно жестоким. Вся ничейная полоса покрылась телами убитых — и наших, и немцев. Бой стих только к вечеру. Мы занялись кто чем в ожидании, когда нам ужин привезут. Я достал кисет, закурил, а земляк мой, Иван Божков, отошел в сторону. Вдруг вижу: Божков высунул голову над бруствером.

— Иван, — кричу, — ты что делаешь? Снайпера дожидаться?

Божков опустил голову в окоп — сам не свой. И говорит мне тихо:

— Петя, там женщина плачет...

— Тебе показалось, откуда тут женщины взялись?

Но когда со стороны немцев стихла «музыка», мы услышали, что где-то и вправду плачет Женщина. Божков надел на голову каску и вылез на бруствер.

— Там туман клубится, — говорит он нам. — А в тумане по ничейной полосе в

нашу сторону идет женщина... Наклоняется над убитыми и плачет. Господи! Она похожа на Богородицу... Братцы! Ведь нас Господь избрал для этой памятной минуты, на наших глазах чудо совершается! Перед нами святое видение!..

Мы осторожно выглянули из окопа. По ничейной полосе в клубах тумана шла Женщина в темной и длинной одежде. Она склонялась к земле и горько плакала. Тут кто-то говорит:

— А немцы тоже на видение смотрят. Вон их каски над окопами торчат... Да, тут что-то не так. Смотри, какая Она высокая, раза в два выше обычной женщины...

Господи, как же Она плакала, прямо в душе всё переворачивалось!

Пока мы смотрели на видение, странный туман уже покрыл большую часть ничейной полосы, а мне вдруг подумалось: «Надо же! Будто саваном погибших укрывает». Пройдя немного дальше того места, где мы находились, Женщина, так похожая на Богородицу, вдруг перестала пла-

кать и, повернувшись в сторону наших окопов, поклонилась. Распрямившись, Она снова продолжила Свой скорбный путь, сопровождая его плачем. А мы все услышали, как Божков сказал:

— Богородица в нашу сторону поклонилась! Победа за нами! — громко сказал Божков.

Живой я, живой!

Эту историю рассказал священник Михаил Махов. Его отец ушел на фронт молодым, тридцатилетним. «Вот бабушка наша Феодосия, его мать, и начала утром и вечером молиться о сыне-воине, — рассказывал он. — Молилась неустанно — перед иконами свечи зажигала, поклоны земные неисчислимые клала. Но... пришла похоронка. И в семье решили не показывать ее бабушке. А она всё продолжает о здравии своего Сережи молиться — об отце моем...»

И вот однажды, встав поутру, говорит: «Странный сон сегодня приснился. Будто Сергей прошел задами, за огородами, что-

бы мальчишки его не опередили, вошел в дом, а я у печки хлопочу. Он закрыл мне руками глаза и молчит.

А я говорю:

— Сережа, пусти, я тебя узнала! — повернулась к нему, а он говорит мне:

— Я, мать, ненадолго, покажусь, что живой, и пойду. А потом я приду. Что скажут про меня — не верь. Живой я, живой!»

— Странный сон! Наверное, надо за него помолиться, — и она снова пошла к иконам. И тут не выдержало у деда сердце:

— Не плачь, мать! На вот и за упокой помолись! — и дает ей похоронку. А она посмотрела на похоронку и отвечает:

— Да нет, живой он! Сам сегодня сказал.

И продолжает молиться о здравии. Отец смотрит и молчит. Он-то думал, что сейчас слезы будут, а она спокойная.

И вымолила-таки...

Однажды бабушка Феодосия стояла у печки, вдруг глаза ее кто-то закрыл ладонями.

— Сережа, — воскликнула она, — да отпусти ты! Я узнала тебя.

И повернулась. Сын стоял перед нею. Он прошел задами, за огородами, чтобы мальчишки вперед него не прибежали, вошел тихонько в дом, подошел к матери и закрыл ей глаза руками. Возвращению его были все очень удивлены и рады. Вот что мы узнали из его рассказа.

...Их часть стояла под Ленинградом. Однажды их батарею ночью перебросили в другое место. На них была новая, сшитая в городе Иванове форма. Когда рассвело, соседний артиллерийский полк увидел, что через поле орудия стоят. И форма на солдатах странная. Позвонили своему командованию, а там говорят, что никого не перебрасывали. Ну, полк и расстрелял батарею, подумав, что это немцы. Так накрыли, что от леска ничего не осталось, от батареи тоже. Когда пошли посмотреть, то сильно напугались: разбили-то своих. Отца, контуженного, вытащили санитары и отправили в Тихвин. А дело так запуталось, что командование, кото-

рое их послало, подумало, что батарею немцы уничтожили. И отписали похоронки на всех. Отец три месяца в Тихвине пролежал. Потом отпуск на родину, и... опять воевать.

Когда из Сталинграда на него пришла вторая похоронка, где говорилось, что он «геройски погиб», то уже не только его мать, но и все близкие этой похоронке не поверили. Так и продолжали молиться о его здравии до 1944 года. Пришел он с войны инвалидом, но живой.

Молитва под гусеницами

По-настоящему верующим человеком отец Олег (священник Олег Викторович Киселев) стал в годы Великой Отечественной войны. В 1944 году, уже пройдя немало фронтовых дорог, он оказался под Ленинградом. Немцы отходили с тяжелыми боями и большими потерями, но дрались ожесточенно.

— Была долгая вражеская артподготовка, — вспоминает отец Олег, — потом

пошли немецкие танки, наши подбивали их из орудий, а я с напарником — из противотанкового ружья. Подбили мы два танка, но немцы прорвались и стали «утюжить» наши окопы: наезжали на окоп и, пройдя по нему гусеницами, пытались раздавить солдат, оружие, разрушить окоп...

Мы стреляли по танку, но он двигался вперед: земля осыпалась, танк ревел, заглушая всё. Я оказался под танком, гусеницы почти задевали меня, окоп оседал, оседал также и танк. Меня засыпало землей, танк ворочался надо мной. Вот-вот буду раздавлен. Не страх охватил меня, а беспредельный ужас! И тогда вспыхнула в моем сознании молитва: «Господи Иисусе, Сыне Божий! Пресвятая Богородица! Спаси и помоги!» Всю свою душу вложил я в эту неистовую мольбу к Богу и Пресвятой Богородице. В сотые доли секунды пронеслась вся моя жизнь передо мною, но особенно четко пронзила мысль о Боге, моей вине перед Ним. А далее...

Танк, проутюжив окоп, пополз дальше, но был подбит — об этом я узнал позже.

Меня солдаты отрыли, вытащили, влили в горло водку — и я быстро пришел в себя. Подошел лейтенант и удивленно воскликнул: «Ребята! Взгляните на Киселева, он весь седой!» Действительно, за несколько минут, проведенных под гусеницами танка, я поседел.

Там же, на поле боя, дал я обет Господу Богу и Пресвятой Богородице стать после войны священником, что и исполнил.

С любовью ради Господа

Дивеевская старица схимонахиня Маргарита рассказал такой случай, произошедший с ней во время войны.

В голодное время она приютила беженку. А дома оставалось всего одно одеяло и пальто. И отдала матушка Маргарита ей одеяло. Зима, топить почти нечем. Прикроет грудь пальтишком — ноги мерзнут, ноги укроет — грудь мерзнет. И так месяц за месяцем. Однажды матушка Маргарита молилась перед своей любимой иконой Божией Матери и видит: оживает на ико-

не Царица Небесная и начинает укутывать поношенным ее одеялом... Младенца Христа!

Спасение на краю пропасти

Шел второй месяц войны. Немцы провалили линию обороны и быстро продвигались в нашем направлении. Завод решено было эвакуировать ночью, а сию минуту следовало быть вывезти самое дорогое для всех нас — детей — 102 человека. Меня назначили на эвакуацию заводского детского сада и его персонала.

На заводском дворе стояли готовые к отъезду крытые брезентом три грузовика. Заглянул — ребят битком набито, сидят перепуганные, недоумевающие, многие плачут. Мы тронулись. За грузовиками бежали и что-то кричали матери, отцы, бабушки, дети плакали и тянули к ним руки...

Машины катились по загруженному транспортом шоссе. Не прошло и часа, как немецкий самолет закружил над нами, и бомба упала на обочину дороги.

— Тикать надо с нашим грузом, — проворчал шофер и повел грузовик к лесу.

Понимая всю опасность нашего положения, я собрал шоферов, заведующую детским садом, и мы стали совещаться, как ехать дальше. Меня поразила тишина, царившая среди детей: никто не капризничал, не плакал, они молча жались к своим воспитательницам и няням, и личики у них были сосредоточенные.

— Я думаю так: остановимся до темна. А ночью нас немцу не увидеть, — предложил шофер.

— А как же в темноте без фар ехать? — забеспокоилась заведующая.

— Если ночь без облаков, то очень просто, а вот ежели облачка — поплутаем, — усмехнулся он.

Когда совсем стемнело, мы тронулись.

— Вы эту дорогу хорошо знаете? — спросил я.

— Нет, здесь ездить не приходилось.

Тихо зашелестел дождь. Я смертельно устал и уснул. Проснулся оттого, что машина остановилась.

— Что случилось?

— По полю едем, с дороги сошли, — сердито отвечал шофер. — Ну-ка, хлопцы, пошуйте дорогу, — обратился он к подошедшим шоферам других машин.

Дороги не нашли.

— Пойдем по компасу. Не стоять же на месте.

Едва мы тронулись, я уснул снова. Сильный толчок машины и громкий окрик разбудили меня:

— Ну, куда же этот человек под колеса прет, соображения нет! Чего надо?!

Я посмотрел в окно. В нескольких шагах от нас, резко белея в густой черноте ночи, стояла женская фигура с раскинутыми в обе стороны руками.

— Гражданка, чего вам надо?!

Женщина молчала. Шофер выскочил из кабины, но через минуту, бранясь, вернулся обратно:

— Никого нету. Померещилось мне, что ли?

— Нет, Женщина здесь стояла, — сказал я, — высокая, в белом.

— Значит, спряталась, нашла время шутки шутить, а у меня от Нее аж мороз

по коже, — занервничал вдруг шофер. Он тронул машину, но колеса не успели сделать второй оборот, как белая фигура появилась вновь, и я почувствовал от Ее появления страх, доходящий до смертного ужаса, особенно от предостерегающе раскинутых рук.

— Сто-о-й!!! — отчаянно закричал я.

Мы оба выскочили из кабины. Шофер бросился к стоящей Женщине, и через секунду оба исчезли из моих глаз.

— Скорей ко мне! — вдруг раздался вблизи его крик. Мы побежали на голос.

— Осторожно, стойте! — сдавленным голосом прошептал он, указывая на что-то рядом с нами. Мы посмотрели и отпрянули — там был обрыв. Мы стояли на его краю, камешки с шорохом падали вниз, когда мы делали неосторожное движение.

— Почему стоим? — подбежала к нам заведующая.

— Вот поэтому, — проворчал шофер, показывая на обрыв. Заведующая ахнула и всплеснула руками.

— Кабы не Она, — шофер снял шапку, — все бы сейчас там, на дне, были...

Его голос дрожал, он едва стоял на ногах.

— Да кто Она-то? — испуганно спросил шофер второй машины.

— Ты что, не понимаешь? Кто же мог быть еще, как не Матьерь Божия?

— Где ж Она была? — робко прошептала заведующая.

— Здесь, сейчас, — так же шепотом ответил он, и мы тоже сняли шапки.

Как Николай Чудотворец спас от смерти

(Непридуманнные рассказы)

Случилось это в начале войны. Немцы заняли поселок, сосредоточившись в основном в районе железнодорожной станции. Поезда на фронт шли непрерывно, охрана станции была усиленной, но несколько составов в неделю взрывались нашими партизанами...

Василию едва исполнилось четырнадцать лет. Отец в первые же дни войны погиб на фронте, он и еще трое сестренок

остались с мамой. Как и все в его возрасте, парень рвался воевать. На фронт его еще не брали, но бездействовать он не мог — хотел за отца отомстить. Связался с партизанами, упросил их дать ему задание. Людей не хватало, и Василию было решено поручить закладывать взрывчатку под составы немецких поездов: худенький, неприметный и юркий парнишка мог пролезть там, где взрослому доступа нет.

Василий частенько наведывался на станцию, и немцы даже не подозревали, что этот паренек, которого они так часто видят, к которому уже привыкли, и есть подрывник. Вася помогал разгружать вагоны, и за это ему давали хлеб и другие продукты: дома ждали малолетние сестренки с мамой, для которых он был главный кормилец.

Однажды после очередного задания возвращался Василий в деревню, но свернул с привычной дороги и как-то помимо своей воли оказался около полуразрушенной церкви. Зашел внутрь, осмотрелся и увидел небольшую красивую икону в золотистой рамочке, одиноко стоявшую на

полу у стены. С нее, казалось, прямо в сердце ему смотрел святой ласковым и строгим взглядом.

— Красиво! — выдохнул Иван и, смахнув с образа пыль, засунул его за пазуху. Выйдя из церкви, он тут же увидел немецкий патруль. Всегда спокойно встречая немцев, на этот раз он неожиданно для себя вдруг бросился бежать. Два солдата тут же погнались за ним с криками: «Немедленно остановись!»

Но Василий во весь дух мчался к лесу. Он не оглядывался назад, и, казалось, вот-вот уже можно будет укрыться за деревьями, как прямо перед ним словно из-под земли возник Антон. Это был деревенский мужик, необщительный и молчаливый, которого в деревне как-то и не замечали. Антон был в форме полицаая.

— А ну стой, гаденыш! — крикнул он и вскинул винтовку.

— Дядя Антон, это же я, Васька! — крикнул тот в ответ.

— Так вот кто поезда взрывает... — не опуская оружия, злорадно процедил сквозь зубы Антон.

— Так ты и есть предатель, которого ищут партизаны? — с удивлением и болью в голосе произнес Василий.

В ответ Антон нажал на курок, и грянул выстрел. Пуля ударила парня в грудь. Удар был такой силы, что Василий отлетел метра на два назад и плашмя рухнул на землю.

Тут подбежали и немцы. Один из них подошел к лежащему Василию и толкнул его ногой. Парень не шевельнулся. Солдат наклонился и выдернул из Васиной руки два куса бикфордова шнура.

— Гуд стреляешь, — похвалил второй немец Антона, — получишь шнапс! Очень карашо!

Еще раз пнув ногой лежащего Василия, они, радостные, повернули обратно к станции доложить, что подрывник уничтожен.

Очнулся Вася оттого, что кто-то словно погладил его по лицу. Открыл глаза, попытался встать, но резкая боль в груди заставила откинуться назад. Собрав силы, он повернулся на бок и с трудом сел. «Как же так? — подумал Василий. — Я, оказывается, не умер!»

Он сунул руку за пазуху и вытащил икону, на которой только теперь увидел надпись: святой Николай Чудотворец.

Смотрел Василий на икону и глазам своим не верил: святой Николай держал пулю в своей руке, которую поднял в благословляющем жесте.

Вася еще раз осмотрел образ. Он был старинный, написанный на деревянной доске. Понемногу Василий стал осмысливать случившееся. Не умея молиться, он вспомнил, как это делала бабушка, и неуверенно перекрестился.

Он шел к лесу, слезы текли по лицу, а губы шептали: «Спасибо тебе, святой Николай! Спасибо, что спас меня!»

Углубившись в лес, потрясенный пережитым, Василий лег на траву и, глядя широко раскрытыми глазами на небо, по которому плыли белые облака, подумал: «Бог точно есть! Бабушка всё время говорила об этом, а я не верил. А сейчас Он спас меня».

Вася поднялся, засунул икону за пазуху и тут же, пораженный, остановился: боли

в груди уже не было. «Чудеса!» — подумал он и пошагал знакомой тропинкой к партизанам.

Всю войну он прошел, с иконой этой не расставаясь. Ни разу не был ранен, хотя и участвовал многократно в самых кровопролитных сражениях.

С войны вернулся Василий Алексеевич человеком верующим, икону поместил дома в красном углу. Святой Николай Чудотворец так и держит пулю, выпущенную предательской рукой Антона. Смотрит он ласково и строго на каждого, кто заходит в дом, — и человек невольно крестится.

Да и как иначе! Сам Господь через святого Своего угодника от верной гибели спас Василия Алексеевича. Только еле заметная вмятинка осталась на груди — знак на память.

Всю последующую жизнь Василий Алексеевич в воскресные и праздничные дни службы в храме не пропускал. И это — второе чудо, которое с ним произошло. Ради него, думаю, и первое случилось.

Роман Строкачев, г. Гомель

Подполковник Антоний Маньшин

Я ИСКАЛ МОЕГО БОГА

1995 год — первая Чечня, первая война. Штурмовая группа из тридцати бойцов выполняла штатный рейд по блокированию групп боевиков в Введенском ущелье. Их поджидала засада. Засада — это верная смерть: головная и замыкающая машины подбиваются, и тебя методически расстреливают с высоток. Группа, попавшая в засаду, живет максимум 20–25 минут — и остается братская могила. Бойцы по радиостанции запросили помощь с воздуха, вертолетов огневой поддержки, подняли мою штурмовую группу, и мы уничтожили огневые позиции на высотках. И, чудо — группа в засаде уцелела, только недосчитались Саши Воронцова.

Он был снайпером и сидел на головной машине, взрывной волной его сбросило в ущелье метров пятьдесят глубиной. Стали его искать, не нашли. Уже стемнело. Увидели кровь на камнях, а его не было. Случилось худшее — он контуженный попал в плен к чеченцам. По горячим следам мы создали поисково-спасательную группу, трое суток лазали по горам, даже в контролируемые боевиками населенные пункты ночью входили, но Сашу так и не нашли. Списали как «без вести пропавшего», потом представили к ордену мужества.

Прошло пять лет. Начало 2000 года, Аргунское ущелье, шел штурм Шатоя. Там есть населенный пункт Итум-Кале, мирные жители которого сообщили нам, что у них в зиндане (в яме) уже пять лет сидит наш спецназовец.

Надо сказать, что один день в плену у чеченцев — это ад. А тут пять лет! Мы бегом туда, по дороге лесенку нашли, уже смеркалось. Фарами от БМП осветили местность. Увидели яму три на три метра

и семь метров глубиной. Лесенку спустили, подняли пленника, а там — живые мощи. Человек шатался, падал на колени, но я по глазам узнал Сашу Воронцова. Он был весь обросший, камуфляж на нем разложился, и он был одет в мешковину, прогрыз в ней дырки для рук.

В этой яме он жил пять лет. Раз в два-три дня его вытаскивали на работу — он оборудовал чеченцам огневые позиции. На нем чеченцы испытывали приемы рукопашного боя, то есть ножом тебя в сердце бьют, а ты должен удар отбить. И так же в горло, в шею, в голову. У нас в спецназе подготовка у ребят хорошая, но он изможденный, никаких сил у него не было, и, конечно, промахивался — все руки у него были изрезаны. Он перед нами на колени падал, и говорить не мог, только плакал и смеялся. Потом сказал: «Ребята, я вас пять лет ждал, родненькие мои». Мы его в охапку, баньку ему истопили, одели его.

Неделю мы провели с Сашей, и он нам рассказал, что пережил за эти пять лет.

Собирались за трапезой, а он кусочек хлеба мусолил часами и ел тихонечко. У него все вкусовые рецепторы за пять лет атрофировались. Рассказал, что его два года вообще не кормили. Спрашиваю: «Как ты жил-то?» А он: «Представляешь, командир, крестик целовал, крестился, молился, брал глину, скатывал в катышки, крестил ее, и ел. Зимой снег ел». «Ну и как?» — спрашиваю. А он говорит: «Ты знаешь, эти катышки глиняные были для меня вкуснее, чем домашний пирог. Благословленные катышки снега были слаще меда».

Его пять раз расстреливали на Пасху. Чтобы он не убежал, ему перерезали сухожилия на ногах, он стоять не мог. Вот ставят его к скалам, он на коленях стоит в 15–20 метрах от расстрельщиков, а их — человек восемь с автоматами. Говорят: «Молись своему Богу, если Бог есть, то пусть Он тебя спасет». А он так молился, эта простая русская душа... У меня до сих пор звучит в ушах его молитва: «Господи Иисусе мой Сладчайший, Христе мой Предивный, если Тебе будет угодно, то я

сегодня же Тебя увижу, если Тебе будет угодно, я еще поживу немножко». Глаза закрывал, крестился. Чеченцы спусковой крючок снимают — осечка. И так дважды — выстрелов не происходило. Передегивают затворную раму — нет выстрелов. Меняют спарки магазинов — выстрелов нет, автоматы меняют — выстрелов нет. Подходят к нему и говорят: «Крест сними». Поняли, что расстрелять его не смогли, потому что крест на нем был. А он говорит: «Не я этот крест надел, а священник в Таинстве Крещения. Я снимать не буду». Чеченцы протягивали руки, чтобы крест с него сорвать, но в полуметре от Саши их скрючивало так, что они скорченные падали на землю. Избивали его прикладами автоматов и снова бросали в яму. Вот так дважды пули не вылетали из стволов, а еще три раза мимо него пролетали. Почти в упор не могли расстрелять, его только камешками посекало от рикошета, и все.

Вот как оно бывает в жизни. Последний мой командир, герой России Шадрин,

говорил: «Жизнь странная, прекрасная и удивительная штука».

В Сашу влюбилась девушка-чеченка, она его намного моложе, ей было лет шестнадцать. Звали ее Ассель. Это тайна души. Она на третий год заточения носила Саше в яму по ночам козье молоко, на веревочке спускала, и так его выходила. Ее ночью родители ловили на месте происшествия, пороли до смерти, запирали в чулан, связывали. Я был в том чулане, там жутко холодно, даже летом. В стене — крошечное окошко и дверь с амбарным замком. Она умудрялась за ночь перегрызть веревки, разбивала окошко, вылезала, доила козочку и носила ему молоко. Он Ассель забрал с собой в Россию. Она крестилась с именем Анна, они повенчались, у них родились двое деточек, Кирилл и Машенька. Семья прекрасная.

Спустя семь лет мы встретились с Сашей в Псково-Печерском монастыре. Обнялись, расплакались. Я его к старцу Адриану повел, а там народ не пускает. Я обратился к людям: «Братья и сестры, это

мой солдат, он в Чечне в плену пять лет в яме просидел. Пустите, Христа ради!» Люди все на колени встали, сказали: «Иди, сынок».

С улыбкой вышел мой Саша от старца Адриана и сказал: «Ничего не помню, как будто с солнышком беседовал». А на ладони у него — ключи от дома. Батюшка им с Анной дом подарил, который от одной старой монахини монастырю отошел.

Когда при расставании я его спросил, как же все-таки он пережил весь тот ад в плену, Саша мне сказал самое главное: «Я два года, пока сидел в яме, плакал так, что вся глина подо мной мокрой от слез была. Смотрел на звездное чеченское небо в воронку зиндана и искал моего Спасителя. Я рыдал, как младенец, искал моего Бога». «А дальше?» — спросил я. — «А дальше — я купаюсь в Его объятиях», — ответил Саша.

РАССКАЗЫ МИТРОПОЛИТА ПИТИРИМА

Зима 1942 года. Эвакуированная семья живет в маленьком продуваемом домике, последнее полено спалили, и чем топить завтра — неизвестно, в домишке холод, — это было буквально через дорогу, не больше 50 метров от того дома, где жил в эвакуации я. И вот мать, закутав детей во все тряпочки, какие у них были, не спит, молится святителю Николаю Чудотворцу и думает: «Что делать? Что делать? Как завтра ребят поднять? Как их проводить в школу и чем накормить?» И вдруг — резкий удар в стену дома. Ну, кто это мог быть? Видимо, разбойник. Она перекрестилась, легла спать, в конце концов, уснула, а утром — не может открыть дверь. С большим напряжением все-таки отодвинула ее и видит: лежит здоровенное

бревно, которого ей до лета хватит. Мы, мальчишки-тимуровцы, тогда брали под защиту эвакуированных, помогали, если нужна была физическая помощь — в частности, пилили это самое бревно. Откуда было ему взяться? Дорога проходит метрах в десяти от дома, никаких санных следов на снегу нет...

Мой знакомый, пастор Хаммерли в Штутгардте, неплохо говорил по-русски — с акцентом, конечно, но довольно свободно. Русский он учил, находясь в плену. В качестве «практики» у него было общение с конвоем, а вместо тетради и ручки — доски на лесоповале и мел или кирпич, которыми он писал на этих досках русские слова. Потом дома, в Германии, он в своей Евангелической Церкви стал одним из консультантов по делам Русской Православной Церкви. Его жена, полная, очень добродушная немка, вдруг потеряла зрение — это было уже давно, вскоре после войны. Муж сказал ей: «Знаешь, Эльза, русские молятся Николаю Чудотворцу.

Давай, молись и ты, чтобы он тебе вернул зрение. А ты пообещай делать что-нибудь хорошее». А она как раз вязала ему теплые носки — вязать научилась еще с войны. «Хорошо, — сказала она, — я буду вязать носки всю жизнь и буду раздавать их бедным». И действительно, глаза у нее поправились без всякой медицинской помощи. Я неоднократно бывал у них — это очень милая семья, и несколько связанных ею пар носков лежит у меня в шкафу...

Из книги «Русь уходящая»

Спасение из-под земли

Шла Вторая мировая война. Мой дед Николай участвовал в бою под Севастополем. Перед войной его мать, моя бабушка, повесила ему на шею крестик и сказала: — Коля, проси, сынок, святого Николая.

И вот взрывом оторвало дедушку от земли и затем укрыло землю. Но он успел закричать:

— Николай, спаси!

Он тогда и не знал, кто такой святой Николай. Только твердо верил и знал, что он поможет.

По полю боя шли санитары, подбирали раненых, отвозили убитых. Уже все было очищено, только санитарная собака рвалась назад, как ее ни призывали.

— Отпусти ее, Иван, — сказал один санитар другому.

Отпустили. Собака устремилась к воронке и начала яростно рыть землю. Даже много повидавшие санитары были удивлены. Вдруг показались пальцы, потом рука. Один из санитаров говорит:

— Я мертвого откапывать не буду, хватит нам и этих раненых!

Но второй ответил:

— Я буду откапывать. Раз собака роет, значит жив!

Подошел врач. Пульс не ощущался. Тогда вновь захоронили руку. Но собака подбежала и снова стала откапывать. Стали прогонять ее, но она села и завывала, жутко завывала. Второй санитар сказал:

— Я его отрою!

Он руками и чем смог стал снова откапывать солдата. Собака не уходила и тоже гребла землю. Вдвоем они и отрыли дедушку. Но, когда привезли в госпиталь, врач сказал:

— Что это вы мертвых начали мне тащить!

Санитар сказал:

— Не уйду, пока вы его не посмотрите и не примите.

Ему приказали:

— Кругом марш!

Но санитар стоял на своем:

— На его месте мог быть и я.

Тогда, видя упрямство санитаря, врач взялся за дедушку, и ощутил слабый пульс.

Долго мой дед болел. Выписали: инвалид 1-й группы, контужен. Но он снова попросился на фронт, и его отправили. Дошел до Берлина и вернулся с победой. О смерти своей рассказал:

— Какой-то седой старец возник предо мною и сказал:

«Николай, сила креста и вера спасли тебя. Мать твоя просит за тебя. Будешь жить. Благодарю Господа. Россия будет под Богом, враг отступит... Молись».

Очнулся он в госпитале.

Всю жизнь был тихим, спокойным и богобоязненным. Говорил, что все мы под Богом и в Его власти дарить нам жизнь:

— Помните, мои внуки, что по вере вашей — все будет...»

Святитель Николай помог тезоименнику

Во время войны жила под Москвой благочестивая семья — муж, жена и семеро детей. Вначале войны хлеб выдавали по карточкам и в очень малом количестве. При утере месячные карточки не возобновлялись.

За хлебом ходил старший из детей, Николай, тринадцати лет. Зимой, в день святителя Николая, то есть в свои именины, он пошел рано в магазин за хлебом, за-

долго до открытия магазина, чтобы получить белый хлеб, которого всегда хватало только для первых покупателей.

Он пришел первым и стал у дверей магазина. Улица была еще пуста. Видит, идут четыре парня. Заметив Николая, направились к нему. Как молния промелькнула у него мысль: «Сейчас отнимут хлебные карточки!» А это обрекало на голодную смерть всю семью. В ужасе он мысленно возопил: «Святитель Николай, спаси нас!»

Вдруг видит, появился рядом с ним старичок. Подходит и говорит Коле: «Пойдем со мной».

Берет Колю за руку и на глазах изумленных парней уводит его к дому. Около дома старичок исчез.

Так святитель Николай, скорый помощник в беде, помог имениннику и его семье.

Екатерина Савостьянова

Отрывки из одноименной книги

ВРАЗУМИ МЕНЯ И БУДУ ЖИТЬ...

Не опоздать!

(Рассказывает Анастасия)

Был в моем детстве такой добрый и немножко грустный мультфильм — «Паровозик из Ромашково», главный герой которого заставлял своих пассажиров то соловьев слушать, то ландыши собирать. Иначе, говорил, опоздаете — на всю весну, на все лето... «А если вы не увидите зари, — говорил Паровозик в самом конце, — то опоздаете на всю жизнь!»

Именно это — опоздание на всю жизнь — всерьез угрожало мне, когда я впервые добралась до Ромашково. К отцу

Алексию мне посоветовал обратиться священник из храма рядом с моим домом: устал, наверное, каждый раз выслушивать на исповеди отчет в одном и том же грехе.

Ехала я сюда, надо признаться, года полтора. Не то, чтобы жалко было расставаться с «веселой» жизнью: я к тому времени уже благополучно достигла той стадии, когда пьянство перестает быть отдыхом и весельем, а становится работой. Тяжелой, ненавистной, неблагодарной. Весна незаметно переходит в лето, не оставляя воспоминаний, а на душе — вечные пасмурные сумерки. Примерно такие же занимались над Ромашково, когда я, наконец, очутилась здесь Великим постом. Отца Алексия в храме не оказалось, исповедовать сегодня будет не он. Что ж, не судьба, поеду домой.

«Не уходите, пожалуйста. Раз уж приехали. Дождитесь исповеди, она через час. Здесь у нас чудеса происходят, люди на глазах меняются», — не отпускал меня алтарник. «Ну да, чудеса», — мысленно хмыкнула я. Не бывает на свете таких чудес.

И уж тем более на глазах. Как можно увидеть, что происходит в душе человека?! Хоть и очень симпатичный этот алтарник Ромашковского храма — сразу видно, добрый, чистый человек, но я ему не верю.

Разве могла я знать, что потом сама буду повторять эту же — почти слово в слово — фразу своим спивающимся друзьям и знакомым (коих, увы, немало). Да и родному мужу. «Приходи к нам в общину, там настоящие чудеса происходят. На глазах люди другими становятся». И буду видеть в их глазах столь знакомый мне огонек недоверия: «Ну да. Чудеса. Выдумывай больше. Мы не из таковских, нас душеспасительными беседами не проймешь».

Зато теперь я наблюдаю снова и снова, как восстанавливаются семьи, как молодеют матери, хорошеют измученные пьянством мужей жены. А главное — вижу глаза тех, кто уже несколько лет окружает меня каждую среду. В первое же посещение меня поразило в них внимание, спокойствие, некая внутренняя уверенность.

Новички глядят исподлобья, кто — с испугом, кто — с недоверием, кто — с вызовом. Так же, наверное, смотрела и я. А спустя какое-то время даже моя собственная непутевая физиономия перестанет столь отчаянно диссонировать в зеркале с православным платочком...

В тот день я осталась (не хотелось обижать алтарника). Дождалась отца Алексея после службы, получила благословение прийти в среду на собрание. До «той» среды прошло еще месяца два — раба Божия Анастасия вела зело насыщенную жизнь, блуждая по распутьям греха...

После первой встречи пришла домой с каким-то странным ощущением в душе. Подъем? Воодушевление? Нечто похожее я испытывала после первой своей поездки в Серпухов, к иконе Божией Матери «Неупиваемая Чаша». Тогда я бросила курить. Это было настоящее чудо. Те же ощущения были у меня и сейчас: я стала другой. Я «уволилась» со своей опостылевшей «работы» — пьянства. Я знала, что это больше не мой образ жизни. А если и слу-

чится выпить, это больше никогда не будет «в порядке вещей». Отныне и навеки это будет называться «срыв». Это будет *падение*, а не *сто грамм для храбрости, радости, воодушевления или расслабления*.

Я падала и набивала шишки, но потом всякий раз ползла сюда, в Ромашково. Привезу сюда свое измученное тело на стареньком паровозике Мытищинского машиностроительного завода. Опытным общинникам и рассказывать ничего не надо: с первого взгляда понятно, в чем причина отлучки их непутевой сестры. А я забьюсь подальше в уголок, посижу, поплачу и почувствую, как расправляется в греховной телесной глубине душа, бедная моя бессмертная душенька, с которой так мерзко и неразумно я обращаюсь. Здесь ей хорошо. Она, бедолага, чувствует свет, как ощущают его даже слепые котята. А здесь, в комнате, где мы собираемся, светло всегда. Даже когда закат давно погаснет над лесом, а во всем селе вдруг отключат электричество...

Спустя три года я дам обет трезвости на всю жизнь — у мощей преподобного

Нила Столобенского. Теперь мне лишь во сне видится, как я пью: по телу распространяется блаженный покой, не нужно больше никуда спешить... Весна незаметно сменится летом, которого я, впрочем, тоже не замечу.. Мне все равно... Мне хорошо сейчас...

От страха я тут же просыпаюсь. Иногда даже включаю свет. Нет-нет, это только сон. Вот она — обетная грамота. Вот — иконка Нила Столобенского на стене.

Я успела. Не опоздала. Я буду жить.

Николай-угодник окропил водой

(Рассказывает Николай)

Первый раз я попал в храм святителя Николая в Ромашково в 1939 году — вместе со своими родителями. Мы жили тогда на Сетуни. Мне было три года, и меня положили в Ромашковскую детскую больницу с подозрением на тиф.

Второй раз я оказался в этом храме лишь спустя 56 лет. Уже, конечно, не с ро-

дителями, а с супругой Валентиной. Когда мы с женой пришли в храм, то встретились с отцом Алексием. Рассказали ему о своей жизни. Рассказали, что я выпиваю, что несколько раз кодировался, но это не помогло. Отец Алексей Бабурин спросил нас, венчаны ли мы. Когда он узнал, что мы прожили вместе более 35 лет, имеем двух взрослых детей, но так и не обвенчались, то предложил нам сделать это. И вот мы приняли Божий венец. После венчания мы еще больше приблизились к нашему Господу Богу Иисусу Христу и нашей матери-Церкви. В чистоте несем наш супружеский крест, а отец Алексей стал нашим духовным отцом.

После венчания я почти перестал выпивать, но ненадолго. К 2001 году я дошел до того, что стал пить всё подряд — лишь бы опохмелиться и прийти в себя от невыносимой головной боли и трясучки.

В мае 2001 года, когда я находился в очередном запое, явился ко мне святитель Николай. Был он в золотой ризе, на голове — золотая корона, а в руках — золотая

чаша с водой. Окропил меня — и стал невидим. Когда я проснулся, то спросил у супруги, кто к нам приходил. Она ответила, что у нас никого не было, но когда посмотрела на меня, я был весь мокрый — с ног до головы. На очередной исповеди я рассказал отцу Алексею об этом видении. Он благословил нас с женой посещать действующую при храме общину трезвости. С этого времени мы вдвоем посещаем общину, хотя моя супруга почти и не употребляет спиртное. В общине мы больше узнали о духовной жизни, о святых, стали ближе и роднее друг другу.

6 июня 2001 года в храме святителя Николая я дал обет трезвости — перед святыми образами и в присутствии всей нашей общины я высказал твердое намерение и дал крепкое обещание не пить спиртного и не склонять к тому других сроком от сего дня и на всю оставшуюся жизнь. После этого мне выдали обетную грамоту, заверенную настоятелем Никольского храма отцом Алексием Бабуриным.

После обета я больше не употреблял спиртного, хотя во сне часто вижу, будто бы пью...

Тихое чудо

(Рассказывает Михаил)

Я бросил семью, едва родилась дочка. Года три-четыре жил один, а потом попал в тюрьму. В тюрьме и пришел к вере — в нашей колонии была церковь. Там каждое воскресенье служилась Литургия, мы исповедовались и причащались. Там я научился читать по-церковнославянски, более-менее узнал службу. Там я обрел духовника. Когда срок подходил к концу, я решил стать монахом и начал искать монастырь, который согласился бы меня принять. Долго не получал никакого ответа, наконец, пришло письмо из Иверского монастыря на Валдае. Освободившись, туда и поехал. Около года жил в монастыре, а потом ко мне туда приехала жена, чтобы я посмотрел на дочку, которой исполнилось уже восемь лет. И мы все вме-

сте отправились к тогда еще здравствовавшему отцу Николаю Гурьянову на остров Залит. Старец благословил нас восстанавливать семью. И произошло чудо: жена нашла в себе силы простить меня, а дочка сразу приняла папу.

Пьянство присутствовало в моей жизни с самой юности. Только в последнее время оно уж очень сильно стало проявляться — пил я запоями, не приходя в себя. А Господь от этого избавил, поместив в тюрьму — слава Богу! Но даже в монастыре я раза два-три, да выпил. По приезде из монастыря мы с женой сразу, буквально через три дня, поехали в Серпухов, к иконе Пресвятой Богородицы «Неупиваемая Чаша». Помолившись там, я получил чудесное исцеление от пьянства и от курения. Слава Тебе, Господи! Уже пять лет не пью и не курю. Живу в Москве, с семьей. У нас с женой родились еще трое детей — Настенька, которой уже 4 года, Николенька, которому скоро два, и совсем еще маленький Димочка. Вот как нас Господь любит и какое огромное дал нам богатство!

Радость мою омрачало одно — сестра моя с мужем продолжали пить, и пить сильно, беспробудно. Я не знал, что делать, как помочь гибнущей сестре, ее маленьким детям. Однажды я шел мимо церкви и увидел на заборе объявление «Требуется дворники». Тогда мне как раз нужна была работа. Меня сразу взяли. Начальником моим оказался крещеный татарин. Крестился он в селе Ромашково, у отца Алексея Бабурина. Когда я рассказал ему про сестру, он посоветовал мне туда съездить. Мы начали ездить на собрания общины. Вскоре сестра крестилась, но после первого же Причастия сорвалась...

Рассказывает Елизавета, сестра Михаила

Пить я начала лет в 16—18. Вначале умеренно, но всегда любила это дело. А года в 24 поняла, что жить без спиртного не могу. Вышла замуж, Андрей тоже любил выпить. Может, если бы кто-то из нас притормозил вовремя, получилось бы что-то другое и из меня, и из него. Но никто

из нас останавливаться не хотел, хотя очень скоро мы стали родителями двоих детей. Мы нанимали няню, потому что сами уже не могли ничего делать.

На работе дела обстояли не лучше. Я торговала цветами в метро. Пили мы там каждый день, с самого утра уже была бутылочка готова. Ни одного дня не пропускали. Случалось, конечно, что я не пила — максимум дня четыре, но чувствовала себя не в своей тарелке. Но потом даже там, на такой «веселой» работе поняли, что я переусердствую. Сначала работала в самом престижном месте, на «Пушкинской», но постепенно меня стали переводить всё дальше и дальше от центра, на окраину, где выручки маленькие, и народу поменьше. А потом наступил такой момент, когда меня уже никуда не хотели брать. Прямо не говорили — жалели. Но тактично отказывали. Почти одновременно Андрея, который работал водителем, уволили за прогул. Он просто не смог утром встать с постели. Так мы оба остались без работы, но даже не про-

бовали никуда устраиваться. Пили — и всё. Когда-то мой брат Миша тоже принимал во всем этом участие, «помогал» нам, потом взялся за ум. Сидел в тюрьме, пожил в монастыре, вернулся совсем другим человеком — даже внешне. Всё пытался как-то повлиять на меня, на Андрея, но мы не поддавались.

И вот однажды мы напились и уехали в неизвестном даже для самих себя направлении, оставив детей одних. Кончилось дело тем, что они оказались сначала в приюте, потом у брата. Только когда нас с мужем лишили родительских прав, у меня начались просветления. В один из таких моментов, 22 ноября 1999 года, я крестилась с именем Елизавета. А ведь звали меня по-другому — Янина. Когда священник — духовник брата — спросил меня, какое имя я хочу взять, я выпалила: «Елизавета». Имя само вспыхнуло в голове, я даже не думала об этом. Пила тогда страшно, да и не знала, что мое прежнее имя не христианское. Всё, конечно, не случайно. Наш Дом милосердия носит имя великой

княгини Елизаветы Федоровны, а сама я теперь работаю патронажной сестрой.

Потом я ездила в Серпухов, мне легчало, но снова срывалась — и всё начиналось по новой. Брат привел меня в Ромашково, а на следующий же день мы с общиной поехали к Пахомию Нерехтскому в паломничество. Мне там очень понравилось, я видела, как семь человек дали обет трезвости, но в моей жизни мало что изменилось.

Мой брат между тем вел бурную деятельность, думал, как меня оградить от мужа. Определил меня в Алексеевскую пустынь, где я какое-то время пожила, ухаживала за скотиной. Но сердце было не на месте, скучала по мужу. В пустыни все жили семьями, а я одна, с детьми. В конце концов, не выдержала, отпросилась «за вещами», приехала к Андрею, который был, естественно, в запое. Я к нему, конечно, присоединилась. Все наивные мысли, что мы вместе поедем в пустынь, будем там жить, не пить и работать, рассеялись. Настоятель Андрея не принял, а детей мне не отдал.

Сын и дочь стали жить у брата. А я жила с мужем и продолжала пить. Нам даже легче стало теперь: никто больше не мешал заниматься основным делом — пьянством. Брат даже звонил редко, только молился за меня — с женой, с друзьями. Этими молитвами я, наверное, и жива до сих пор.

Но через год стало мне совсем скверно, и я решила поставить себе «торпеду». Позвонила брату, а он сразу повез меня опять в Ромашково, в Никольский храм. Дело было в 2001 году, как раз на Николу Зимнего. Отец Алексей сразу посоветовал мне врача. Я к нему съездила — и как отрезало. Больше я ни разу в своей жизни не пила. Думаю, дело не в «торпеде», а в помощи Божией. Наверняка я могла бы обойтись вовсе без этого укола.

Я пошла работать в трапезную, здесь, в Ромашково. Тут и началось мое настоящее воцерковление. Всё происходило ненавязчиво, тактично, всё было понятно. Потом и Андрей стал потихоньку приходить.

Детей нам, конечно, никто сразу не отдал. Пришлось доказывать, что мы стали другими. Мы с Андреем обвенчались. Я дала обет трезвости на всю жизнь, потом и он — для начала на год, подстраховавшись уколом. Андрей нашел себе хорошую работу, я окончила курсы патронажных сестер. Дети ходят в храм; сын алтарничает, дочь на клиросе пела, в колокола училась звонить. Потом как-то остыла. С ними тоже, конечно, не всё просто — переходный возраст. Да и детство им досталось специфическое. Остается терпеть их выходки, уходы из дома, постоянную ложь и надеяться, что детям не захочется повторить наш с Андреем путь. Когда я думаю, что это может произойти, у меня волосы на голове шевелятся. Только не это, Господи!

Рассказывает Михаил

К счастью, Елизавета опомнилась. Когда я передавал им с Андреем детей, то спросил в опекуновском совете, часто ли бывают такие случаи, когда дети возвращают-

ся в семью, а их родители перестают пить. Мне сказали: «Это — первый случай». Вот оно, явное подтверждение тому, что это — чудо, самое настоящее чудо! Это очень тихое чудо, которое сотворил Господь по молитвам Пресвятой Богородицы.

Мне хочется всем, кто страдает от алкоголя, особенно тем людям, кто ходит в храм, верующим людям, рассказать про Ромашково. И меня очень удивляет, когда люди не очень серьезно относятся к этой информации и не едут туда. Я подрабатываю частным извозом, так что слушателей у меня много. Говорю им: «Смотрите, Господь какое чудо явил, и ведь там таких чудес много! Много людей излечилось от недуга, который в принципе неизлечим». Но почему-то люди не хватаются за эту соломинку...

А выход-то есть!

(Рассказывает Любовь)

Затрудняюсь — с чего начать? Что считать источником горьких ошибок, опас-

ных взглядов и пристрастий, а в итоге — множества бед и несчастий? Несчастья эти почти всегда сопутствуют алкоголизму: потеря работы, полный душевный разлад, близкий к сумасшествию, осложнение отношений с родными, потеря смысла существования...

Думаю, не ошибусь, если главной причиной назову отсутствие религиозного воспитания. Парадоксально, но мне, так жадно стремящейся к знаниям и довольно успешно овладевающей ими, защитившей к 35-ти годам кандидатскую диссертацию, потребовалось почти 40 лет, чтобы прийти к решению креститься и начать изучать азбуку православного христианства. Всю жизнь будто какая-то пелена скрывала от меня наличие религиозных знаний, а Церковь и ее прихожане — престарелые бабульки — представлялись мне каким-то ходячим анахронизмом.

С самого детства застолье не вызывало у меня отторжения. А годам к 30-ти посиделки с вином и вовсе стали нормой жизни. После института я устроилась ра-

ботать на металлургическое предприятие. Редкая неделя проходила без алкоголя. Поводов было достаточно: советские праздники, командировки, посещение выставок, субботники, овощные базы, юбилеи, дни рождения, встречи с друзьями и так далее.

Но чувствовала я себя на этих вечеринках не всегда уютно — до первой рюмки. Получив в семье строгое воспитание, я была застенчива, легко краснела и теряла дар речи. Алкоголь позволял снять эту скованность, почувствовать себя свободной и уверенной, я становилась душой компании. Силы молодости, ее радужные краски позволяли верить в себя, не впадать в уныние от неудач и чувствовать себя на гребне жизни.

В 30 лет я была современной молодой свободной женщиной с семилетней дочуркой от первого брака, влюбчивой и не потерявшей вкуса к жизни. Вот тут-то, на мою погибель, меня и постигла страстная любовь, обернувшаяся вторым замужеством.

То, что любимый мой муж — хронический алкоголик, открылось слишком

поздно. Ведь был он, собственно, «воскресным мужем». Даже после того, как мы расписались, по-прежнему жил со своей престарелой матерью и навещал нас с дочкой по выходным. Его матери до поры до времени не нужна была никакая невестка. Но когда она уже не могла обслуживать себя и своего сына, призвала меня на помощь. Тогда-то и началось постепенное превращение моей жизни в ад. Ведь у меня самой дома тоже была старенькая лежачая бабушка. Трудно описать эти метания между двумя квартирами, от которых разрыва-

лась душа. Постепенно стакан вина перед сном стал необходимостью. Дальше я пережила все описанные в учебниках ступени алкоголизма с классическими атрибутами потерь (сумок, документов, душевного равновесия, сна и в конце концов — работы) и приобретений (страха, дрожания рук, слуховых галлюцинаций и постоянной необходимости лгать, чтобы скрыть глубину своего падения).

Ко времени моего прихода в общину муж мой уже вышел на пенсию, свекровь умерла. Я наконец переехала жить к супругу, дочь вышла замуж. Все мои старания исцелить благоверного обернулись неудачей. Дом его превратился в притон. Программа «12 шагов», которую я посещала тогда, убедила меня в возможности справиться с собственным алкоголизмом. Но — при одном «маленьком» условии: наличие здоровой домашней обстановки. Между тем, дом мой представлялся мне каким-то пеклом. По вечерам я возвращалась с ужасом: что-то ожидает меня на этот раз...

Всё это ввергало меня в постоянное уныние, усугубляемое невыносимыми угрызениями совести — особенно перед дочерью и отцом. Мне пришлось признать полное свое бессилие, неспособность самостоятельно выбраться из того губительного и жалкого состояния, в котором я оказалась.

При этом во мне жила еще готовность схватиться всеми последними силами за руку помощи, чтобы выбраться из этого омута.

Я знала, что в селе Ромашково при храме существует община трезвости. Но при том бедственном душевном и физическом состоянии, в котором я находилась, трудно было даже продумать последовательность действий — как стать ее членом? Что нужно сделать? На первое собрание меня привела за руку дочь. И это собрание стало началом моего возрождения к жизни. В тот день я услышала судьбоносные для себя слова: «А ВЫХОД-ТО ЕСТЬ». Уверенность батюшки оставила неизгладимый след в моей душе. Я сразу поверила отцу Алексию

Бабурину и выразила готовность к полному и безоговорочному послушанию уставу, предписаниям и рекомендациям общины, ее руководителям и их помощникам.

Теперь у меня за плечами два года трезвости, есть свой уютный дом, душевное равновесие, любимая работа (я воспитатель в детском саду), надежная поддержка и опора братьев и сестер из общины, прихожан храма.

С мужем я развелась и разъехалась — мы продали его двухкомнатную квартиру и купили две однокомнатные. Я за него молюсь, плачу за жильё, встречаю и кормлю, когда он на мели и приезжает ко мне на выходные — как когда-то. Видя допущенные мной ошибки и осознавая свою вину, теперь я более терпимо смотрю на его недостатки...

ШАМАН

В Сибирь из Центральной России Галина Федоровна переехала уже в зрелом возрасте. Сестра Лидия настояла. Приезжай, да приезжай, что ты там одна, будем, мол, с тобой век доживать. К тому времени Галина Федоровна похоронила мужа, ну а дети давно уже жили своими семьями и к матери в деревню заглядывали нечасто.

Сестра жила в небольшом забайкальском поселке, и поначалу Галине Федоровне все было в новинку: и величественная тайга, шумевшая кедрами недалеко от дома, и быстрые речки, и своеобразный говор местных жителей. Потом привыкла, обжилась и все реже вспоминала родную деревеньку, окруженную березовыми рощами, луга, пахнущие полынью и зверобоем, старое крылечко заколоченного теперь

дома. Подзабылась как-то и маленькая церквушка на краю деревни, куда Галина Федоровна частенько приходила: вначале, чтобы успокоить душу после смерти мужа, а потом уже более осознано.

Галина Федоровна поселилась в одном доме с Лидой. Та тоже вдовствовала, сын, как водится, переехал в город, вот сестры и доживали век вдвоем.

В первые дни своего приезда Галина Федоровна сразу спросила сестру о храме.

— Да что ты, — махнула та рукой, — есть одна церковь километров за шестьдесят. Разве наездишься?

— Почему так далеко?

— Бурят здесь много, а им наши православные храмы не нужны.

— А как же... — начала, было, Галина.

— Да мы все больше к местному шаману обращаемся, — усмехнулась Лидия, — и от болезней вылечит, и злых духов из дома выгонит, и на другие какие просьбы всегда отзывчив.

— Как же так?! — ахнула Галина, — ведь вера-то у них совсем другая.

— И-и-и, милая, — вздохнула сестра, — вера верой, а как припрет, и к самому Будде пойдешь. Годы—то у нас, сама знаешь, какие... И хоть пожили достаточно, а все ж хочется еще небо покоптить.

— Неправда твоя, — горячилась Галина, — мы от веры своей отступать не должны. Спросит за это с нас Господь. И для души это нехорошо, грех это большой.

— Да брось ты, — усмехнулась Лидия, — до семидесяти лет дожила, а в какие-то глупости веришь. Что может быть плохого, если ихний шаман в моем доме камлать будет? Только польза.

— Камлать? А что это такое? — недоуменно посмотрела на сестру Галина.

— Да это ритуал такой шаманский, — пояснила сестра, — увидишь сама как-нибудь.

— Упаси, Господи, — перекрестилась Галина.

— Не зарекайся, — хмыкнула Лидия.

Это, пожалуй, было единственным разногласием сестер. В остальном жили они дружно, во всем поддерживая друг друга.

Лидия, несмотря на возраст, держала корову, несколько курочек бегало по двору, в закуте хрюкал поросенок. Работы хватало, но первое время Галина Федоровна еще умудрялась и в храм съездить, хотя сестра всячески ее отговаривала:

— Не выдумывала бы ты, — сокрушенно качала она головой, — чай не ближний свет. Растрясешься вся по таким дорогам.

— Ничего мне не будет, я ведь в дом Божий еду, — отвечала Галина.

Как только Галина Федоровна поселилась в доме сестры, сразу же повесила привезенную с собой икону Спасителя в красный угол и первое время часто ездила в церковь.

Чтобы заглушить тоску по родным местам, Галина Федоровна скоро перезнакомилась с соседями и частенько вечерами, управившись с домашними делами, отправлялась к своим новым знакомым. Особенно Галине Федоровне нравилось общаться с веселой доброжелательной буряткой Зиной. И хотя Зина была моложе Галины Федоровны, обе нашли много об-

щего и во взглядах на деревенскую жизнь, и на воспитание детей и на многое другое. В своих разговорах не раз женщины касались и вопросов религии.

— Шаман — это сила, — утверждала Зина, укладывая на ломоть хлеба толстые куски сала и отправляя этот бутерброд в рот.

— Ну что ты, — мягко возражала Галина Федоровна, — вся сила у Господа. А шаман ваш — это пережиток прошлого.

— А вот и нет, — добродушно тянула Зина, — твой Бог где? А шаман всегда рядом. Со всякой бедой или проблемой — мы к нему. Меня, когда поджелудочная заболела, он быстро на ноги поставил.

Зина встала, и неуклюже неся свое полное тело, заковыляла к холодильнику.

— Сейчас вот опять побаливать начинает, — сказала она, одной рукой держась за бок, а другой доставая с полки сыр, колбасу, масло, — значит, надо к шаману идти. Ничего, он меня быстро вылечит.

— И как же он тебя вылечит? — Галину Федоровну и любопытство разбирало, и в то же время хотелось развенчать в глазах Зины несостоятельность темного шамана.

— О-о-о, — протянула Зина уважительно, — и в бубен бьет, и заклинания выкрикивает, и меня священным дымом обкуривает. Потом у духов спрашивает, чем меня лечить.

— И чем же?

— Всяко. Иногда заставляют травы пить, а то скажут поменьше кушать, — Зина поднесла ко рту еще один бутерброд.

— Что, прямо так и говорят? — усмехнулась Галина Федоровна.

— Ага, — простодушно ответила Зина.

Галина Федоровна только головой качала. Она начинала рассказывать Зине о

Господе, о том, как Он жил на земле, как пострадал за людские грехи, и как помогает всем искренне верующим. Зина внимательно слушала, иногда даже переспрашивала и задавала вопросы, но, как потом узнавала Галина Федоровна, пользоваться услугами шамана не переставала.

«Не понимаю я таких людей, — думала Галина Федоровна, — живут в двадцать первом веке, а до сих пор в язычестве погрязли. Господь ведь дал нам веру, заповеди. Знай, молись, проси и дано тебе будет. Вот Зина, современная вроде женщина, а туда же. Про сестрицу и вообще говорить нечего...».

— Не понимаю я тебя, Лида, — говорила не раз сестре, — надо по нашей вере жить, а ты в шаманов веришь.

— Так разве ж я против, — улыбалась Лидия Федоровна, — я от Бога не отрекаюсь, только тут все к шаману бегают, вот и я...

Время шло, постепенно менялась жизнь Галины Федоровны, и вскоре пришлось ей встать перед таким выбором, о котором даже и думать не могла...

Переезд на новое место жительства существенно повлиял на душевное состояние и здоровье Галины Федоровны. Сделалась она плаксивой, частенько болела, хотя и была моложе сестры на пять лет. Скучала отчаянно по своим краям, ела себя поедом, что согласилась приехать сюда, да понимала, что назад дороги нет. Молилась потихонечку, но в храме уже не бывала, да доберешься разве? Забываться стали службы, ослабевала в сердце надежда, в душе поселилась тоска. Иногда Галина Федоровна и самой себе не могла объяснить, что с ней происходит. Бывали дни, когда подолгу лежала она в постели, бездумно глядя в потолок, не вставая даже покушать. К душевным переживаниям прибавились и телесные боли. Хвори одолевали, крутило в животе так, что не было сил терпеть.

— Хоть бы помереть, что ли? — не выдержала однажды Галина, — измучилась вся.

— Да ты что? — замахала на нее руками сестра, — *туда-то* всегда успеешь, на лежишься еще. В больницу надо.

— Толку что,— заплакала женщина, — была я там. Ничего не признают.

— Ладно, не переживай, — обняла Лидия сестру, — все образуется.

А вечером заявила:

— Олег Иванович сказал, что в доме нашем после смерти моего Петра духов злых полно. Вот и не дают тебе жизни. Изгонять их надо.

— А кто этот Олег Иванович? — удивилась Галина.

— Шаман наш. Он знаешь, какую силу имеет?! Ему даже из Москвы звонят, вызывают к себе. Поставит он тебя на ноги. Я его вчера упросила к нам придти.

— Ой, Лида, — ахнула Галина, — неплохо это как-то, неправильно.

— Да какая ж разница, кто тебя вылечит. Господь Бог или шаман, — Лида сердито свела брови, — ведь здоровая ты станешь. Вот увидишь.

Галина Федоровна хотела было возразить сестре, но в это время словно кинжалом пырнул ей кто-то в правое подреберье, и она, охнув и не вытирая брызнувших слез, согласилась.

— Я только икону сниму, — опутив глаза, проговорила Лидия, — а то не залюбит Олег Иванович, да и уйдет.

Не дожидаясь ответа сестры, Лидия повертела икону Спасителя в руках, не зная, куда ее пристроить, а потом засунула между книгами на полке.

В дверь стукнули, и на пороге показался высокий полноватый мужчина-бурят в модном пиджаке и галстук.

— Проходите, Олег Иванович, — расплылась в улыбке Лидия, а Галина Федоровна с удивлением рассматривала шамана.

Было ему лет шестьдесят. Коротко стриженные волосы, темные, почти без проседи, смуглая кожа, узкие глаза. Щеки гладко выбриты. «Вот увидела бы на улице, ни почто не подумала бы, что это шаман», — мелькнуло в мыслях у Галины Федоровны. Тем более, она всегда представляла себе шамана в длиннополой расшитой одежде с бубном, с длинными волосами. А тут перед ней стоит вполне респектабельный современный мужчина.

Олег Иванович серьезно, без улыбки кивнул женщинам и прошел в комнату. Переложив из одной руки в другую пuzатый портфель, Олег Иванович строго спросил у Лидии Федоровны:

— Все готово?

— Да, конечно, — засуетилась женщина, указывая на низкий стол возле окна. На нем стояло молоко в высокой кружке, тарелка с мясом, хлеб, а также бутылка водки и стакан. На краю стола Лида положила трубку, туго набитую табаком.

В окна уже заглядывали крупные звезды, а шаман не торопился. Он скрылся за перегородкой и через некоторое время вышел оттуда, одетый в тяжелый расписанный непонятными знаками кафтан из оленьей шкуры, вывернутой мехом внутрь. Рукава и воротник были отделаны красной тканью. К кафтану были пришиты разноцветные ленточки, а также Галина Федоровна рассмотрела шкурки животных и маленькую модель лука и стрел. На голове у шамана красовался ритуальный головной убор, состоящий из кожаной повязки, обшитой красной тканью. Сверху к ней был прикреплен густой ряд орлиных перьев, напоминая головной убор индейского вождя. Снизу пришиты длинные кожаные жгуты, обшитые тканью.

«Господи, помилуй!» — мысленно помолилась Галина Федоровна. Она уже сама не знала, радоваться или огорчаться по поводу того, что согласилась на камлание. Уж больно устрашающе выглядел шаман. Но тут боль скрутила ее так, что она, тихонько застонав, принялась ждать начала ритуала.

Прижав бубен к себе, шаман прошел на середину комнаты, грузно сел на пол, закрыл глаза и начал тихим голосом медленно петь.

Шаман постепенно повышал голос, потом, неожиданно быстро и легко поднявшись, он сделал несколько шагов по комнате. Медленно взмахивая руками, как крыльями, он наклонялся, казалось, при этом что-то высматривая.

Удары в бубен то затихали, то звучали громко и ритмично. Временами они были похожи на резкие беспорядочные выстрелы, но затем вновь становились еле слышными. Голос шамана тоже то был спокоен и тих, то начинал звучать угрожающе и вызывающе.

Вдруг шаман замолчал и резко вскочил. Почти в танце он сделал несколько легких и свободных движений. Приняв угрожающую позу, он начал бить в бубен короткими, сильными ударами. Глаза его были при этом закрыты. Он принялся хрипло и отрывисто выкрикивать какие-то незнакомые слова. Потом неожиданно вытащил кинжал, висевший у пояса, и ловко метнул, попав в дверцу холодильника.

Галина Федоровна, принявшая было нож за муляж и никак не ожидавшая таких действий от шамана, вздрогнула и перекрестилась.

Шаман остановился, повернулся к женщине и, сверля ее маленькими злыми глазками, быстро-быстро заговорил по-бурятски. Галине Федоровне захотелось сжаться в крохотный комочек и стать невидимой. По ее спине побежали противные мурашки, руки и ноги враз онемели. Страх, жуткий, леденящий, заползал в душу, даже боль отступила. Ни мыслей, ни чувств, ни желаний — только страх заполнял Галину Федоровну всю от ног до макушки.

Бурят закрутился на месте, потом выкрикнул несколько нечленораздельных фраз и рухнул прямо на пол. Лежал он довольно долго, потом, с трудом поднявшись, ушел за перегородку. И опять его не было продолжительное время. Галина Федоровна никак не могла прийти в себя. Теперь ее колотило так, что зуб на зуб не попадал, перед глазами качался черный туман.

Наконец шаман вышел. Сейчас это снова был Олег Иванович — в пиджаке модного покроя, светлой рубашке и щегольских туфлях.

— Что же вы меня приглашаете, — проговорил он отрывисто и раздраженно, — а своего Бога из дома не вынесли, — он вновь в упор глянул на Галину Федоровну, и та затрепетала.

Лидия бросила на сестру недоумевающий взгляд, а та, словно очнувшись, подняла руку и перекрестилась.

— Господи, прости, — произнесла тихо, с трудом выдавливая слова.

Олег Иванович нахмурился и, ни слова не говоря, шагнул за порог.

Диакон Михаил Таганов
Храм свт. Николая в Кузнецах

Посвящается отцу В. П.

ЛЕКАРСТВО ОТЦА ВАЛЕРИЯ

В жизни случаются самые невероятные встречи, перед которыми бледнеет любой литературный вымысел. Ведь вымысел — дело человеческое, а за кажущейся случайностью всегда просматривается Промысл Божий... Эта дорожная история произошла примерно году в 1999-м. Тогда я служил диаконом в Нижнем Новгороде, в одном старинном городском храме, преподавал богословские предметы в Нижегородской духовной семинарии и одновременно доучивался экстерном в Санкт-Петербургской духовной академии. Периодически мне

приходилось ездить в Петербург — чаще всего на сессию, но иногда и в середине семестра, по учебным делам.

В то время самым удобным транспортом для меня был скорый поезд «Волга» Нижний Новгород — Санкт — Петербург. Уезжал я на нем после обеда, а прибывал в Питер не слишком ранним утром. Временами поезд почему-то ходил полупустой, как и в тот памятный вечер.

Вхожу в купе и вижу, что у меня на этот раз единственная попутчица — полная дама лет пятидесяти с небольшим, с крашеной сединой, дорого и со вкусом одетая. Раскладывает по местам вещи, вынимает еду, налаживает временный вагонный быт. Поздоровался и не стал ей мешать. Стою в коридоре, смотрю на уносящиеся вдаль городские пригороды, размышляю о предстоящих студенческих делах... Но время идет, уже вечер, пора поужинать. Надо наконец и познакомиться. За чаем я представился. Попутчица моя (уже не помню ее имени, а если бы и помнил, то неудобно было бы называть) оказалась за-

служенным врачом-психиатром из известной в городе клиники. Живет в престижной нагорной части города. Муж, дети, уже внуки пошли. Собачка любимая есть...

Как это почти всегда бывает, зашла с попутчицей речь о религии, о Церкви. Тут дама мне и говорит:

— Вы знаете, в свое время научный руководитель на специализации мне объяснил, что любую религиозность надо рассматривать как предварительную стадию формирования какого-либо тяжелого психоза. Чаще всего шизофрении. Как говорится, возраст подошел, начинаются симптомчики, продромальный период... Больному надо срочно препараты соответствующие принимать, а молодой человек вместо этого кидается в церковь, молится, поклоны бьет, ищет, так сказать, спасения в Боге, а все окружающие думают, так и надо, и не замечают, что у него уже вся симптоматика налицо...

Я чуть бутербродом не поперхнулся, настолько внове была для меня такая точка зрения. Много лет спустя, в одной из

биографических книг о новомучениках, я встретил что-то похожее: очевидцы засвидетельствовали, что в 1930-х годах, во время «пятилетки безбожия» какие-то проходимцы от психиатрии, действительно, так и предлагали рассматривать всех вообще верующих людей. Была такая выморочная «научная школа» в советской медицине. Но на дворе-то вроде бы 1990-е... Живучая оказалась теория!

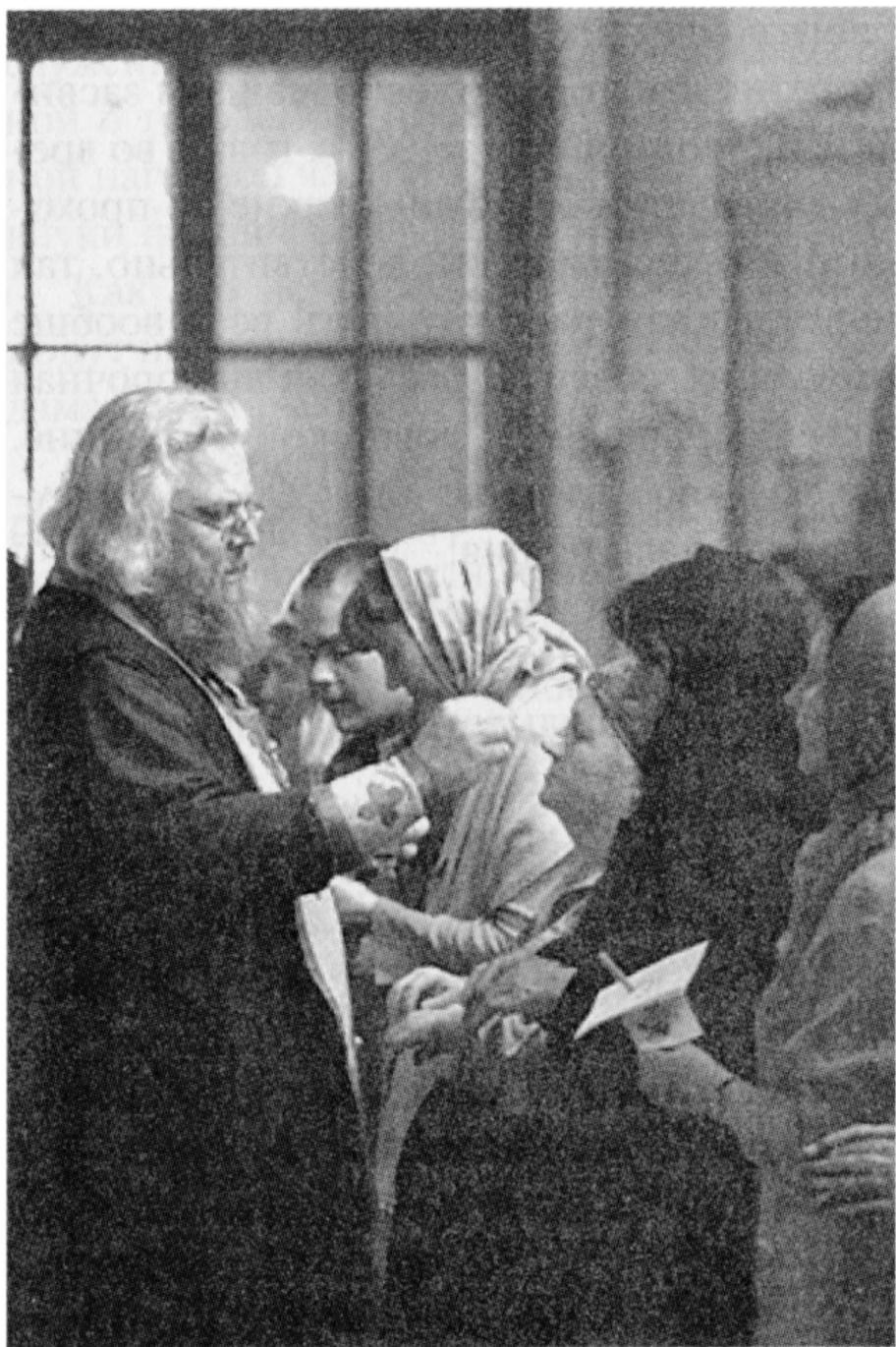
Вгляделся я в попутчицу повнимательней. Она под моим взглядом как-то заерзала, стала оглядываться и почему-то рукава кофты ощипывать.

— А что это вы на меня так смотрите?

— Да ничего... Просто ваша точка зрения довольно необычная, впервые такое слышу.

— Ничего необычного, это научная точка зрения. А я, между прочим, сейчас тоже считываю ваши невербальные сигналы и телодвижения!

Хотя я ничего и не «считывал», но мои телодвижения в тот момент были, и правда, совсем невербальными — поезд на

скорости немилосердно трясло из стороны в сторону, и я пытался опустить в стакан с кипятком чайный пакетик, не промахнувшись и не вылив при этом кипяток себе на колени. Пакетик в моей руке яростно раскачивался, выписывая сложную кривую. Какой сигнал она для себя в этом прочла, я сказать затрудняюсь... Справившись со стаканом, я собрался с мыслями и начал в уме подбирать полемические аргументы. Ведь нельзя такой тезис оставить совсем без ответа!

— Действительно, — начал я, — душевнобольные в Церкви есть, и немало, никто этого отрицать не будет... Как же бедные наши духовники с ними маются... Есть еще такая особая и довольно редкая форма подвижничества — юродство во Христе. Ну, здесь хоть в какой-то степени уместен психиатрический анализ — например, чтобы понять, болел на самом деле человек или нет... Но если бы только они одни и составляли Церковь, то она никогда в истории не стала бы тем, что она есть! Кто же, по-вашему, написал

Евангелие, апостольские послания? А святые отцы, которые разбирались в тончайших нюансах бытия человеческой души, ее страстей, ее борьбы с грехом? А иконописцы, чьими творениями восхищаются современные искусствоведы и художники? А церковные зодчие? Ученые-богословы? Неужели все это колоссальное наследие, которое и поныне изучают ученые с мировыми именами, создали и написали безумцы, которым по недоразумению вовремя не поставили диагноз и не сделали укол?!

Молчит спутница. Я продолжаю:

— Вот вы живете в Нижнем Новгороде. Сколько храмов вокруг, особенно в центре! Когда вы заходите в храм, неужели вы видите там одних психиатрических больных? И ни одного нормального человека?!

— Не знаю, — говорит, — не знаю... Видите ли, я в храмы не захожу. Так, иногда гуляю вокруг с собачкой. Вообще, энергетика там хорошая, это мне понятно, я сама занимаюсь бесконтактным мас-

сажем, прочищаю чакры... Но если внутрь зайти, со мной что-то странное начинает происходить. Знаете, это напоминает состояние глубокой интоксикации. Системное головокружение. Саливация! Тремор рук! Рвотные позывы! Обильное потоотделение по всему телу! Потом — спазм в кишечнике! Ох... Даже вспомнить страшно... Я как-то раз зашла в такую нарядную церковь у речного вокзала, потом — бах! — и ничего не помню, очнулась на полу, надо мной священник склонился и чем-то лоб помазывает. И, знаете, все прошло. Удивительно быстро прошло! Пахло еще очень хорошо, такой тонкий растительный аромат.. Вы, случайно, не знаете, что это было, чем это он меня помазал?

Я знал. «Нарядная церковь у речного вокзала» — это как раз и был мой храм. По ее описанию я сразу узнал одного из наших батюшек, милейшего отца Валерия, нашего доброго духовника и молитвенника, у которого была необычная пастырская привычка: когда прихожане дарили ему привезенное маслице от всевозможных

святынь, он сливал его в один небольшой флакончик с крепкой пробкой, который постоянно носил с собой. При нем в кармане подрясника неизменно была и микроскопическая кисточка из крестильного набора, которой он помазывал то своих духовных чад, вместо благословения, то болящих, к которым его постоянно вызывали с Причастием, то каких-нибудь закоренелых грешников на исповеди. Как видно, заветная кисточка с маслицем пригодились и на этот раз... В общем, знал я, чем ее помазали и кто, но как ей объяснишь, с ее научными воззрениями? Не поймет...

— Это такое лекарство, — говорю.

— Я так сразу и поняла. Я же врач высшей категории...

Потом разговор перешел на какие-то бытовые темы, но остаток вечера и ночь прошли для меня довольно тревожно. Неуютно чувствуешь себя один на один с человеком, которого вполне реальная, но невидимая сила мучает и не пускает в храм Божий. Один Бог знает, когда она еще проявится?.. Думаю, любому верующему

человеку нетрудно догадаться о духовных причинах такого рода болезненных состояний... Поздно вечером, решив тихонько помолиться на сон грядущий, я примостил над своей полкой крохотную бумажную иконку. При этом я время от времени бросал взгляд на свою соседку по купе, не начнутся ли, не дай Бог, рвотные позывы с саливацией и потоотделением... Но обошлось. Дама во время моей молитвы сладко похрапывала и даже улыбалась во сне. Может быть, вспоминала, как приятно пахло от кисточки отца Валерия.

Но главный сюрприз меня ожидал утром. Поезд уже приближался к Московскому вокзалу Петербурга, в вагоне царила бодрая суета. Моя попутчица уже была «при параде», благоухала недешевым парфюмом и сейчас вынимала из нижних полок свой основательно запакованный багаж. Я заметил, что она собрана в дальнюю дорогу и, скорее всего, дальше полетит куда-то самолетом. Интересно, куда? Спросил и услышал в ответ такое неожиданное признание:

— Вы знаете, мне смертельно надоел муж, надоели дети, моя квартира, работа... Год за годом одно и то же! Больше не могу! Я поняла, что достойна большего и лучшего! Я взяла туристическую визу в Германию и купила билет на самолет в один конец. Сегодня вечером мой самолет вылетает из Пулково... Специально поехала сюда, чтобы их всех со следа сбить — ведь искать-то меня начнут в Москве, в Шереметьево! А я здесь! Я все продумала. А в Германии я выйду из аэропорта и сразу начну новую жизнь. На одну неделю я денег с собой взяла. Конечно, может, и не сразу все получится... Так мне одна подруга рассказала, что там есть такой закон: если кто-то две или три ночи ночует на автобусной остановке, то его привозят в полицию и за государственный счет отправляют в страну постоянного проживания. Так что это у меня вроде страховки, — тут она просветленно улыбнулась. — Если я не найду работы, не смогу устроиться, я просто приду на остановку. Причем на ближайшую. И меня отправят домой. Видите, как просто!..

Действительно, это было просто. Проще некуда ... Я молчал, не зная, что и сказать, и смотрел на радостное лицо сидящей передо мной немолодой женщины, крупного специалиста по заболеваниям души. Ох уж эта человеческая душа! «*Психи*» погречески... Сбежав из собственного дома, от всех своих родных, она теперь мчалась в Германию, чтобы ночевать на автобусной остановке в неизвестном городе... Вспомнились какие-то древние строки из «Добротолубия» о злом духе бродяжничества, который иной раз, по попущению Божию, овладевает несчастными людьми. Уподобляясь «печальным духам изгнания», они бесцельно переходят из города в город и нигде не находят покоя...

Когда поезд подошел к перрону, и мы гуськом двинулись по узкому проходу вдоль вагона, я не выдержал укоров собственной совести. Ну почему я молчу? Сейчас она уйдет со всеми своими чемоданами и, возможно, пропадет для своих родных навсегда! Мысленно перекрестившись, я все же обернулся к ней:

— Слушайте, не доводили бы вы дело до этой самой остановки, а? Ну где это видано — врач-психиатр, к тому же высшей категории, на остановке ночует... Да и домашних своих с ума сведете — подумать только, бабушка среди бела дня исчезла... Поймите, вас муж и дети искать будут, они в розыск подадут! Внуки будут ждать! Позвоните им хотя бы... Ну, допустим, съездите вы на пару дней в Германию, отвлекетесь от забот и проблем, отдохнете, посмотрите достопримечательности, а потом все-таки возвращайтесь

домой. Непременно возвращайтесь! И в наш храм обязательно приходите! Знаете, как отец Валерий будет рад! Он... он вас опять своим лекарством помажет!..

При упоминании «лекарства» отца Валерия лицо моей попутчицы, до этого вполне безмятежное, вдруг страдальчески исказилось и потускнело. Как будто на глазах стала разваливаться окружающая ее скорлупа уверенности и целеустремленности. Словно из глубины проглянуло совсем другое лицо, измученное болью, тяжкими сомнениями, непреходящей тоской... Помолчав, она отвернулась к окну и сказала каким-то новым, глухим и тусклым голосом:

— Хорошо... Приду... Куда от вас денешься...

Ирина Турковская

ДАШИН КОШЕЛЕК

Лариса Васильевна, учитель английского языка, не любила 8 Марта. Во-первых, эта дата часто приходилась на Великий пост, и не хотелось принимать участия в застольях, во-вторых, праздник казался ей неискренним. Мужчины с тюльпанами в руках все равно не уступали женщинам место в транспорте, а дома приходилось мыть посуду.

Еще она переживала о малоимущих семьях, которым нелегко было в этот день на фоне обеспеченных, наперебой подносящих учителям цветы и коробки конфет. Особенно неловко было в канун 8 Марта идти к больным детям домой. Но расписание не отменишь, и ранним утром в плот-

ной толпе пассажиров Лариса Васильевна вошла в вестибюль метро.

Было сыро, тысячи пар ног втоптали слякоть с улицы. Ларису Васильевну подтолкнули к турникету, она перешагнула гребенку эскалатора и вдруг увидела под ногами образок. Богородица? Эскалатор двигался вниз, наклониться и поднять было уже невозможно. Не раздумывая, Лариса Васильевна сбежала вниз, поднялась обратно по соседней лестнице, миновала турникет и, прежде чем снова ступить на бегущий вниз эскалатор, быстро наклонилась и подняла иконку. Слава Богу! Не затоптали! Она протерла платочком маленький образок. Казанская. Вспомнила: давно на Руси известно, что именно Казанский образ Богородицы приводит людей к вере. В душе потеплело. Лариса Васильевна положила иконку в кошелек рядом с проездным билетом.

Первый урок был у Даши. Лариса Васильевна занималась с девочкой не первый год и радовалась ее успехам. В конце урока Даша торжественно встала: «Доро-

гая Лариса Васильевна! Поздравляю вас с наступающим международным женским днем 8 Марта!» — и, смущаясь, протянула ей небольшую коробку. В коробке оказались кошелек и поздравительная открытка. Отказаться было невозможно. «Забавно! Кошелек учителю — это только ребенок может придумать. Но какая девчонка славная!» — думала Лариса Васильевна, торопясь к автобусной остановке. Она вынула из сумки кошелек, чтобы достать проездной, и опять увидела иконку. «Пресвятая Богородица, спаси нас! — привычно помолилась Лариса Васильевна, но по-

том горячо прошептала: — Спаси Дашу и исцели! Даруй ей веру непостыдну и любовь нелицемерну!» Она опустила кошелек в большую учительскую сумку и шагнула на ступеньку автобуса.

Народу было много. Сзади, крепко подпирая ее, кто-то ворочался. Почувствовав неладное, Лариса Васильевна оглянулась: какая-то женщина в грязно-голубой куртке быстро соскочила со ступеньки автобуса. Двери захлопнулись, автобус тронулся, большая учительская сумка была открыта. Протиснувшись в салон, Лариса Васильевна осмотрела ее. Цела, только молния открыта. Кошелек, конечно, не было. Вот учебники, вот Дашин подарок, а кошелька нет. Жаль. Удобный, кожаный, подаренный мужем на Рождество. Денег в нем было немного, да и проездной она вынула, но неприятно как! Лариса Васильевна вспомнила про образок — обрела и утратила? «Пресвятая Богородица! Спаси эту заблудшую!» — попросила она про женщину в голубой куртке и решила больше не огорчаться. Возвращаясь домой, Лари-

са Васильевна размышляла о происшествии: удивительно, как Господь управил — Дашин кошелек оказался кстати!

...Во время весенних каникул Лариса Васильевна организовала экскурсию в храм Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове. День выдался солнечным и ветреным. По синему небу радостно неслись облака, ледок на лужах подтаял. От метро до церкви с разговорами дошли быстро. Ларисе Васильевне хотелось передать детям свое первое впечатление от посещения этого храма, освященного самим преподобным Сергием Радонежским. Она помнила свое волнение: какие древние святыни! Куликовская битва — как это давно, история, и вот они — могилы святых Пересвета и Осляби, таких почитаемых и родных. Глядя на серьезные лица детей, впервые возжигавших свечи перед старинными иконами, Лариса Васильевна подумала, что экскурсия удалась.

— А теперь задавайте вопросы! — сказал батюшка после рассказа о подвиге героев-иноков.

— Скажите, пожалуйста, — слышался тихий голосок Даши, — почему перед этой иконой висят кольца и крестики?

— Это благодарность тех, кто получил помощь от Пресвятой Богородицы по своим молитвам.

— А какую помощь? — допытывалась Даша.

— Ну, кто здоровье, кто успехи в работе, в общем, кто что просил, — терпеливо объяснял батюшка.

— Так это что? Чудо? — Даша изумилась.

— Думаю, да, — улыбнулся священник.

— А последнее чудо какое? Вы можете нам рассказать? — совсем осмелела Даша.

— Последнее? — задумался батюшка. — Пожалуй, могу. На днях ко мне приходила одна раба Божия и поведала о себе, что она воровка и давно этим промышляет. Седьмого марта, то есть месяц назад, в автобусной давке она вытащила у кого-то кошелек. Открыла — а там и денег-то всего ничего, поживиться нечем, но лежит маленькая иконка Богородицы. Кошелек она сразу выбросила — улика, а вот образок оставила себе. Молиться на него стала, просить у Матери Божией заступничества. Видно, надоела ей такая жизнь, а как из нее выскочить — не знает, у них ведь свои законы, и жестокие. Да еще упала и правую руку сломала, воровать несподручно стало. Возвращалась из травмпункта, где ей гипс наложили, зашла к нам. Так мы с ней и встретились. Просит найти ей работу при церкви.

— Батюшка, помогите ей, — заволновались дети.

— Да, надо помочь, но не так это просто. Видимо, придется направить ее трудницей в монастырь подальше от Москвы. Там у них сельское хозяйство, пусть поработает во славу Божию.

На обратном пути вопросам не было конца: и почему преподобный Сергей Радонежский преподобный, и кто такие трудники, и как это — работать во славу Божию? А Даша задумчиво произнесла: «Я бы хотела увидеть этот образ, который женщина с кошельком вытащила». «Она спасение свое вытащила», — подумала Лариса Васильевна и внезапно дрогнувшим голосом сказала:

— Думаю, это Казанская икона Богоматери. На Руси давно известно, что этот образ приводит людей к вере.

Андрей Фарберов

ЖЕНСКИЕ МОЛИТВЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Свет от икон

Это случилось в первый год Великой Отечественной войны на Алтае, в Мамонтовском районе. Мужчин забрали на фронт, женщины остались один на один с великой нуждой, малыми детьми, изнуряющим физическим трудом. И вот тогда взоры многих вновь обратились к святым образам Спасителя, Божией Матери, Николы Угодника. Старые, закопченные, в некогда золоченых окладах иконы опять определили в красный угол каждой избы. Это-то и не нравилось председателю колхоза. Но «взрыв религиозности» на этом не закончился. То в одном, то в другом доме иконы стали обновляться — знамение свыше, давно известное Церкви. Так Господь давал

понять, что не оставляет народ Свой в годину тяжелейших испытаний.

Тогда председатель попытался утвердить себя в глазах односельчан и районного начальства в качестве нестигаемого борца с «опиумом народа». Он решил изъять иконы из всех домов и закрыть в одном сарае. Однако антирелигиозной кампании не было суждено завершиться благополучно. Женщины решительно затребовали иконы назад. «И голод, и нужда, и мужики на фронте, а еще и иконы отобрали. Не позволим. Верни обратно!» Делать нечего. Велел председатель открыть сарай, а когда открыли, оттуда хлынул свет, все иконы сияли золотом и яркими красками! Все до одной обновились!

Никола Хлебный

Удивителен рассказ писателя Николая Коняева: «В храме — справа, на стене, образ Николая Чудотворца. Лик почти не различить — буровато-коричневой темной запеклись краски! — но глаза смотрели ясно, живо и очень добро. Едва вошел

в церковь, сразу потянуло к этому образу. Что-то простое, надежное и необходимое было в нем, как в куске хлеба.

— Так это и есть Никола Хлебный, — пояснила мне монахиня.

— Никола Хлебный? — удивился я. — Впервые такое название иконы слышу.

— И мы не слышали, пока икону не принесли... — сказала матушка и выдвинула вделанный в киот ящичек для свечей. В ящичке лежали узкие полоски бумаги.

Первый раз в жизни видел я продовольственные карточки военных лет. Одна карточка была выдана на имя Елизаветы Ефимовны Хмелевой — ей полагалось получать в ноябре 1941 четыреста граммов хлеба в день. Вторая — на имя Марии Петровны Павловой, получавшей полную норму — восемьсот граммов.

Ноябрьскими карточками ни Елизавете Хмелевой, ни Марии Павловой не суждено было воспользоваться: 16 октября немецкие войска начали наступление в направлении Грузино-Будогощь-Тихвин и 8 ноября овладели городом, пытаясь со-

мкнуть второе кольцо блокады вокруг Ленинграда. Об этом я и сказал матушке.

— Не знаю... — покачала головою монахиня в ответ на мои слова. — Женщины, которые образ этот церкви пожертвовали, другую историю рассказывали.

— Какую же?

— Они сами ее только слышали от взрослых. А было вот что. Немцы наступали. Женщины попали в оккупацию, а есть нечего. Карточки немцы ведь не отovarивали. В общем, хоть с голоду помирай. Поплакала Елизавета Ефимовна (это ей и принадлежал образ), засунула свою хлебную карточку в свечной ящик, помолилась Николаю Чудотворцу и спать легла. А утром смотрит — на столе хлеб, в четыреста граммов кусок... А тут как раз соседка заходит, Мария Петровна. «Это ты, Маша, хлеб принесла?» — спрашивает у нее Елизавета Ефимовна. «Нет, — говорит та, — откуда, сама без хлеба сижу». Рассказала ей Елизавета Ефимовна о чуде и Мария Петровна упросила опустить и ее хлебную карточку в свечной ящик.

Как уж получилось это — неведомо, а только каждое утро по куску хлеба находили. Святитель Никола Хлебный кормил их всю оккупацию. Недолго, правда, и были-то в оккупации, месяц только. Уже в декабре освободили наши войска Тихвин. Вот так и прожили женщины оккупацию, — завершила рассказ монахиня.

Монахиня перекрестилась, взяла «чудотворные» хлебные карточки из моих рук и бережно спрятала их в свечной ящик.

Гуси помогли

На ратный подвиг наших воинов в тяжелую годину отступления зачастую подвигали жители тех мест, где оказывались их части, отходившие под натиском немцев с боями на запад. Чаще всего это были старики или женщины — большинство мужчин было в армии. Поучительный пример, относящийся к событиям августа 1941 года, описан в книге воспоминаний о маршале Павле Федоровиче Батицком, вышедшей по воле полководца только после его кончины: «Надолго

запомнился случай, происшедший при отходе от города Пола. Штаб дивизии на короткое время остановился тогда в деревне Качалове. Вечером Павел Федорович пришел в избу, которую определили ему для отдыха. Когда он поздоровался с хозяйкой, невысокой женщиной лет шестидесяти, сидевшей в углу избы под иконами, та вместо приветствия, без всяких предисловий, стала горячо и хлестко его отчитывать.

— Где же у вас всех совесть, когда же вы начнете, наконец, германцев бить, когда вас уже стыд проймет? — гневно выговаривала она. — Мои четверо тоже, видать, бегут от германцев, креста на них нет!..

Она погрозила сухоньким кулаком в сторону стены, на которой в рамке под стеклом виднелись фотографии четырех бравых молодцов, очень похожих друг на друга. Махнув рукой, хозяйка вышла из избы на двор. Через минуту оттуда послышался ее громкий голос.

— Эй, солдатики, идите-ка сюда! — позвала она красноармейцев, — А ну, ре-

бята, ловите вон тех гусей, да в котел! Варите, да ешьте, чтоб антихристам-германцам не досталось! Хоть слов, чтоб ругать вас, нет, негодники, а все ж свои, ешьте на здоровье, может с моих гусей дела ваши лучше пойдут!.. Ловите скорей, окаянные!

Она то ругала их на чем свет стоит, то также горячо начинала молиться, чтобы все живыми остались, чтобы победили и вернулись по домам. По ее примеру и в соседних дворах хозяйки стали отдавать бойцам свою живность.

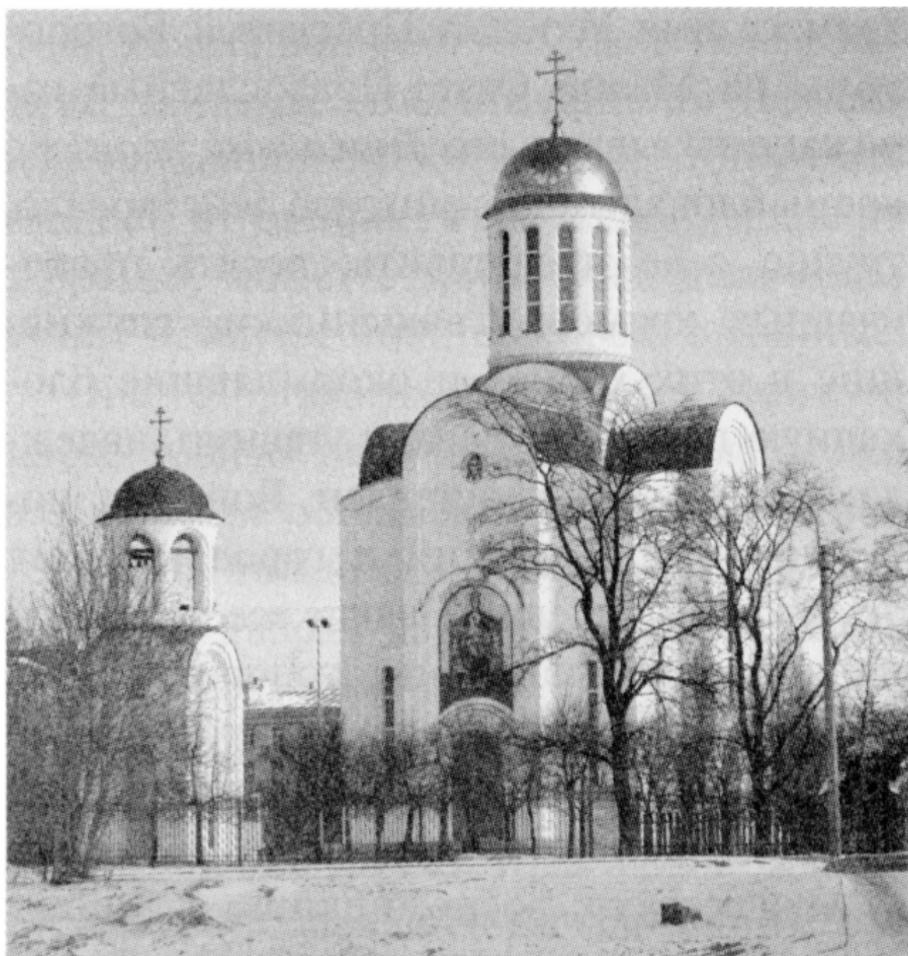
Павел Федорович часто рассказывал об этом случае и не забыл о нем до конца войны. Весной 1945 года после взятия Берлина он отправил в Качаловский сельсовет письмо, в котором просил передать хозяйке дома, в котором останавливался, если она жива-здорова, что все ее наказы он и бойцы, которых она, отчитав, угощала гусятиной, выполнены полностью».

Блокадный храм

В память о днях блокады в городе на Неве вот уже несколько лет действует

храм во имя Успения Пресвятой Богородицы на Малой Охте. Православные горожане называют его *Блокадный храм*. Во время блокады в Ленинграде действовало, трудно себе представить, десять православных храмов! Священники, служившие в этих храмах и окормлявшие блокадную паству, не давали угаснуть надежде, что не будет оставлен Богом и побежден народ русский и город выстоит. То, что обессилевшие люди все же заполняли блокадные храмы, говорит о том, что вера православная и в тот трагический период являлась необходимой частью народной жизни...

Существуют воспоминания свидетеля следующего разговора, произошедшего во время блокады на лестничной площадке одного из домов. Маленькая девочка постучалась в дверь соседа-священника и, когда он открыл ей, спросила, есть ли у него хлеб. «Я хочу кушать», — сказала она. Священник предложил ей войти в квартиру и ответил так: «Проходи, девочка, хлеба у меня нет, но я научу тебя молиться.

Храм Успения Пресвятой Богородице на Малой Охте

Я могу научить тебя молиться, чтобы Гос-
подь насытил тебя малым...»

Сами священники, бывшие иногда на
пределе истощения, тем не менее не остав-
ляли свою паству. Вспоминает Милица
Дубровицкая, дочь священника Николь-

ского собора протоиерея Владимира Дубровицкого: «Всю войну не было дня, чтобы отец не пошел на работу. Бывало, качается от голода, я плачу, умоляю его остаться дома, боюсь — упадет, замерзнет где-нибудь в сугробе, а он в ответ: «Не имею права слабеть, доченька. Надо идти, дух в людях поднимать, утешать в горе, укрепить, ободрить».

Сколько свидетельств осталось о чудесном вмешательстве сил небесных в судьбу блокадников, в их, казалось, уже предрешенную участь! Вот одно из них — из дневника Лидии Охупкиной: «Тяжелые мысли о смерти меня преследовали. Пять дней без хлеба... Я встала и бросилась на колени молиться со слезами. Иконы не было, да и я не знала ни одной молитвы. Дети мои были некрещеными, да и я сама не верила в Бога. Правда, во время «тревоги» я иногда мысленно шептала: «Господи, спаси, не дай погибнуть». Но в этот раз я горячо шептала: «Господи, ты видишь, как я страдаю, как голодна и как голодны мои маленькие дети. Нет больше

сил. Господи, я прошу, пошли нам смерть, только чтобы мы умерли сразу все. Господи, пожалей ни в чем не повинных детей...» На следующий день во входную дверь начал кто-то сильно стучать. Это был посланец с фронта, от мужа. Он передал мне небольшую посылочку с хлебом и письмо. Лейтенант, глядя на всех нас, стал громко сморкаться и вытирать слезы, которые у него показались». Вскоре эта семья смогла по «Дороге жизни» эвакуироваться в тыл.

Вот еще одно блокадное свидетельство: «В одну ночь я почувствовала — умираю. Рядом лежала моя дочка. Но, поскольку я верующая, я стала на колени и говорю: «Господи! Пошли мне, чтобы я до утра дожила, чтобы ребенок не увидел меня мертвую». Я пошла на кухню и — откуда силы взялись — отодвинула стол. И за столом нахожу бумагу из-под масла сливочного, валяются еще там три горошины и шелуха от картошки. Я бумагу сжевала, дожила до шести часов утра, а там пошла за хлебом».

Верующие в блокадном городе старались уберечь свои жилища от разрушения бомбами и снарядами так, как испокон века в случае опасности делали их предки — обходили свое жилище с иконами и молитвой. В Санкт-Петербурге на углу Лиговского проспекта, 2-й Советской улицы и Орловского переулка до сих пор стоит старинный дом, в народе его называли «Дом Фридерикса». Заселен он был в предвоенные годы в основном чиновниками. Оставались в доме и верующие старушки из «бывших». Они, несмотря на усиленные бомбежки и артобстрелы, углубленные близостью Московского вокзала, ежевечерне выстраивались чередой и с иконами, особо почитаемыми в каждой семье, обходили свой дом с молитвой. Не было ни единого прямого попадания в этот дом, который соседствовал не только с вокзалом, но и с детской больницей, где во время войны располагался госпиталь.

ОТЕЦ ХАРИТОН

Пасха в тот год была ранняя — на другой день Благовещения. Снегу было много, стояли заморозки, и на реках чуть только показались закраины.

Молодой помещик Балаев, уже два года живший безвыездно в своем имении за 50 верст от губернского города, вздумал воспользоваться санным путем. На второй день Пасхи он поехал в город делать нужные визиты.

Со следующего же дня погода совершенно изменилась: повеял южный ветер. Термометр показывал до 15 градусов тепла, и в 2—3 дня снегу как не бывало.

Балаеву надо было торопиться домой, пока реки не тронулись. За пять верст от города нужно было переправляться через большую реку или по льду, для безопасности по доскам, или же на пароме, если лед

уже прошел. Моста через реку не было. По делам Балаеву пришлось задержаться в городе до понедельника Фоминой недели. Вечером в Фомино воскресенье был послан верховой, чтобы заготовить на берегу на всякий случай достаточное для перехода по льду количество досок.

На другой день утром Балаев подъехал к переправе. Река уже вся вспучилась, и лед начал трескаться. Закраины саженой по 20 шириной, как отдельные реки, шумно бурлили, стремясь на простор, по отлогим берегам реки. Переправа была невозможна: каждую минуту мог начаться ледоход. На противоположном берегу стояла небольшая харчевня. Из нее уже несколько раз выходил на берег какой-то человек в коротком пальто, подпоясанном кушаком, и с котомкой за плечами.

Постоит, походит он по берегу, посмотрит вниз и вверх по реке — и опять возвращается в дом.

Вдруг раздался глухой треск. Река точно охнула... Весь лед поднялся, как бы вынырнув из воды, и сплошную массую

покрыл закраины реки... С минуту происходила словно глухая борьба, а затем вся ледяная масса с легким шелестом медленно двинулась по течению реки. Большие льдины, как огромные плоты, спокойно занимали середину, а по краям более мелкие льдины наскакивали одна на другую, то нагромождались в кучи, то разбивались вдребезги и алмазными искрами рассыпались во все стороны... Лед напирал на берега...

Из харчевни опять вышел человек. На этот раз кроме котомки за плечами у него была корзина на левой руке и большая палка в правой. Быстро подойдя к берегу, он осмотрелся, затем пробежал саженой 10 вверх по течению реки и на секунду остановился. Сняв фуражку, человек несколько раз перекрестился и далеко прыгнул с берега на лед... Балаев остолбенел. Дыхание у него замерло... А человек между тем начал метаться из стороны в сторону, перескакивая со льдины на льдину, и в каких-нибудь 2-3 минуты перебежав закраину реки, попал на огромную льдину,

которую медленно несло по течению. Опираясь на палку, человек смело шел по льдине и быстро приближался к тому месту, где стоял Балаев. Сердце Балаева сжималось от сознания, что вот-вот он будет свидетелем неизбежной, казалось ему, гибели отчаянного безумца... Он, инстинктивно схватив доску, побежал берегом по течению реки, на случай помощи пешеходу. Между тем смельчак, перейдя большую льдину, уже прыгал саженьях в 15-ти от берега по мелким льдинам, напиравшим друг на друга. На реке треск и шум... Поднялся ветер... Ослепительным был блеск солнечных лучей, отраженных льдинами. Дурно становилось Балаеву от головокружения при виде этой картины.

И вдруг из середины этого хаоса смельчак, как бомба, вылетел далеко на берег. И, точно кому-то делая вызов, быстро осенил себя крестным знаменем и весело прокричал: «Христос Воскресе!» От чрезмерного напряжения нервов с Балаевым сделалась истерика. Обливаясь слезами, он бросился к мальчугану, охватил его

обеими руками и начал целовать его лицо, приговаривая: «Воистину Воскресе!» Это оказался мальчуган лет 14-ти, ученик духовного училища. Он пешком возвращался в город после пасхальных каникул и, сообразив, что ледоход может продолжаться несколько дней, быстро воспользовался его началом, когда закраины реки набило льдом и по нему можно было перебежать на серединную льдину, а с нее попасть и на другой берег. Наконец освободившись от объятий Балаева, мальчуган снял с руки корзину и начал отряхиваться, так как весь был покрыт брызгами и крошками льдин.

Особенно много их набилось в лапти. Он вел себя так, точно ничего особенного не случилось. На лед по реке он уже не обращал никакого внимания: до него ему теперь не было решительно никакого дела... Весь он был занят проверкою — не потерял ли чего при переходе через реку? Тщательно осмотрел он корзину, которая была покрыта сверху белой тряпкой и обвязана бечевкой: оказалось, все в исправ-

ности. Запустил попеременно обе руки в карманы штанов, пошарил за пазухой, потрогал лямки котомки, висевшей за плечами, и, совершенно успокоенный, посмотрел на Балаева.

— Ну что, натерпелся страху, друг, как переходил реку-то? — спросил Балаев. — И как же ты осмелился на явную беду идти? Ведь лед рыхлый, каждую минуту провалиться может...

— Зачем бояться! Я знал, что перейду, иначе не пошел бы, — совершенно серьезно ответил он.

— А зачем же ты закричал: «Христос Воскресе!» — а не другое что, когда выскочил на берег? — спросил Балаев, озадаченный удивительным спокойствием мальчика.

— А как же? Теперь Пасха. До Вознесения, все сорок дней «Христос Воскресе!» И дорогой, когда идешь, все надо петь: «Христос Воскресе!», «Пасха священная нам днесь показася», «Воскресения день...» Да мало ли пасхальных песней есть! Все надо петь, что знаешь. Хоро-

шо! Я все пасхальные песни наизусть знаю... У нас в училище заучивать их заставляли. Да и дома на клиросе в церкви надо петь, и по деревням, когда с иконами ходят...

— Где же твой дом? Откуда ты идешь?

— А от Богородицы, с малой Сизьмы, семьдесят пять верст отсюда. Папа мой там священником.

Проговорив это, мальчуган почтительно снял фуражку и сказал: «Прощайте, мне идти пора...» Сильное впечатление произвел на Балаева удивительный мальчик своим спокойствием, рассудительностью, верой, силой духа. И ему не хотелось расстаться с ним так просто.

— Я довезу тебя до города, — пригласил Балаев мальчика в тарантас, — пять верст ведь еще...

— Снимай котомку-то да садись. Живо доедем, а пешком-то устанешь.

— Спасибо, я бы и пешком добрался. Теперь уже что! А если с вами ехать, так надо переобуться, — посмотрел он на свои лапти.

— Ну, что же, переобуйся, да и едем, — сказал Балаев.

Его спутник сел на доску, снял с плеч котомку, отвязал притороченные к ее верху сапоги и, освободив ноги от лаптей, обулся. Сели в тарантас и поехали.

— Что в корзине-то у тебя? — спросил Балаев.

— Полсотни крашенных пасхальных яиц, — ответил деловым тоном мальчик, — и пироги. Мне дней на десять хватит. А в котомке белье. Теперь домой уже до сенокоса не отпустят. У нас всегда на Кирика и Улиту отпускают.

— Почему же тебя родители пешком пускают в такую дальнюю дорогу? Мало ли что случиться может? Ведь, вот утонуть мог, или злой человек обидит.

— Что может случиться? — уверенным тоном сказал мальчуган. — Утонуть? Нет. Бог сохранит. А злому человеку что от меня взять? Да от него и убежать можно.

— Ну, а если Бог «не сохранит и тонуть станешь»? — почему-то, против воли, задорно спросил Балаев. Мальчуган посмо-

трел на него таким взглядом, что тому до боли стало стыдно, и ничего не ответил.

— А когда выучишься, что будешь делать? — спросил Балаев, чтобы загладить неловкость.

— Буду священником, — как-то мечтательно выговорил мальчуган и посмотрел на Балаева уже другим взглядом ласковым, с чуть заметной улыбкой. — И вас вспомню... Как будет Пасха, я в уме и скажу вам: «Христос Воскресе!» И вы, как в Пасху услышите в первый раз: «Христос Воскресе!» — вспомните меня и в уме скажите: «Воистину Воскресе, отец Харитон!» Я тогда уже отцом Харитоном буду.

Целый переворот произвел в душе Балаева этот удивительный мальчик, сидевший рядом с ним в тарантасе... «Точно провидец какой, — думал Балаев, — все ясно видит в будущем, знает, что с ним будет, и в самую душу тебе заглядывает и как бы связывает ее со своею». Как-то тепло стало на душе у Балаева и жалко было ему расставаться с ним. Доехали до

города, и мальчик попросил остановить лошадей.

— Вон, мне надо туда, — указал он рукой. — Теперь прощайте. Спасибо. Христос Воскресе!

— Воистину Воскресе! — ответил Балаев и расцеловал будущего отца Харитона. Вскоре тот скрылся в переулке между домами.

Прошло 40 лет после описанного случая. Сенатор Балаев, проживавший по зимам в Петербурге, делая в первый день Пасхи официальные визиты, почувствовал себя плохо.

Он принужден был возвратиться домой и лечь в постель. Послали за доктором. Доктор прописал нужные лекарства и сказал родным об опасном положении. «Теперь пока еще ничего нет, но может быть удар. Если больной верующий, не мешает послать за священником», — посоветовал, уходя, доктор. Часа полтора искали священника. Духовенство славит по домам, и его трудно найти в это время. Между тем

больному становилось все хуже и хуже, хотя удара еще и не было, но он перестал уже говорить...

Родные окружили постель умирающего, а он точно с надеждой смотрел на дверь, шевелил губами, как будто силился что-то сказать и не мог.

Так продолжалось с полчаса. Все чувствуют: началась агония. А посланный за священником все не возвращался. Наконец лакей распахнул дверь. Вошел седой, стройный священник в епитрахили, с крестом в правой руке и, быстрыми шагами направляясь к больному, издали еще веселым голосом сказал: «Христос Воскресе!» Точно электрическая искра пробежала по всему телу больного. Он быстро сел на постели и чистым, радостным голосом ответил: «Воистину Воскресе! Отец Харитон!» Секунда — и священник с сенатором сидели на постели в объятиях друг друга, обливаясь горячими слезами...

Юлия Чертова

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Маргарита Геннадьевна сидела и вспоминала те дни, когда впервые ее сердце потянулось ко Христу. Это были чудесные годы: первый приход, Саров, отец Рафаил, паломнические поездки. Сладкий период неофитства. Тогда женщине казалось, что Христа она не сможет разлюбить никогда. Ей хотелось быть преданной своей вере, своим убеждениям. И вот теперь настал момент проверки на прочность. Не стало сына. Как жить дальше? Раньше ей казалось, что с Господом она выдержит все. Семь святых мучеников Маккавеев, праведные Авраам и Исаак. Ей казалось, что будь она Саррой, не воспрепятствовала бы мужу, если бы он у нее, конечно,

был. Но все это ей казалось. Теперь Маргарита Геннадьевна понимала, что она любила не Господа, а свою церковность. Ей нравилось быть причастной к Телу Христову — Церкви. Она упивалась сухой теорией собственного «богословского университета». Женщине было приятно отстаивать свои убеждения. И, наверное, не потому, что они были истиной, а потому, что они принадлежали именно ей. Гордыня. Вот все, что было у нее. И от этого мука становилась еще более невыносимой.

Когда по телефону Маргарите Геннадьевне сообщили, что сын разбился на мотоцикле, она рухнула в обморок. Неудачно упав, ударилась головой о тумбочку и сломала при падении пальцы на руке. На похоронах была с гипсом и лицом такого же цвета. Ее чем-то накачали — то ли валидолом, то ли валерьянкой. Маргарита ни в церкви, ни на кладбище не проронила ни слезинки. Прихожанки ее храма, бывшие на отпевании, удивлялись: вот это вера! А это была не вера, это был пси-

хологический шок. Хотелось лечь тут же рядом в гроб и не проснуться.

Никакая она не мученица София — мать троих дочерей, замученных за веру Христову, а обычная баба, которая любила свое чадо больше жизни и больше Бога. Маргарита взяла больничный и перестала выходить из дома. Соседка Клава приносила хлеб и макароны. Суп заставляла принимать, как лекарство. Звонили знакомые по храму, отец Виктор, сестра из Нижнего Новгорода. Вначале отнекивалась, отмалчивалась, потом перестала подходить к телефону.

За нее молились. Отец Виктор пытался убедить ее, молился за нее, но пока ничего не получалось. Прихожанки Люда и Алла, ставшие ей подругами, и после трагедии получившие отворот, не вставали с колен. Вымаливали. Боялись. А вдруг случится непоправимое. Самоубийство страшнее всех грехов. Поехали за триста километров к отцу Рафаилу. Тот уже все знал (откуда — неизвестно) и тоже молился.

Прилетела сестра. Спрятала все таблетки, сняла все иконы. «Это попы твои тебя довели», — бросила она Рите. Та молчала.

Молиться не хотелось, читать святых отцов было тяжело как никогда. Казалось, что все написанное — ложь. Все проповеди хороши, когда у тебя все хорошо. А когда смысл жизни потерян? Но хуже всего женщине было от осознания того, что она в своей жизни с треском провалилась. При этих скорбных обстоятельствах, посланных Господом, Маргарита Геннадьевна поняла, что смысл ее жизни заключался в другом. Не во Христе, а в родном сыне, в собственной кровиночке.

Да, мало было читать святых отцов, мало было ездить в Оптину и сидеть на капусте весь Великий пост: чего-то главного не поняла, не разглядела. И вот теперь от невыученных уроков экзамен не сдан. С сестрой этими мыслями не делилась. Атеистическое мировоззрение сестры не смогло бы вместить всех этих умозаключений.

Через неделю боль о сыне начала стихать — и именно из-за этих дум. Осторожно Господь вытягивал ее из черной воронки отчаяния. Бог все делает нам на пользу, только мы, к сожалению, не можем этого понять. Наша дебелисть не дает нам оторваться от «земли» хоть на самую малость, увидеть Истину — Божии законы. Законы, лежащие в основе мироздания, которые неизменны, просты и понятны. Наш лукавый ум не воспринимает их, и расплата бывает тяжела.

— Женя, улетай, мне уже лучше, — попросила Рита сестру. Ей все тяжелее было выносить присутствие этого родного по крови человека. Женщина сердилась на отсутствие понимания между ними, на саму себя. Сестра была осколком того старого прошлого мира, который пытался опять заполучить ее себе.

Не вышло. Господь не попустил. Молитвы ближних помогли. Простота всегда побеждает лукавство. И, какие бы козни ни строил враг, молитвенная любовь разбивает все его хитрые планы.

Через месяц Маргарита впервые появилась в храме. На Литургию опоздала. С виноватым лицом стояла в притворе. Все ее увидели — похudevшую, бледную, но с живыми, наконец-то «невалерьяночными», глазами. У родных по духу заблестели слезы на глазах. Жизнь, слава Богу, такова, что радость оказывается рядом чаще со слезами, нежели со смехом. Отец Виктор был в алтаре. Вышел. Ни один мускул на лице, как говорится, не дрогнул. Но потом на чаепитии после службы при-

знался, что все внутри ликовало: не дал Господь уйти из Церкви навсегда. С возвращением, раба Божия Маргарита!

Люда и Алла предложили послать отцу Рафаилу в монастырь весточку, мол, пришла в себя, начинает оттаивать. Но тот уже все знал. Это нам, грешным, невдомек, как эта «небесная почта» работает...

Маргарита Геннадьевна молчала. Пила чай, ела сухарики и молчала. Она не знала, что сказать. Иногда чувствовала приливы робкой радости. Сама себя одергивала — какая же может быть радость? Потом поняла: душа ее в предвкушении важного, нужного и сложного подвига трепещет. Молиться за сына — жизнь положить.

Священник Михаил Шполянский

ЧТО НЕВОЗМОЖНО ЧЕЛОВЕКУ, ВОЗМОЖНО БОГУ

Чистая вода

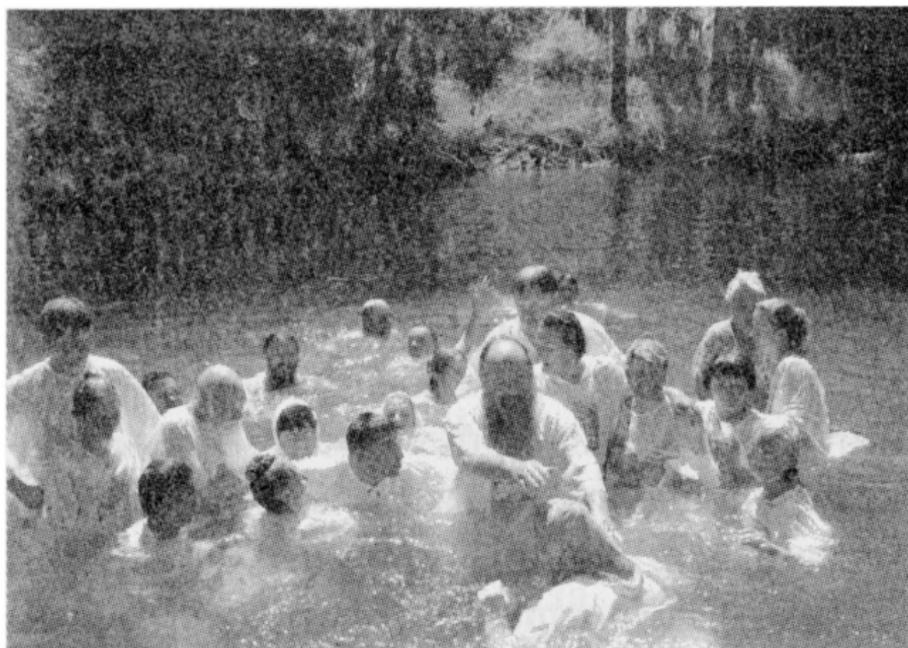
Август 2000 года. Все лето стояла удушающая жара, как называют на Украине — «спэка». Речная вода в Днепро-Бугском лимане, на берегу которого стоит наш Свято-Никольский храм, зацвела и превратилась в грязную зелено-коричневую кашу.

Приход у нас крохотный: два села с общим количеством жителей несколько сот человек. Крещения бывают крайне редко — несколько в год. Младенцев обычно крестим в купели, а вот взрослых, если такое крещение случается летом, как прави-

ло, прямо в реке; построить баптистерий пока возможности нет.

И вот с просьбой о крещении сыновей — мальчиков 12 и 14 лет — обращается Константин К., доктор наук, декан кораблестроительного факультета института, который я некогда заканчивал. В субботний день семья приезжает к нам в церковь. После продолжительной беседы с мальчиками начинается чин оглашения. Доходим до крещения и отправляемся на реку.

Иду по берегу лимана. Жарко, ни дуновения, зеленая вода слегка колышется, словно тяжело дышит; то там, то здесь виднеется мусор: пластиковые бутылки, арбузные корки... Как крестить в такой воде? Как в нее детей заводить? И что с моим облачением будет — ведь самому по грудь в воду заходить? Но что делать, крестить надо — не назад же идти... Будь что будет, Господь управит. Снимаю обувь, захожу в воду по щиколотки; в мути ряски дна не видно даже у самого берега.

Начинаю чин Крещения: «Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа...»; доходим до чина водосвятия: «Велий еси Господи, и чудна дела Твоя». Читаю молитвы водосвятия. Затем мельком смотрю вниз и вижу ступни своих ног, стоящие на чистом песке дна лимана. Осматриваюсь вокруг. Вода передо мной совершенно чистая, прозрачная. Справа и слева, метрах в пяти по сторонам, проходят четкие полосы границ чистой и грязной воды. Слава Богу! Заходим с мальчишками на глубину, окунаю их в освященную

воду. Затем возвращаемся в храм — завершать крещение. Когда прошли метров сто по берегу, оборачиваюсь и вижу: по всей реке зеленая поверхность воды, а там, где мы крестили — темная ровная полоса перпендикулярно уходит от берега к центру лимана.

А первыми чистую воду увидели дети из нашего церковного детского дома, которые загорали на берегу. С криками: «Папа воду очистил!» они бросаются купаться. Быстрым шагом стали подтягиваться купальщики с дальнего пляжа... И что характерно — после омовения в «очищенной батюшкой» воде в церковь никто не поспешил. Так что и в этом явно сверхъестественном событии (объяснить его «естественным» образом можно только с великой натяжкой как процесс, аналогичный самозакипанию чайника) видно, что чудо от Господа не призвано поражать воображение зрителей, но есть знак милости и любви Божией ко Своим чадам.

Потухшие пожары

Три года мы прожили в глинобитной хатке без фундамента, чудом простоявшей с 1905 года. Затем продали свою квартиру в городе и начали строиться. Но строили все кусочками: то веранду, то кухню. Коридор зигзагом обвели вокруг колодца, засыпать жалко было. Перекрыли первый этаж плитами, а второй уж строили из чего придется; в основном сами шлакоблоки лепили. Второй этаж думали сделать летней мансардой, для гостей. Однако лесоматериалов не было, шлакоблоком подняли стены, перекрыли почти плоской крышей — с минимумом расхода леса и шифера. Получились две комнаты и закрытая веранда, но холодные — стены в 20 см толщиной. Весной в одной из комнат второго этажа поставили ящики с рассадой и электрокамин. Что уж там произошло — Бог весть, однако в полдень прибегают ко мне сын с криком: «Папа, второй этаж горит!» Я бодро хватаю ведро с водой

и по наружной лестнице (списанный корабельный трап) забираюсь на второй этаж. Открываю дверь, и... погружаюсь в густой кисель черного дыма. Легкие мгновенно словно разрываются (потом еще месяц откашляться не мог!), выливаю воду не глядя и сползаю вниз. Через несколько минут лопается оконное стекло, вырываются языки огня. Сбегаются народ, кое-кто злорадствует, кое-кто глазеет, многие самоотверженно помогают. Однако сделать что-либо практически невозможно: запасов воды нет, из водопровода течет тоненькая струйка...

Позвонить, вызвать пожарку непросто. В селе только один телефон, дома у главного зоотехника. Еду на нашем «жигуленке» к нему. Слава Богу, дома; пускает позвонить. Однако ни один телефон — 01, 02, 03 и пр. не отвечает, в сельсовет (в соседнее село) дозвониться также не удастся. Ухожу, иду в нашу церковь, открываю двери, захожу в алтарь. Смотрю в окно, вижу крышу нашего дома. Столб черного дыма, вырывается огонь, взрывается и

разлетается кусками шифер. А когда-то, еще в бытность свою бухгалтером Всесвятской церкви в Николаеве, я слышал такое народное поверье, что в случае беды следует в храмах открывать Царские врата. И вот я открываю Царские врата, становлюсь на колени пред Престолом и, как могу, молюсь. Так проходит минут двадцать. Затем я вновь подхожу к окну и вижу: над крышей нашего дома нет не только огня, но и дыма. Только легкий белый парок вьется. Я закрываю двери храма, сажусь в машину и еду к дому; за мной сразу подъезжают две пожарные машины — сельсовет-таки вызвал. Но пожар уже прекратился. Выгорели насквозь потолок и крыша над средней комнатой, отчасти и над соседними (всего примерно четверть крыши).

Почему прекратился огонь? Пожарные ходят, топориками ковыряют, плечами пожимают. Потолок у нас был деревянный, сверху застеленный рубероидом. Как мог остановиться огонь? А вот внизу, на первом этаже, прямо под горевшей комна-

той матушка с детьми стояли на коленях и молились перед иконой Божией Матери «Неопалимая Купина». Да разве пожарным объяснишь это? Они вот еще на второй этаж вылили на всякий случай несколько тонн воды — не зря ведь приехали. Хорошо, что уговорили пожарных воду из второй машины на землю вылить. И тоже чудо: куда вода-то делась? На первый этаж ничего не просочилось, хотя, раньше, если даже расширительный бачок переполнялся — сразу по потолку и стенам текло.

И не менее поразительно: из коридора второго этажа открытый проем на чердак старого дома, где мы хранили сухое сено. По коридору бил поток огня, как в аэродинамической трубе, огонь вырвался на веранду, загибался вверх и прожег отверстие в крыше веранды. В коридоре, рядом с проемом на сеновал, расположенным напротив горевшей комнаты, стояла закрытая дверь крайней комнаты.

Дверь сгорела полностью, даже выгорела в стене коробка. А в двадцати-тридцати сантиметрах от нее лежало сухое,

как порох, сено — и даже не затлело. А ведь вокруг переплет стропил, деревянное перекрытие, и внизу — наш основной жилой дом...

Чудо... Что это было? Вразумление? В чем-то, безусловно, да: *ибо без Меня не можете делать ничего* (Ин. 15, 5), *человекам это невозможно, Богу же все возможно* (Мф. 19, 26). Но, может быть, и это было явлением милости Божией? Ведь преподобный Амвросий Оптинский говорил, что если вы без ропота принимаете поощрение Божие, когда вас обворуют, или, может быть, погорите и т.п., то это примется Господом как ваше пожертвование. Значит, нам следовало подать такую милостыню, и дай Бог, чтобы Господь ее принял.

В красном углу у меня, наряду с другими святыньками, хранится маленький лоскуток ткани с прилипшими к нему угольками от сгоревшей соломки. Это — свидетели второго пожара. Произошел он лет через шесть после вышеописанного. Этот пожар случился совсем малых масштабов,

но с возможными катастрофическими последствиями.

А лоскуток тот — это часть платочка, который прикладывали к мощам святого великомученика и целителя Пантелеимона, когда его честную главу с Афона в Москву привозили. Платочек мне подарила прихожанка, паломничавшая в Москву. Лежал у меня платочек в моей комнате в красном углу, на деревянной полке. Там же на тарелочке из вязаной соломки стояла лампада, рядом лежал пучок иерусалимских свечей (от Благодатного огня) и несколько обычных. На подсвечнике горела свеча. Вышел я из комнаты, как думал, ненадолго, но где-то задержался. Когда вернулся в комнату — минут через тридцать — пожар догорал... Судя по всему, сначала упала горевшая свеча, подожегла лежащие свечи. Лопнула лампада, вытекло масло, загорелась поверхность полки. На иконах по стенам треснули стекла. Совсем рядом портьеры, книжный шкаф. Естественно, загорелась соломенная подставочка под лампадой; по сути дела она вся сгорела.

Огонь подобрался к лоскутку-святыньке. Уголок платочка касался соломки. И вот тут огонь начал гаснуть. Я увидел только всплески последних огоньков. Среди пожарища лежали почти не оплавившиеся иерусалимские свечи, рядом платочек, целый и невредимый, даже не закопченный. Только уголок его расплавленным воском приклеился к кусочку обгоревшей соломки — там, где он ее касался. Кто желает — приходите, я вам покажу этот лоскуток...

Слава Богу!

Начало девяностых годов прошлого века. Приходят как-то на богослужение в наш храм женщина с девочкой. Подходят вместе к исповеди.

— Вы первый раз собираетесь исповедоваться?

— Да.

— Что вас привело сегодня в храм?

— Мы из соседнего села, Парутино. Зовут меня Надежда. Дочка вот, Наташа,

учится в одиннадцатом классе. Несколько лет болеет лейкемией. Где только не лечились, и в столичных клиниках лежала, но ей все хуже. Отчаялись вылечить медицинскими средствами, обратились к экстрасенсу. Она нам гарантировала исцеление. Но сказала, что предварительно мы должны семь раз «заисповедоваться и причаститься» в церкви (на первый взгляд странная практика, когда экстрасенсы, колдуны посылают своих «клиентов» в церковь, вполне объяснима с мистической точки зрения: причастные Святых Христов Таин души особо ценны для «охотника», причем сами «орудия охоты» могут и не осознавать подлинных мотивов своих действий. — *Авт.*), а потом она вызовет «ангелов», те сделают Наташе операцию и вылечат. Вот мы и пришли...

Легко ли объяснить матери, почему я не хочу помочь «вылечить» ее смертельно больную дочь? Говорю о «сетях» колдунов, о смысле исцеления в Церкви. Не обещаю вылечить ребенка, но от имени Церкви говорю о даре вечной жизни при смирен-

ном принятии Промысла Божия и послушании Церкви. Уходят в сомнениях.

Через несколько дней приходят вновь. Расспрашивают, а почему же «целительница» их в храм послала, почему у нее полный дом икон, а что нужно сделать, чтобы поступить, как Церковь учит? Рассказываю об исповеди, причастии, соборовании; даю почитать несколько брошюр.

И вновь возвращаются через несколько дней. «Мы решили к колдунье не ходить, сделаем все, как учит Церковь христианская, а там уж как Бог даст, так и будет...» — не правда ли, подвиг веры? Девочку исповедую, соборую; в течение нескольких дней она, по совету старца, к которому я обратился, ежедневно причащалась Святых Христовых Тайн.

Примерно через неделю приходит Надежда.

— Как дела у Наташи? В больнице были?

— Да быть-то были, и анализы сдали, но где-то в лаборатории их перепутали, теперь надо повторно делать.

И еще через несколько дней:

— Батюшка, радость-то какая! Те, первые анализы, оказались правильные, только поверить в это не могли! Сделали повторные, никаких следов болезни нет. Слава Богу!

Прошло почти десять лет. Наташа вполне здорова, окончила институт, живет и работает в Николаеве. Надя осталась жить в Парутино, постоянная прихожанка новооткрытой там церкви; в большие праздники и к нам с дочкой выбирают. Слава Богу!

*По книге «Чудо. Богословский взгляд
и личный опыт».*

Используемая литература

Православный журнал «Славянка». 2011–2015 г.

Русь Святая!
Храни веру Православную,
в нейже тебе утверждение.

Подписано в печать 28.05.15. Формат 70×90¹/₃₂.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,5 л.
Тираж 5000 экз. Заказ № О-1365.

Издательство «Ковчег».
Москва, Савеловский проезд, 8
Оптовая и розничная книжная торговля
Москва: (495) 689-11-00

Книжный интернет-магазин издательства «Ковчег»:
prav-knigi.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала АО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

Русь святая!

Храни веру Православную,
в нейже тебе утверждение!